

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2022 '3

ЖЕНЩИНА

В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2022

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайте
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2022
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2022

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 — 2022

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2022
© Ivanovo State University, 2022

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 3–16.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 3–16.

Научная статья

УДК 327.7

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.1

ООН И ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: НА ПУТИ К РЕАЛИЗАЦИИ

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. Глобальное сотрудничество — объективная черта современности, что нашло отражение в согласованном одобрении государствами — членами ООН Целей устойчивого развития. Страны добровольно возложили на себя обязательства по их достижению. Среди них Цель 5, устанавливающая амбициозную перспективу ее реализации к 2030 г., которая посвящена гендерному равенству. Соблюдение важнейшего принципа человеческого развития — гендерного равенства — рассматривается ООН как предпосылка и условие прогресса. Однако в странах сохраняются большие гендерные разрывы, и данные свидетельствуют о пагубном влиянии пандемии COVID-19, оказавшей регрессивное воздействие на гендерное равенство. Под эгидой ООН состоялись парламентские слушания, нацеленные на совершенствование политической поддержки и всеобъемлющих мер реагирования на устойчивое восстановление, на усиление глобальной дискуссии в ООН и в столицах стран мира об устойчивом развитии в обстоятельствах продолжающейся пандемии. Достижением ООН стала почти всеобщая отчетность — седьмой раз проведенное представление Добровольных презентаций национальных обзоров. Особую озабоченность вызывают проблемы дискриминации женщин-ученых, которые обострились в период пандемии. Ситуация требует решений с помощью новой политики, инициатив и механизмов для поддержки женщин и девочек в науке. Между гендерным равенством и устойчивым развитием существует неразрывная связь и взаимопроникновение.

Ключевые слова: устойчивое развитие, структура «ООН-женщины», гендерное равенство, Цели устойчивого развития, коронавирусная пандемия, COVID-19, Цель 5 «Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек», документ ООН «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», Добровольные презентации национальных обзоров

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Шведова Н. А. ООН и цели устойчивого развития: на пути к реализации // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 3—16.*

Original article

THE UN AND THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: ON THE WAY TO IMPLEMENTATION

Nadezda A. Shvedova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. Global cooperation is an objective feature of modernity, which is reflected in the agreed approval by the United Nations Member States of the Sustainable Development Goals. Countries have voluntarily committed themselves to achieving them. Among them, Goal 5 is dedicated to gender equality, setting an ambitious target for its achievement by 2030. Along with a separately designated gender goal, the others in each of their directions provide for taking into account the gender dimension. Compliance with the most important principle of human development — gender equality — is considered by the UN as a prerequisite and condition for progress. Mid-term is here, but there remain large gender gaps across countries, and evidence shows the detrimental impact of the COVID-19 pandemic, which has had a regressive impact on gender equality. The UN is developing activities to influence the course of events in order to prevent unforgivable losses from the arsenal of positive changes. Parliamentary hearings were held under the auspices of the UN aimed at improving political support and a comprehensive response to a sustainable recovery, intensifying the global discussion at the UN and in capitals around the world about sustainable development in the context of the ongoing pandemic. Near-universal reporting has been a UN achievement as the Voluntary Presentation of National Reviews has been presented for the seventh time. Of particular concern are the problems of discrimination against women scientists, which have become more acute during the pandemic. The situation calls for solutions through new policies, initiatives and mechanisms to support women and girls in science. There is an inextricable link and interpenetration between gender equality and sustainable development. Currently, international cooperation is being objectively updated, sometimes causing fierce disputes.

Key words: sustainable development, UN Women, gender equality, Sustainable Development Goals, coronavirus pandemic, COVID-19, Goal 5 “Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls”, UN document “Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development”, the Voluntary National Review Presentations

Acknowledgments: the reported study was funded according to the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation”, supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Shvedova, N. A. (2022) ООН i tseli ustoïchivogo razvitiia: na puti k realizatsii [The UN and the sustainable development goals: on the way to implementation], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—16.

ЦУР на смену ЦРТ

25 сентября 2015 г. пришел черед для одобрения новой дорожной карты — резолюции, установившей 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач для их достижения, которые явились на смену Целям развития тысячелетия (ЦРТ) (2000—2015 гг.). Полное название документа — «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development»). ЦУР были утверждены главами государств и правительств в ходе саммита ООН по устойчивому развитию на 70-й юбилейной сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Официально ЦУР вступили в силу 1 января 2016 г.

В новом реестре целей их число увеличилось на 9 единиц. Цели, касающиеся ликвидации нищеты и голода, качественного образования (теперь для всех), гендерного равенства, партнерства в интересах устойчивого развития, здоровой экологии, — в той или иной степени перешли в перечень вновь принятых.

Список дополнили следующие цели: здоровый образ жизни и благополучие, чистая вода и санитария, недорогостоящая и «чистая» энергия, достойная работа и экономический рост, развитие инфраструктуры, инновации, сокращение неравенства, устойчивые города и населенные пункты, ответственные потребление и производство, борьба с изменением климата и его последствиями, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши, мир, правосудие и эффективные институты. Перечень отражает динамику развития глобальной цивилизации: расширился спектр направлений жизнедеятельности, стал объемным и разноотраслевым, системно выстроенным подход к намеченным целям.

Напомним, в рамках Цели 5 намечены 9 главных задач, выполнение которых позволит достичь обозначенной перспективы. Их перечень включает ликвидацию всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек во всем мире; всех форм насилия в отношении женщин и девочек как в государственной, так и в частной сферах (имеются в виду торговля людьми, сексуальная и другие виды эксплуатации); вредной практики (детские, ранние и принудительные браки и калечащие операции на женских половых органах). Кроме того, задачи включают изменение отношения к неоплачиваемому уходу и домашней работе. Имеются в виду признание и оценка этих видов труда, забота о предоставлении государственных услуг, инфраструктуры и политики социальной защиты, поощрение совместной ответственности в домашнем хозяйстве и семье с учетом национальных требований.

Среди ключевых факторов достижения поставленной цели — создание всеобщего доступа к услугам в сфере репродуктивного, сексуального здравоохранения и репродуктивных прав в соответствии с согласованной Программой действий Международной конференции по народонаселению и развитию, Пекинской платформой действий. Речь идет о реализации реформы, нацеленной на предоставление женщинам равных прав на экономические ресурсы, владение и контроль над землей

и иными формами собственности, наследство и финансовые услуги, природные ресурсы в соответствии с национальными законами. В документе отражена необходимость эффективного участия женщин в управлении на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни.

ЦУР, как и ЦРТ, не имеют юридически обязательной силы. Однако государства-подписанты добровольно берут на себя ответственность и создают национальные механизмы по их достижению. По оценкам ООН, потребуется \$5—7 трлн инвестиций ежегодно для реализации ЦУР в полном объеме. Экономическая выгода при достижении целей очевидна: «Они откроют рыночные возможности, эквивалентные \$12 трлн, и обеспечат 380 млн новых рабочих мест» [17 Sustainable Development Goals, 2022].

Парламентские слушания в ООН

В настоящее время в ООН отмечают «разочаровывающие» темпы реализации ЦУР, главную причину которых усматривают в отсутствии политической воли властей, часто принимающих сторону корпоративных интересов, а не общества [ibid.]. В связи с этим 17—18 февраля 2022 г. в Нью-Йорке под эгидой ООН состоялись парламентские слушания. Это совместная инициатива Межпарламентского союза и Канцелярии Председателя Генеральной Ассамблеи. Цель мероприятия — совершенствование политической поддержки и всеобъемлющих мер реагирования на устойчивое восстановление [Parliamentary Hearing... , 2022].

От слушаний ожидалось усиление глобальной дискуссии в ООН и в столицах стран мира об устойчивом развитии в обстоятельствах продолжающейся пандемии. Надежда была на то, что парламентские слушания позволят правительствам, законодательным органам и сообществу ООН критически взглянуть на ключевые действия по созданию экономики, работающей на благо всех обществ, объединяющих людей, и окружающей среды, устойчивой для будущих поколений.

Идея о продвижении гендерного равенства пронизывала двухдневную дискуссию. Замысел этого мероприятия возник, очевидно, не случайно, потому что 2 последних года изобиловали обсуждениями ущерба, который пандемия COVID-19 нанесла усилиям в области устойчивого развития. Кроме этого, еще до пандемии все громче звучали критические голоса по причине не реализации «более широкого видения устойчивого развития как синтеза экономических, социальных и экологических проблем». Тяжеловесным аргументом в этом ряду был «неуклонный рост неравенства в доходах и благосостоянии, уходящий корнями в предпандемические времена» [ibid.].

Доклад «Наша общая повестка дня» рассчитан на следующие 25 лет и отражает представление Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша о будущем глобального сотрудничества и активизации инклюзивной, сетевой и эффективной многосторонности. Генеральный секретарь представил свой доклад Генеральной Ассамблее в сентябре 2021 г., до окончания 75-й сессии Генеральной Ассамблеи [Parliamentary Hearing... , 2022]. Характеризуя настоящее время, он подчеркивает его переломный характер, а пандемию COVID-19 называет тревожным звонком, который в условиях климатического кризиса сигнализирует о «самом большом общем испытании со времен Второй мировой войны» [Our Common Agenda... , 2021].

Иными словами, человечество сегодня может пойти к дальнейшему краху и будущему вечных кризисов или к прорыву к лучшему, более устойчивому

и мирному будущему для народа и планеты. Отсюда вытекает «Наша общая повестка дня», которая представляет собой программу действий, направленную на укрепление многосторонних соглашений, в частности «Повестки дня на период до 2030 года», и достижение ощутимых изменений в жизни людей.

В рамках 12 обязательств, принятых в Декларации по случаю празднования 75-й годовщины ООН, содержится направление 5 «Поместите женщин и девушек в центр». Оно подразумевает отмену гендерно-дискриминационных законов; содействие гендерному равенству, в том числе с помощью квот и специальных мер; обеспечение экономической интеграции женщин, включая инвестиции в экономику ухода и поддержку женщин-предпринимательниц; включение голосов молодых женщин и, наконец, искоренение насилия в отношении женщин и девочек, в том числе через план реагирования на чрезвычайные ситуации.

ООН и пандемия: в фокусе гендерное равенство

А. Гутерриш справедливо отметил, что «пандемия COVID-19 доминировала в 2021 году во всем мире». Конечно, ООН не осталась в стороне. Ясно, что весь мир «скорбит по миллионам людей», которых унесла коварная хворь. Как подчеркнул Генеральный секретарь, пандемия — это «величайшая общая глобальная проблема с момента основания ООН». Страны, столкнувшись с бедой, которая сопровождается «неопределенностью и уязвимостью», оказались перед лицом глобальных кризисов в области здравоохранения, социальной, экономической сфер, а также прав человека. Все это — трофеи пандемии, подчеркнувшие «важность многостороннего сотрудничества» [Report of the Secretary-General... , 2021].

Гибель миллионов человек — жертв пандемии — отзывалась в сердцах и умах как приговор человечеству. Генеральный секретарь ООН призывал страны работать вместе и помогать друг другу, чтобы положить конец пандемии и спасти жизни. А. Гутерриш отметил усугубление смертоносного воздействия пандемии из-за отсутствия глобально скоординированных усилий. Он предостерегал от саморазрушительного «вакцинационализма».

«COVID-19 — это кризис с женским лицом... Ущерб неисчислимо и будет звучать десятилетиями в будущих поколениях. Настало время изменить курс. Равное участие женщин — это то, что нам нужно», — четко артикулировал свою позицию А. Гутерриш во вступительном слове на 65-й Сессии Комиссии по положению женщин ООН [António Guterres... , 2021]. Далее он снабдил свою речь убедительными аргументами, указав, что лишь «четверть национальных законодателей во всем мире, треть членов местных органов власти и одну пятую членов кабинета министров составляют женщины. Только 22 страны возглавляют женщины — главы государств или правительств (2021 г.). При нынешних темпах паритет среди глав правительств не будет достигнут до 2150 г.» [ibid.].

Цифры говорят сами за себя: по сравнению с мужчинами женщины на 24 % чаще теряют работу и могут ожидать, что их доход упадет на 50 %. Эпидемия коронавируса породила «теневую эпидемию насилия в отношении женщин во всем мире, как онлайн, так и офлайн». Между тем реакция на COVID-19 проиллюстрировала «огромную силу женского лидерства». Это выразилось в умении женщин-лидеров поддерживать низкие показатели передачи инфекции и в результате вывести страны на путь восстановления. Женские НКО проявляли

свою активность, умело восполняя «серьезные пробелы в предоставлении услуг и информации, особенно на уровне общин». В результате «большой гендерный баланс привел к улучшению реагирования. И наоборот, страны с менее эффективными мерами реагирования, как правило, являются странами, в которых преобладают жесткие подходы, а права женщин подвергаются нападкам», свидетельствовал глава ООН [ibid.].

Женщинам-исследовательницам принадлежала важная роль на различных этапах ответа на COVID-19: от распространения знаний о вирусе — до разработки методов тестирования и вакцины против него. В то же время пандемия COVID-19 оказывает значительное негативное влияние на всех женщин.

Были предложены 5 ключевых строительных блоков. Во-первых, полностью реализовать равные права женщин, в том числе путем отмены дискриминационных законов и принятия позитивных мер. Во-вторых, обеспечить равное представительство — от советов директоров компаний до парламентов, от высших учебных заведений до государственных учреждений — посредством специальных мер, включая квоты. В-третьих, содействовать экономической интеграции женщин посредством равной оплаты труда, целевого кредитования, защиты рабочих мест и значительных инвестиций в экономику ухода и социальную защиту. В-четвертых, принять в каждой стране план реагирования на чрезвычайные ситуации для решения проблемы насилия в отношении женщин и девочек и обеспечить финансирование, политику и политическую волю в этом направлении. В-пятых, обеспечить пространство для перехода от поколения к поколению, который идет полным ходом. От первых полос периодики до Интернета молодые женщины выступают за более справедливый и равноправный мир и заслуживают большей поддержки [ibid.].

Женщины и здравоохранение

Международная организация труда и Всемирная организация здравоохранения опубликовали 13 июля 2022 г. глобальный анализ гендерного разрыва в оплате труда в секторе здравоохранения и ухода во времена COVID-19. В публикации под названием «В сфере здравоохранения и ухода работает больше женщин, но они зарабатывают на 24 % меньше мужчин: доклад ООН» зафиксирован значительный гендерный разрыв в оплате труда, составляющий примерно 20 процентных пунктов. Он увеличивается до 24 при учете таких факторов, как возраст, образование и рабочее время. Нюансы в возрасте, образовании и продолжительности рабочего времени, а также различия в участии женщин и мужчин в государственном или частном секторе решают лишь часть проблемы. В докладе отмечено, что большая часть разрыва необъяснима, однако авторы высказывают мнение о возможной связи с дискриминацией по отношению к женщинам, на долю которых приходится почти 70 % медицинских работников во всем мире (см.: [Женщины в секторе здравоохранения... , 2022]).

Заработная плата в здравоохранении в целом ниже по сравнению с другими секторами, что согласуется с выводом о более низком уровне заработной платы в областях, где преобладают женщины. Подчеркнуто, что в условиях пандемии и решающей роли работников охраны здоровья во время кризиса, в период с 2019 по 2020 г., равенство в оплате труда улучшилось лишь незначительно.

«Сектор здравоохранения характеризуется низкой оплатой труда, серьезным разрывом в оплате труда мужчин и женщин и тяжелыми условиями труда. Пандемия COVID-19 четко выявила эту ситуацию и одновременно продемонстрировала, насколько жизненно важен этот сектор и труд его работников для поддержания жизни семей, общества и экономики», — подчеркнула Мануэла Томей, директор Департамента условий труда и равенства МОТ. В докладе представлены выводы о том, что работающие матери в секторе здравоохранения и ухода «наказаны», потому что гендерные различия в оплате труда значительно увеличиваются в репродуктивный период женщины и сохраняются на протяжении всей ее трудовой жизни.

В целом выявлены значительные отличия в гендерном разрыве в оплате труда в различных странах, что доказывает отсутствие «неизбежности» в характере разнообразия, а значит, можно сделать больше для устранения разрывов. Характерно, что внутри стран гендерный разрыв в оплате труда, как правило, шире в тех областях занятости, где мужчины работают преимущественно на более высокооплачиваемых позициях. Женщины преобладают там, где более низкооплачиваемые категории рабочих мест.

М. Томей возлагает надежду на доклад, который призван стать толчком к диалогу и принятию политических мер, поскольку инклюзивное, устойчивое развитие и устойчивое восстановление после пандемии невозможно без укрепления сектора здравоохранения и предоставления медицинских услуг. В частности, она заявила, что невозможно получить более качественные услуги здравоохранения и ухода без улучшения условий труда, включая более справедливую заработную плату, для работников здравоохранения и ухода, большинство из которых составляют женщины [там же].

В свою очередь, Джим Кэмпбелл, директор ВОЗ по кадрам здравоохранения, добавил, что существующие успешные примеры в нескольких странах, включая повышение заработной платы и политическую приверженность равенству оплаты труда, прокладывают прогрессивное направление. Женщины составляют большинство работников сектора здравоохранения и ухода, однако в слишком многих странах системные предубеждения приводят к пагубным штрафным санкциям против них. «Фактические и аналитические данные, представленные в этом инновационном докладе, должны обеспечивать информационную основу для правительств, работодателей и работников с целью принятия эффективных мер» [там же]. В докладе признается более справедливое распределение семейных обязанностей между женщинами и мужчинами как возможный фактор для избрания женщинами других ниш на рынке труда с более высокой категорией оплаты.

«Энтузиазм, страсть и высокая энергия» для достижения Целей устойчивого развития к 2030 г.

После двух лет виртуальных встреч из-за COVID-19 Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию 2022 г. завершил свою работу в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. СМИ отмечают «энтузиазм, страсть и высокую энергию» для достижения Целей устойчивого развития к 2030 г., которые продемонстрировали делегаты. Глава Экономического и социального совета (ЭКОСОС) Коллен Келапиле заявил о том, что ЭКОСОС продвинул основную

программу и инициировал конкретные кардинальные действия по выполнению решений Генеральной Ассамблеи.

Речь шла о необходимости «преодоления дефицита финансирования путем реформирования международной долговой и налоговой архитектуры», а также о сентябрьском (2022 г.) саммите по реформированию образования для устранения препятствий на пути к достижению ЦУР 4 [Key UN forum... , 2022]. В частности, было подчеркнуто: ни одна страна не достигла гендерного равенства, потребности женщин и девочек должны быть рассмотрены «более комплексно», чтобы лучше восстанавливаться, включая искоренение насилия в отношении женщин и выполнение национальных гендерных бюджетов [ibid.].

Вместе с тем участники Политического форума высокого уровня расстались, несмотря на «мрачные времена», сохраняя «атмосферу оптимизма в отношении того, что Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года обеспечивает основу для улучшения ситуации» [Sustainable Development Goals... , 2022]. «Наше единство очень подробно изложено в Декларации министров, и я поздравляю вас с этим достижением. Я рад, что твердая приверженность достижению целей, которые мы поставили в 2015 году, по-прежнему жива. Это ускорит наше продвижение по нашему общему пути к восстановлению и устойчивости», — заявил заместитель Генерального секретаря ООН по экономическим и социальным вопросам [ibid.]. Вдохновляющая нота завершила мероприятие.

О женщинах-ученых

Соблюдение важнейшего принципа человеческого развития — гендерного равенства — рассматривается ООН как предпосылка и условие прогресса. Этот принцип закреплён в официальных международных документах ООН (Всеобщая декларация прав человека (1945 г.), Венская декларация прав человека (1993 г.), CEDAW (1979 г.) и др.). Повестка дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. подтверждает приверженность гендерному равенству и актуализации гендерной проблематики и поддерживает ряд целей, включая Цель 5 «Достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек».

Особую озабоченность вызывают проблемы дискриминации женщин-ученых, которые обострились в период пандемии. Закрытые лаборатории и повышенные обязанности по уходу — это лишь 2 из тех проблем, с которыми женщины из академических кругов сталкиваются во время пандемии COVID-19, заявил глава ООН в своем послании к Международному дню женщин и девочек в науке 11 февраля 2021 г. Почему это опасно?

Ответ очевиден: углубляющийся гендерный разрыв в науке и гендерный дисбаланс в научной системе означает, что, по словам А. Гутерриша, мир будет по-прежнему создаваться мужчинами и для мужчин, а потенциал девочек и женщин останется неиспользованным. Ситуация требует решений с помощью новой политики, инициатив и механизмов для поддержки женщин и девочек в науке.

Женщины составляют лишь треть мировых исследователей и занимают меньше руководящих должностей, чем мужчины, в ведущих университетах, что приводит к более низким показателям публикаций, меньшей известности, меньшему признанию и, что наиболее важно, меньшему финансированию. Данные ЮНЕСКО свидетельствуют лишь о 3 % женщин в области информационных

и коммуникационных технологий, что представляет собой особенно низкую долю, а в области естественных наук, математики и статистики она равна 5 %.

Глава ЮНЕСКО Одри Азуле в своем послании к Международному дню женщин и девочек в науке 11 февраля 2021 г. отметила, что если мы хотим справиться с огромными проблемами XXI века — от изменения климата до технологических потрясений — нам придется полагаться на науку и мобилизацию всех наших ресурсов. Именно по этой причине мир не должен быть лишен потенциала, интеллекта или творческих способностей тысяч женщин, ставших жертвами глубоко укоренившегося неравенства и предрассудков.

Тем временем в реальной жизни женщинам в науке меньше платят, их работы реже публикуют, а их самих не продвигают по службе. Какие рекомендации предлагаются? Их набор известен:

- искоренение гендерных стереотипов через образование;
- изменение социальных норм;
- поощрение положительных образцов для подражания женщинам-ученым;
- повышение осведомленности на самых высоких уровнях принятия

решений;

- обеспечение участия женщин и девочек не только в областях STEM (наука, технологии, инженерия и математика), но также в лидерстве и инновациях, которые тоже реализуются ими;

- внедрение политики на рабочем месте и организационной культуры, которые обеспечивают безопасность, учитывают потребности женщин как родителей и поощряют их к успеху в академической карьере.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш подчеркивает решающее значение навыков STEM для преодоления глобального разрыва между пользователями Интернета, а также призывает всех ликвидировать полностью гендерную дискриминацию, обеспечить возможности для реализации женщинами и девочками своего потенциала с целью стать неотъемлемой частью созидания лучшего мира для всех.

В мире предпринимаются различные шаги для поощрения женщин-ученых, существуют премии. Так, 11 февраля 2021 г. по случаю Международного дня женщин и девочек в науке ЮНЕСКО и Фонд L'Oréal объявили имена лауреаток 23-й Международной премии «Женщины в науке» и наградили 5 исследовательниц в области астрофизики, математики, химии и информатики.

Добровольные национальные обзоры

В мае 2022 г. под эгидой ООН седьмой раз проходило представление Добровольных презентаций национальных обзоров (Добровольных национальных обзоров). 44 страны, дополнив ранее сдавшие, довели общее число представивших до 187 (напомним, что в ООН входят 193 страны) [Deputy Secretary-General's Remarks... , 2022]. Таким образом, почти всеобщая отчетность стала достижением ООН.

Как подчеркнул заместитель Генерального секретаря по ключевым выводам Добровольных национальных обзоров на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию 5 июля 2022 г., обзоры данного года представляют собой свидетельства неудач, вызванных пандемией COVID-19; вспышкой

и продолжением конфликтов; продолжающимся тройным экологическим кризисом: изменением климата, утратой биоразнообразия и загрязнением [ibid.].

В представленных странами обзорах говорится о серьезном воздействии пандемии на образование, здравоохранение, гендерное равенство и экономику. В отчетах содержится информация о достижениях и примеры прогресса в таких областях, как сельское хозяйство, диверсифицированные образовательные услуги, программы социальной защиты, расширение цифровой экономики, оптимизация налоговой базы и законодательство по борьбе с насилием в семье.

В ряду позитивных сдвигов отмечается внедрение странами инновационных решений и стратегий для улучшенного восстановления после пандемии. Программы денежных вливаний, мораторий на задолженность для предприятий, национальные планы противодействия и пакеты государственных стимулов принесли существенное облегчение [ibid.]. Активный стимул обрело партнерство с частным сектором, прибегая к которому, государства инвестировали в отечественное производство вакцин и обеспечивали вакцинами беженцев внутри своих стран и за пределами границ.

Однако позитивные сдвиги перекрывались негативными. Их перечень не короток. Пандемия обострила проблемы бедности, безработицы, непосильной задолженности, растущего неравенства и инфляции. Многие домохозяйства понесли убытки и тысячи семей испытали сокращение своих доходов. Отмечается, что больше всего пострадали страны с крупным сектором услуг и те, которые зависят от туризма или экспорта нефти. Выделяется характерная особенность: во всех странах женщины, молодежь и дети были наиболее уязвимыми.

Наблюдаются такие явления, как рост числа ранних браков и резкое увеличение насилия по признаку пола; уход с рынка труда, особенно матерей, во время пандемии из-за выросшего бремени присмотра за детьми и семейных обязанностей по домашнему хозяйству.

Почти в 100 странах действуют законы, запрещающие женщинам определенное экономическое участие — от ограничений на типы рабочих мест, которые они могут занимать, до неравенства в праве собственности. Во многих странах сексуальные домогательства на работе остаются законными [National Strategy... , 2021].

Кроме того, почти во всех странах мира женщины зарабатывают меньше мужчин и делают больше неоплачиваемой работы. В мире еще до пандемии женщины в среднем несли ответственность почти за три четверти неоплачиваемой работы по уходу, что подрывает их способность участвовать в оплачиваемой работе. Они составляют подавляющее большинство персонала по уходу [ibid.].

Вместе с тем Добровольные презентации национальных обзоров, по мнению ООН, демонстрируют невероятную ценность Целей в области устойчивого развития. Она заключается в том, что привлечение правительств, партнеров по развитию, учреждений ООН и других заинтересованных сторон к ответственности за достижение устойчивого развития приобрело реальный механизм, приближенный к каждодневному уровню жизни.

Во-первых, каждый год 7 лет подряд правительства озабочены мониторингом деятельности по реализации намеченных ЦУР, что свидетельствует о приверженности стран устойчивому развитию перед лицом продолжающихся и новых кризисов.

Во-вторых, большинство стран в 2022 г. отражают в обзорах прогресс и шаги, предпринятые для устранения пробелов, выявленных в предыдущем обзоре.

В-третьих, ЦУР все больше интегрируются в национальную политику и планы устойчивого восстановления после пандемии COVID-19, что способствует ускорению преобразований, связанных с энергетической, продовольственной системами и др. Институты и управление для обеспечения устойчивого развития требуют также своего укрепления.

В-четвертых, само по себе проведение Добровольных национальных обзоров углубляет и усиливает ценность объединения заинтересованных сторон для формирования дорожных карт стран по достижению ЦУР. Например, создание комитетов и советов для мониторинга политики, направленной на достижение ЦУР, и национальных платформ отчетности для отслеживания целей и показателей активизировали их взаимодействие, улучшили доступность данных.

В-пятых, жизненно важная роль субнациональных действий в достижении ЦУР также становится более понятной и поддерживается там, где страны проводят добровольные местные обзоры, связанные с общенациональными. Таким образом, складывается коммуникативная линия: мэры, губернаторы и специалисты-практики полностью вовлекаются в процесс.

ООН обсуждает переходные процедуры, которые нацелены на разработку повышения экономического роста, занятости и равенства, открыты для выполнения обещания Повестки дня на период до 2030 г. никого не оставить без внимания. Заслушивания презентаций Добровольных национальных отчетов с 22 мая 2022 г. в личном формате прошли впервые за 3 года. Генеральная Ассамблея запланирована на сентябрь 2022 г. как важная веха на пути осмысления глубоких преобразований, необходимых для восстановления в постпандемический период. Запланирован саммит по достижению ЦУР 2023 г. [Deputy Secretary-General's Remarks... , 2022]. Многочисленные кризисы на полпути к осуществлению Повестки дня на период до 2030 г. — тревожные сигналы для необходимой, часто отсутствующей солидарности, которую следует превратить в возможность, настаивают лидеры ООН.

Выводы

Цели устойчивого развития — результат многолетнего открытого процесса, учитывающего мнения разных заинтересованных сторон и свидетельствующего о согласии между 193 государствами — членами ООН в отношении приоритетов. ЦУР — беспрецедентная международная программа-повестка, историческое значение которой заключается в ее глобальном характере.

ЦУР — это план достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех. Они направлены на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Мировое сообщество обеспокоено негативными тенденциями, проявившимися на середине пути до 2030 г. Именно поэтому настало время действовать, призывает ООН.

ЦУР носят общечеловеческий характер и предназначены для всех стран, являются *глобальными по своему характеру* и *универсально применимыми*, при этом обеспечивают взаимосвязь. Именно поэтому усилия по их достижению должны носить комплексный характер. Эксперты отмечают направленность

Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. на устранение коренных причин глобальных проблем и удовлетворение всеобщих потребностей развития в интересах всех людей и планеты. ЦУР в максимальной степени сосредоточены на средствах осуществления, вопросах мобилизации ресурсов, перестройки и переориентации мировой финансово-инвестиционной системы, наращивания потенциала и технологий.

Цели устойчивого развития призывают все страны — бедные, богатые и со средним уровнем дохода — содействовать своему процветанию при одновременном обеспечении защиты планеты. ЦУР признают, что ликвидация нищеты должна быть неразрывно связана с реализацией стратегий, содействующих экономическому росту и направленных на удовлетворение социальных потребностей, в том числе в области образования, здравоохранения, социальной защиты и обеспечения возможности трудоустройства, при одновременном решении проблем климата и охраны окружающей среды.

Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш выразил глубокую озабоченность в отношении гендерного равенства и прав женщин, заявив со всей четкостью, что *«достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек — это незавершенное дело нашего времени»* [Take Action..., 2022] и самая большая проблема в области прав человека в нашем мире.

Задача достижения гендерного равенства в настоящее время приобретает экзистенциальное звучание в силу очевидных обстоятельств. Во-первых, женщины и девушки составляют половину населения мира, что означает 50 % потенциала всего человечества. Во-вторых, гендерное равенство — фундаментальное право человека, необходимое для построения мирного общества с полным человеческим потенциалом и устойчивым развитием. В-третьих, расширение прав и возможностей женщин способствует повышению производительности и экономическому росту, базисному сослагаемому и условию повышения качества жизни человека.

Структура «ООН-женщины» предупреждает о неизбежном долгом пути, который предстоит преодолеть для достижения полного равенства прав и возможностей женщин и мужчин. Однако решение ближайших задач, среди которых победа над множественными формами гендерного насилия, носит принципиальный характер. Заметим: насилие в отношении женщин — это пандемия, затрагивающая все страны. Во всем мире 35 % женщин, т. е. более трети женского населения, подвергались физическому и/или сексуальному насилию. Не зря все чаще это зло именуют пандемией из-за масштабного характера его распространения.

Эксперты и другие заинтересованные стороны подчеркивают необходимость обеспечения равного доступа к качественному образованию и здравоохранению, экономическим ресурсам и участию в политической жизни как для женщин и девочек, так и для мужчин и мальчиков в целях приближения цели гендерного равенства. Здесь многое зависит и от способности создать и предоставить женщинам-лидерам равные возможности для трудоустройства и назначения на руководящие должности на всех уровнях.

Отмечается тенденция к «новой глобальной сделке» для балансировки власти и финансовых ресурсов для того, чтобы страны инвестировали в ЦУР. Актуальными остаются дополнительные усилия для совместной борьбы с угрозами здоровью населения планеты в рамках мирового сообщества.

Список источников

- Женщины в секторе здравоохранения зарабатывают на 24 процента меньше мужчин. 2022. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1427712> (дата обращения: 25.07.2022).
- Deputy Secretary-General's Remarks on Key Messages from the Voluntary National Reviews at the High-Level Political Forum on Sustainable Development. 2022. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2022-07-05/deputy-secretary-generals-remarks-key-messages-the-voluntary-national-reviews-the-high-level-political-forum-sustainable-development-prepared-for-delivery> (дата обращения: 05.07.2022).
- Guterres A. Remarks at the Opening of the 65th Session of the Commission on the Status of Women. 2021. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2021-03-15/remarks-opening-of-65th-session-of-csw> (дата обращения: 24.03.2021).
- Key UN Forum Closes with «Enthusiasm, Passion and High-Energy» to Reach the SDGs. 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/07/1122652> (дата обращения: 21.07.2022).
- National Strategy on Gender Equity and Equality / The White House. Washington, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/10/National-Strategy-on-Gender-Equity-and-Equality.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
- Our Common Agenda — Report of the Secretary-General / publ. by the United Nations. New York, 2021. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 15.06.2022).
- Parliamentary Hearing at the United Nations. 2022. URL: <https://www.ipu.org/event/parliamentary-hearing-united-nations> (дата обращения: 25.06.2022).
- Report of the Secretary-General on the Work of the Organization 2021. URL: <https://www.un.org/annualreport/files/2021/09/2109745-E-ARWO21-WEB.pdf> (дата обращения: 05.10.2021).
- Take Action for the Sustainable Development Goals. 2022. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 28.06.2022).
- 17 Sustainable Development Goals. 2022. URL: <https://plus-one.ru/sustainability/17-celey-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 04.06.2022).
- Sustainable Development Goals Can Be Reached «Despite Our Grim Times»: ECOSOC President. 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/07/1122422> (дата обращения: 19.07.2022).

References

- Deputy Secretary-General's Remarks on Key Messages from the Voluntary National Reviews at the High-Level Political Forum on Sustainable Development* (2022), available from <https://www.un.org/sg/en/content/dsg/statement/2022-07-05/deputy-secretary-generals-remarks-key-messages-the-voluntary-national-reviews-the-high-level-political-forum-sustainable-development-prepared-for-delivery> (accessed 05.07.2022).
- Guterres, A. *Remarks at the Opening of the 65th Session of the Commission on the Status of Women* (2021), available from <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2021-03-15/remarks-opening-of-65th-session-of-csw> (accessed 24.03.2021).
- Key UN Forum Closes with "Enthusiasm, Passion and High-Energy" to Reach the SDGs* (2022), available from <https://news.un.org/en/story/2022/07/1122652> (accessed 21.07.2022).

-
- National Strategy on Gender Equity and Equality*, the White House (2021), available from <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/10/National-Strategy-on-Gender-Equity-and-Equality.pdf> (accessed 15.11.2021).
- Our Common Agenda — Report of the Secretary-General*, published by the United Nations, New York, 2021, available from https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (accessed 15.06.2022).
- Parliamentary Hearing at the United Nations* (2022), available from <https://www.ipu.org/event/parliamentary-hearing-united-nations> (accessed 25.06.2022).
- Report of the Secretary-General on the Work of the Organization 2021* (2021), available from <https://www.un.org/annualreport/files/2021/09/2109745-E-ARWO21-WEB.pdf> (accessed 05.10.2021).
- 17 Sustainable Development Goals* (2022), available from <https://plus-one.ru/sustainability/17-celey-ustoychivogo-razvitiya> (accessed 04.06.2022).
- Sustainable Development Goals Can Be Reached “Despite Our Grim Times”*: ECOSOC President (2022), available from <https://news.un.org/en/story/2022/07/1122422> (accessed 19.07.2022).
- Take Action for the Sustainable Development Goals* (2022), available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (accessed 28.06.2022).
- Zhenshchiny v sektore zdravookhraneniia zarabatyvaiut na 24 protsenta men'she muzhchin* (2022) [Women in health care earn 24 percent less than male colleagues], available from <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1427712> (accessed 25.07.2022).

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 04.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 17—35.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 17—35.

Научная статья

УДК 316.334.3

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.2

**ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО
В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ 19 СТРАН**

Вячеслав Викторович Маленков

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, vvmalenkov@gmail.com

Аннотация. В теоретической части статьи гражданские и политические права женщин рассматриваются как императив в конструировании гражданско-политической субъектности, как важная часть современного гражданства. Данное положение по-разному воспроизводится в национальных контекстах и репрезентируется на уровне ценностных ориентаций граждан. Предметом эмпирического анализа выступает изменение уровня поддержки гражданских и политических прав женщин среди 14-летних школьников в 19 странах. Для этого сопоставляются данные международного мониторингового исследования (IEA Civic Education Study 1999; International Civic and Citizenship Education Study 2009, 2016), направленного на выявление и описание гражданско-политических ориентаций подростков. В результате анализа зафиксированы принципиальные изменения в уровне поддержки гражданских и политических прав женщин в разных странах, что позволило выделить три их однородные группы. Полученные данные сопоставляются с признанными мировыми рейтингами (Democracy Index 2016, Global Gender Gap Index 2016, Polity IV). Делается вывод о наличии высокой корреляции между степенью поддержки гражданско-политических прав женщин и сложившимся в стране институциональным политическим порядком ($r = 0,79$), а также уровнем развития политической культуры ($r = 0,70$).

Ключевые слова: гендерное равенство, гражданско-политические ориентации, политическая культура, гендерные стереотипы, подростки, школьники, сравнительный анализ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00632 «Гражданско-политические ориентации постсоветского поколения: модели и типы».

Для цитирования: Маленков В. В. Гендерное равенство в структуре гражданско-политических ориентаций подростков 19 стран // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 17—35.

Original article

GENDER EQUALITY IN THE STRUCTURE OF CIVIL-POLITICAL ORIENTATIONS OF TEENAGERS FROM 19 COUNTRIES

Vyacheslav V. Malenkov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, vvmalenkov@gmail.com

Abstract. The article discusses one of the fundamental problems of modern political systems development — the civil and political rights of women in countries that differ in their cultural, economic and other parameters. Equality is treated as an imperative in the construction of civil-political subjectivity at the macro-social level, as a part of the structure of modern citizenship. This provision is differently reproduced in national contexts and is represented at the level of value orientations of citizens. It is assumed that this depends on many factors, including the type of political regime, the degree of development of political culture, and political participation. The subject of empirical analysis is the change in the level of support for the civil and political rights of women among 14-year-old students in different countries. For this, the data from an international monitoring study aimed at identifying and describing the civic and political orientations of adolescents are compared (IEA Civic Education Study 1999; International Civic and Citizenship Education Study 2009, 2016). Comparative analyses of the data collected in 19 countries. According to the results of the study, fundamental changes were recorded in the level of support for the civil and political rights of women in different countries, which allowed us to distinguish three homogeneous groups. The first included Denmark, Norway, Taiwan and Sweden. According to the results of the last measurement, the vast majority of students surveyed in these countries, both male and female, keep to egalitarian norms of citizenship. The second group includes countries where egalitarian gender norms in politics and the civil sphere have an average level of support. The third group is represented by teenagers from four post-socialist countries (Bulgaria, Latvia, Lithuania, Russia) and the Dominican Republic, among which there are strong traditionalist attitudes, and there is also a significant dissimilarity between representatives of different sexes in this inquiry. The data obtained are compared with globally recognized ratings (Democracy Index 2016, Global Gender Gap Index 2016, Polity IV). Based on the results of this comparison, it is concluded that there is a high correlation between the degree of support for women's civil and political rights and the institutional political order that has developed in the country ($r = 0,79$), the level of development of political culture ($r = 0,70$), and average correlation ($r = 0,65$) with political participation.

Key words: gender equality, civic-political orientations, political culture, gender stereotypes, teenagers, students, comparative analysis

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-011-00632 “Civic-political orientations of the Post-Soviet generation: models and types”.

For citation: Malenkov, V. V. (2022) Gendernoe ravenstvo v strukture grazhdansko-politicheskikh orientatsii podrostkov 19 stran [Gender equality in the structure of civil-political orientations of teenagers from 19 countries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 17—35.

За последнее столетие мир существенно продвинулся в направлении достижения равенства. Данный процесс затронул гражданско-политическую сферу общества, расширив соответствующие права и гражданско-политическую субъектность женщин. Действительно эгалитарный гендерный порядок в той или иной степени успешно воспроизводится в странах с демократическим политическим режимом, тогда как во многих других дефицит равенства полов, в том числе в гражданско-политической сфере, все еще достаточно очевиден.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во многих странах, включая развитые в этом отношении, наблюдается обратное движение — возрождение консервативной идеологии в разных ее модификациях, сопровождаемое контрэгалитарной политикой идентичности, ростом традиционалистских настроений в обществе. На этом фоне даже базовые принципы, лежащие в основе демократии, порой подвергаются ревизии. Актуализация консервативного дискурса в России, в центре которого оказалась гендерная повестка, является ярким тому примером.

Гендерное равенство как элемент гражданственности

Понятия «гендер» и «гражданство» тесно связаны между собой. С одной стороны, нормативные представления о гражданстве предполагают максимизацию возможностей включения женщин в публичную жизнь общества, государства, а поражение в политических правах трактуется не только как серьезный ущерб гражданскому статусу, но и как фактор, существенно ограничивающий реализацию гражданского потенциала социума. С другой стороны, исторически сложилось, что достижение гендерного равенства в качестве политической и в целом социальной задачи тесно связывалось с полноценным гражданством как неким обязательным атрибутом этого равенства.

В современном научном дискурсе возникла специальная область теоретизирования на стыке гендерных исследований и исследований гражданства, которую К. Абовец и Дж. Харниш назвали «феминистский дискурс о гражданстве» [Abowitz, Harnish, 2006]. Это направление представлено как за рубежом, так и в России (см., напр.: [Walby, 1994; Werbner, Yuval-Davis, 1999; Айвазова, Кертман, 2001; Хасбулатова, 2001; Шведова, 2014]).

К. Абовец и Дж. Харниш, отмечая основной фокус внимания на гражданство в гендерном контексте, приводят цитату из работы Д. Хитера: «Хотя гражданство существует уже почти три тысячелетия, за очень незначительным исключением женщины имели некоторую долю гражданских прав в наиболее либеральных государствах в течение всего лишь последнего столетия. Этот факт говорит о том, что гражданство — это статус, придуманный мужчинами для мужчин» (цит. по: [Abowitz, Harnish, 2006: 667]).

Сегодня гендерная программа (как совокупность целей, принципов и норм) является одним из ключевых элементов, определяющих содержание и структуру гражданства, модель гражданственности в той или иной стране. Очевидно, что представления о гендере также тесно связаны с понятием «политическая культура». По мнению Н. А. Шведовой, в политических культурах цивилизованных стран, или стран устоявшейся демократии, гендерный подход стал азбучной истиной. Принцип гендерного подхода, или гендерного измерения, считает исследовательница, выступает объективным родовым признаком

политической культуры, свойственным активной представительной демократии [Шведова, 2001]. Г. Г. Силласте политическую культуру трактует как одну из составляющих гендерного порядка: «...гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [Силласте, 2019: 7].

Предметом данной статьи является гендерное равенство в гражданско-политической сфере как фундаментальная ценность, репрезентируемая в сознании, политической культуре, ставшая частью системы ориентаций социальных субъектов. Гендерный эгалитаризм встроен в современную модель горизонтальной политической культуры (гражданскую культуру), тогда как гендерное неравенство сопровождается традиционалистские вертикальные политические системы.

В одних странах эгалитарные гендерные нормы в сфере гражданства и политики активно воспроизводятся как на уровне дискурсов и социальных практик (в том числе на уровне законодательства и государственной политики), так и на уровне ценностных ориентаций отдельных акторов. Ярким примером являются Скандинавские страны. В других, несмотря на слабую представленность в институтах и практиках, данные нормы могут становиться важной частью гражданско-политических установок. Как правило, это сопровождается появлением альтернативных дискурсов и ослаблением гегемонистских социокультурных программ, что свойственно переходным, активно модернизирующимся обществам. Подобные тенденции можно обнаружить в «молодых демократиях» (например, Тайвань), где демократические институты еще не устоялись, но дискурс равенства уже довольно прочно укрепился в сознании большинства граждан.

Суть третьего варианта состоит в том, что при достаточно интенсивной репрезентации альтернативных дискурсов и даже институциональном их закреплении (в основном формальном, частичном) на уровне сознания и повседневных социальных практик продолжают воспроизводиться привычные для общества модели мышления и поведения. Представляется, что именно последний вариант характерен для России как советского, так и постсоветского периода.

Так, в СССР широко декларировалось равенство мужчин и женщин в гражданско-политической сфере — и на уровне идеологии, и на уровне правовых норм. Однако реальное положение женщин отличалось от форм, составлявших витринную часть гегемонистского дискурса. Содержательно доминирующая в советское время идеология, как отмечает О. А. Хасбулатова, «была, по сути, патриархатна»: «...она внушала женщинам и обществу в целом ложные представления о равноправии полов. Участие женщин в управлении государством носило больше декларативный, чем практический характер» [Хасбулатова, 2018: 49].

В ранний постсоветский период идея гендерного равенства составляла существенную часть политической повестки, а ряд ключевых положений были закреплены законодательно. К сожалению, большинство из них так и остались на бумаге. Уже в начале нулевых отчетливо наметилась обратная тенденция — возрождение традиционализма, зачастую не в самых лучших его формах. Процесс «брутализации», «ремаскулинизации» гражданско-политического

пространства расширился и углублялся, а в 2011 г. с наступлением нового политического цикла стал фактически определять общенациональную повестку [Riabova, Riabov, 2014; Temkina, Zdravomyslova, 2014].

Консервативный поворот, в центре которого оказались традиционалистские гендерные символы, С. Г. Айвазова назвала метаморфозами гендерного дискурса, в результате которых «эмансипационная норма “равных прав и свобод и равных возможностей их реализации для женщин и мужчин” оказалась напроць забытой». «На смену ей пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов...» — отмечает исследовательница [Айвазова, 2017: 4].

Реформирование национально-гражданской идентичности включало активное использование приема противопоставления российской и европейской гендерной политики, что предполагало «негативизацию» последней в медийном дискурсе [Riabova, Riabov, 2019]. В итоге «на современном этапе развития российского общества значительная часть населения продолжает придерживаться гендерных стереотипов, закрепляя политику и управление государством за мужским социумом» [Хасбулатова, 2019: 34]. Это достаточно четко прослеживается по результатам многочисленных исследований. В то же время распространена точка зрения о существовании значительных различий во мнениях представителей разных поколений по данному вопросу: старшие более консервативны, младшие — менее.

М. А. Кашина в заключении критического анализа гендерной составляющей российской политики последнего десятилетия высказывает надежду на то, что «консерватизму власти противостоит тенденция модернизации повседневных практик, носителем которой является образованная городская молодежь» [Кашина, 2019: 11]. Однако, как показывают наши исследования, регулярно проводимые с 2005 г. на территории Тюменской области и ряда регионов Уральского федерального округа, молодые люди зачастую демонстрируют более консервативные установки, нежели представители старшего поколения [Гаврилюк и др., 2016; Маленков, 2018].

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой статьи являются данные международного сравнительного исследования проблем гражданственности и гражданского образования, реализованного под эгидой Международной ассоциации по оценке образовательных достижений. Цель проекта — сравнительная оценка готовности молодых граждан разных стран выполнять свои гражданские роли. Объектом исследования выступили 14-летние школьники из разных стран (в том числе из России).

Исследование является мониторинговым. Совокупная выборка в 1999 г. по 28 странам составила 94 тыс. школьников [IEA Civic Education Study, 1999: (United States), 2016; IEA Civic Education Study 1999: Technical Report, 2004], в 2009 г. — более 140 тыс. учащихся более чем 5300 школ из 38 стран [International Civic and Citizenship Education Study, 2009; ICCS 2009: Technical Report, 2011], в 2016 г. — 94 тыс. учащихся 3800 школ из 24 стран [International Civic

and Citizenship Education Study, 2016; International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report, 2018].

Для проведения вторичного анализа были выбраны 19 стран (включая Россию). По 13 из них доступны результаты всех трех замеров, по остальным 6 — только двух последних (2009 и 2016 г.). Предметом анализа являются ориентации 14-летних школьников из России и других стран на гендерное равенство в гражданско-политической сфере. Его цель — выявление различий в данных ориентациях в период с 1999 по 2016 г.

Аналізу подверглись ответы учащихся на четыре вопроса в форме утверждений, выбранные из четырех предложенных вариантов — от полного согласия до категорического несогласия. Два вопроса сформулированы в положительном ключе («Мужчины и женщины должны иметь равные права во всех отношениях», «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством»), т. е. эгалитарная ориентация фиксировалась при согласии с предложенными утверждениями («полностью согласны» и «согласны»). Два других проектировались как отрицательные («Женщины должны быть вне политики», «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины»). В этом случае эгалитарным установкам соответствовало несогласие респондентов с утверждениями («не согласны» и «категорически не согласны»).

Необходимо отметить, что используемые вопросы по-разному описывают гражданско-политические ориентации. Если первые два могут восприниматься как декларативные, имеющие формальный характер, то вторые более содержательны, конкретны. Если первые тесно связаны с равноправием, то вторые — с фактическим равенством.

Результаты исследования

Утверждение 1: «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях». Подавляющее большинство 14-летних школьников из рассматриваемых стран считают, что мужчины и женщины должны иметь равные права во всех сферах жизни. Сумма положительных ответов на данный вопрос («полностью согласны» и «согласны») в 2016 г. колеблется от 81 (Латвия) до 98 % (Тайвань). Среднее значение по всем странам в течение анализируемого периода — около 90 %. В 14 странах отмечается незначительный рост количества согласившихся с данным утверждением (в пределах 2 %). Наибольший прирост продемонстрировала Доминиканская Республика — с 76 % в 2009 г. до 84 % в 2016 г. В России доля 14-летних, согласившихся с утверждением, не менялась — 84 %.

Более существенные различия между странами, а в динамике в отдельных странах прослеживаются при подсчете количества полностью согласных с утверждением (рис. 1). Если в 2016 г. различия между долями положительных ответов школьников из разных стран («полностью согласны» и «согласны») варьируются в пределах 17 %, то доли категорических ответов (только «полностью согласны») различаются более значительно — от 49 % в России до 82 % в Норвегии и Тайване.

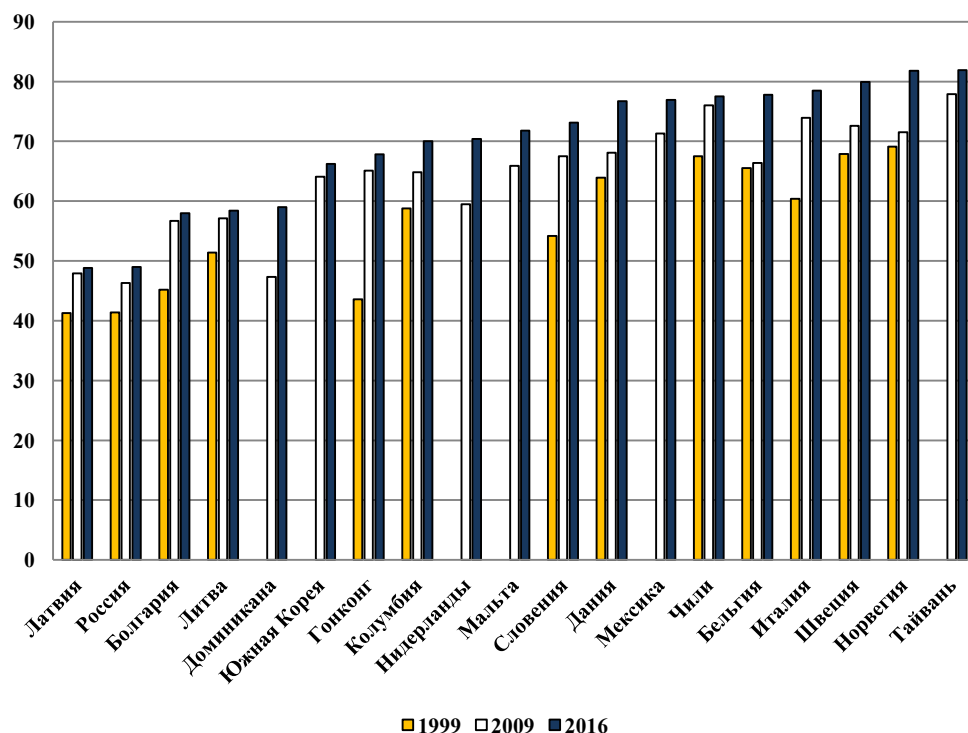

Рис. 1. Распределение по годам полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях», %

В первом случае рост по большинству стран практически не заметен, во втором — четко выражен. Доли полностью согласных увеличиваются существенно; минимальный прирост наблюдается в Литве (в 1,14 раза), максимальный — в Гонконге (в 1,52 раза). При этом во всех странах основной прирост приходится на первый период (с 1999 по 2009 г.). В России доля школьников, полностью согласных с утверждением, выросла с 41 до 49 % (на 8 %).

Доли согласившихся с тезисом девушек и юношей отличаются («полностью согласны» и «согласны»), но не кардинально — в 1999 г. в среднем на 8 %, в 2016 г. — всего на 3 %. Однако полностью согласных среди юношей значительно меньше по сравнению с девушками (табл. 1). В 1999 г. различия в отдельных странах варьировались от 1,3 (Колумбия) до 1,8 (Латвия и Словения). В 2016 г. они значительно сократились, составив в большинстве стран не более 1,2. В России в 1999 г. различия находились на уровне 1,4 (34 % юношей и 48 % девушек), в 2016 г. — 1,25 (44 % юношей и 55 % девушек). В Швеции они за тот же период сократились с 1,5 (52 % юношей и 83 % девушек) до 1,2 (77 % юношей и 91 % девушек).

Таблица 1

Доля полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь одинаковые права во всех отношениях», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Норвегия	54	65	78	83	84	91
Швеция	52	64	77	83	85	91
Дания	50	60	72	78	81	89
Тайвань	Н.д.	72	77	Н.д.	85	88
Италия	47	66	72	73	84	87
Бельгия	53	57	73	78	77	84
Чили	57	69	75	79	85	83
Словения	39	56	65	69	81	83
Мексика	Н.д.	68	76	Н.д.	79	82
Мальта	Н.д.	58	67	Н.д.	78	81
Нидерланды	Н.д.	51	64	Н.д.	70	79
Гонконг	37	60	64	51	75	75
Колумбия	50	67	71	66	68	73
Южная Корея	Н.д.	58	64	Н.д.	73	70
Болгария	38	50	50	52	67	70
Доминикана	Н.д.	55	66	Н.д.	58	66
Литва	39	52	55	63	63	62
Латвия	30	41	44	52	55	55
Россия	34	42	44	48	51	55

Утверждение 2: «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством». Количество школьников, в разной степени согласившихся с данным утверждением («полностью согласны» и «согласны»), увеличилось практически во всех странах. Наибольший рост за период с 1999 по 2016 г. наблюдается в Бельгии (с 86 до 98 %), Болгарии (с 72 до 92 %), Италии (с 87 до 97 %), Латвии (с 83 до 91 %), Литве (с 86 до 94 %), Словении (с 85 до 96 %). В России доля согласившихся с предложенным утверждением находится на одном уровне (91 %).

Доли согласившихся («полностью согласны» и «согласны») менялись незначительно (в 9 странах не более чем на 10 %), в то время как доли полностью согласных с утверждением выросли заметно — минимально в Дании (в 1,3 раза), максимально в Латвии (в 2,7 раза). В ряде посткоммунистических стран (Болгария, Литва, Латвия) фиксировался рост более чем в 2 раза, в России в 1,7 раза — с 31 до 54 % (рис. 2).

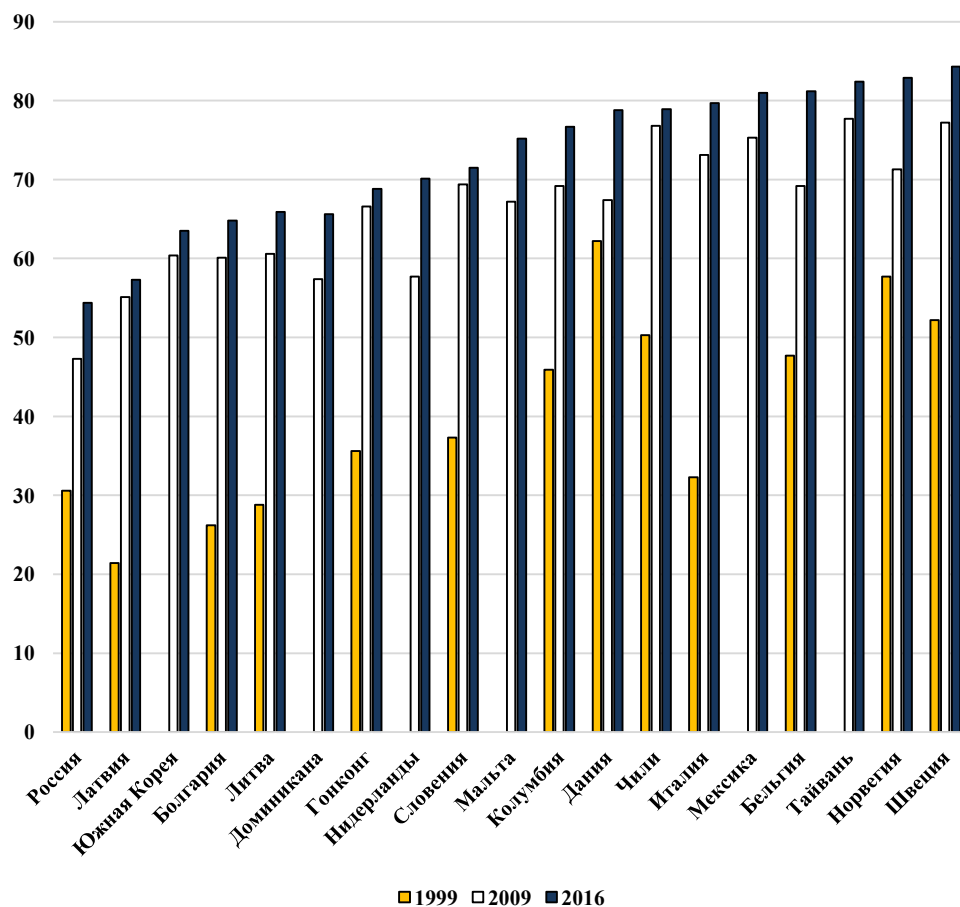

Рис. 2. Распределение по годам полностью согласных с утверждением «Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия в управлении государством», %

Доли согласившихся с утверждением девушек и юношей практически равны («полностью согласны» и «согласны»): в 2016 г. различия фиксировались на уровне 1—2 %. Однако доли юношей и девушек, полностью согласных с утверждением, существенно различались (табл. 2). В России — в 1,5 раза (25 % юношей и 36 % девушек) по результатам первого замера и в 1,2 раза (49 % юношей и 60 % девушек) в 2016 г. Среди шведских подростков при том же соотношении (1,5) в 1999 г. полностью согласных с тезисом школьников было 41 %, школьниц — 63 %, а в 2016 г. при различии в 1,2 раза доля школьников равнялась 81 %, школьниц — 94 %.

Таблица 2

Доля полностью согласных с утверждением
«Мужчины и женщины должны иметь равные возможности участия
в управлении государством», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	41	69	81	63	89	94
Норвегия	49	65	78	66	83	92
Дания	53	59	75	71	80	90
Тайвань	Н.д.	72	78	Н.д.	84	88
Бельгия	35	60	76	59	79	88
Италия	22	65	74	42	83	87
Мексика	Н.д.	74	80	Н.д.	82	85
Чили	40	70	77	61	85	85
Мальта	Н.д.	59	71	Н.д.	79	84
Словения	25	58	64	49	83	81
Колумбия	38	71	77	52	73	80
Нидерланды	Н.д.	51	65	Н.д.	67	77
Гонконг	33	63	66	39	75	75
Болгария	20	53	58	32	71	75
Доминикана	Н.д.	67	72	Н.д.	68	71
Литва	21	55	63	35	67	70
Южная Корея	Н.д.	54	61	Н.д.	69	68
Латвия	15	48	52	27	63	65
Россия	25	42	49	36	53	60

Утверждение 3: «Женщины должны быть вне политики». В среднем по странам доля несогласных с утверждением уменьшилась с 85 (1999 г.) до 82 % (2016 г.). В большинстве стран изменения в сторону как снижения, так и увеличения незначительны. Заметный прогресс наблюдается в Чили (с 58 до 82 %), а заметный регресс — в Мексике (с 31 до 22 %) и России (с 86 до 75 %).

Еще более отчетливо отличия между странами видны по долям категорически несогласных (рис. 3). В лидирующих по данному показателю странах в 2016 г. доли таких варьируются от 63 (Словения) до 79 % (Швеция). В странах с более низким уровнем неприятия данного утверждения цифра колеблется от 6 (Мексика) до 57 % (Чили). При этом только пятая часть (20 %) российских подростков были категорически не согласны с тезисом. Аналогичным является результат 2009 г. (21 %), тогда как в 1999 г. доля таких ответов составила 35 % — почти в два раза больше.

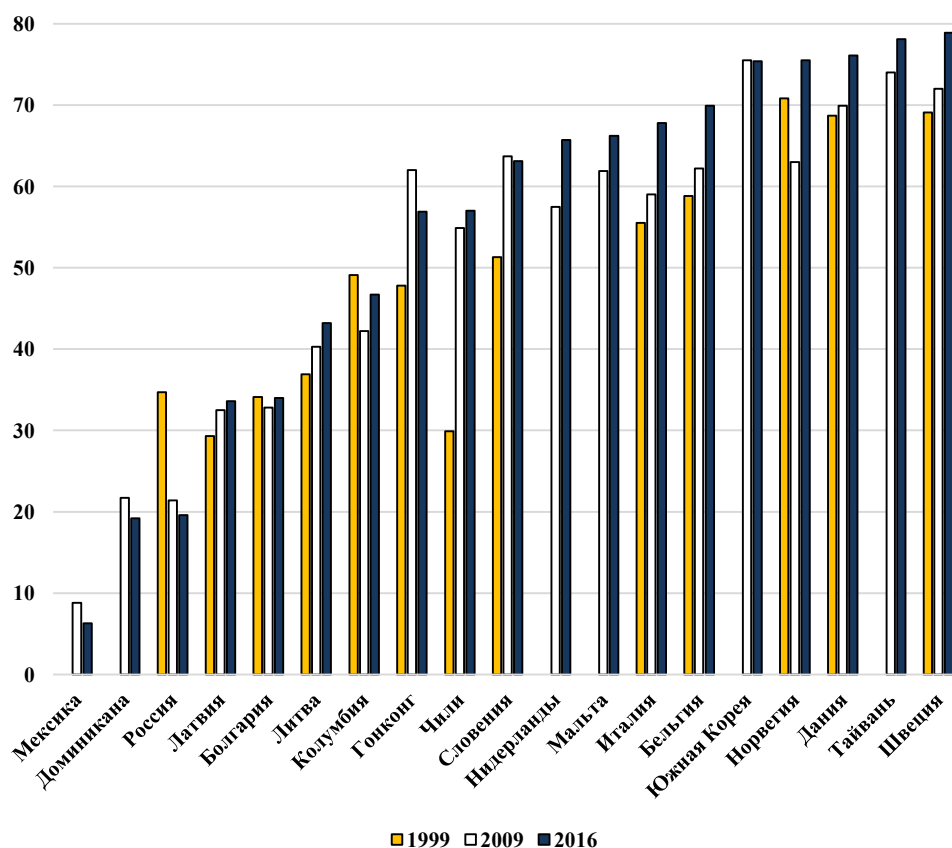

Рис. 3. Распределение по годам категорически несогласных с утверждением «Женщины должны быть вне политики», %

В большинстве стран доли несогласившихся юношей и девушек отличаются в пределах 10 %. Однако в четырех постсоциалистических странах (Болгария, Латвия, Литва и Россия) разрыв более заметен, а процент отрицательных ответов, особенно среди юношей, весьма незначителен. Доля категорически несогласных с утверждением юношей в постсоциалистических странах несколько выше (табл. 3): в 2016 г. разрыв составил от 1,6 до 1,7, тогда как в остальных странах он варьируется на уровне 1,1—1,3.

Среди российских подростков — представителей как мужского, так и женского пола фиксируется значительное уменьшение доли категорически отрицающих предложенное утверждение, что резко контрастирует с общим трендом. Так, если доля юношей, абсолютно несогласных с тем, что женщины должны быть вне политики, в 1999 г. равнялась 27 %, то в 2009 г. — 15 %, а в 2016 г. — 13 %. Среди девушек этот показатель в 2009 г. упал с 42 (1999 г.) до 29 % (2009 г.), а в 2016 г. до 27 %. Разрыв между ответами юношей и девушек при этом увеличился с 1,6 до 2,1.

Таблица 3

Доля категорически несогласных с утверждением
«Женщины должны быть вне политики», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	56	63	74	81	84	91
Дания	56	60	70	82	84	90
Норвегия	56	54	68	84	77	88
Южная Корея	Н.д.	66	68	Н.д.	88	86
Тайвань	Н.д.	66	73	Н.д.	84	85
Мальта	Н.д.	52	59	Н.д.	77	79
Бельгия	46	53	63	71	72	78
Италия	42	49	60	68	71	78
Нидерланды	Н.д.	48	55	Н.д.	70	78
Словения	37	47	52	66	82	76
Гонконг	40	54	49	56	75	68
Чили	24	46	51	36	65	66
Литва	27	31	33	46	51	54
Колумбия	42	41	47	55	78	50
Болгария	26	26	27	41	43	45
Латвия	20	25	27	38	40	42
Россия	27	15	13	42	29	27
Доминикана	Н.д.	24	20	Н.д.	29	23
Мексика	Н.д.	8	5	Н.д.	11	8

Утверждение 4: «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины». Доля несогласившихся с утверждением («категорически не согласны» и «не согласны») в среднем по выборке увеличилась с 72 % в 1999 г. до 75 % в 2016 г. В большинстве стран наблюдается незначительный рост количества несогласных, но в трех из них он более выражен — в Бельгии (с 74 до 84 %), Чили (с 62 до 76 %) и Эстонии (с 58 до 83 %). Заметное снижение доли несогласных прослеживается в двух странах — Колумбии (с 84 до 76 %) и России (с 62 до 56 %).

Еще более показательным соотношением долей категорически несогласных в разных странах (рис. 4). Там, где эти показатели относительно высоки, они в 2016 г. варьируются от 46 (Словения) до 69 % (Швеция). В остальных странах — от 14 (Доминиканская Республика) до 40 % (Колумбия). Среди российских подростков всего около 15 % однозначно отвергающих предложенное утверждение. Аналогичный результат был в исследованиях 1999 и 2009 г. (16 и 14 % соответственно).

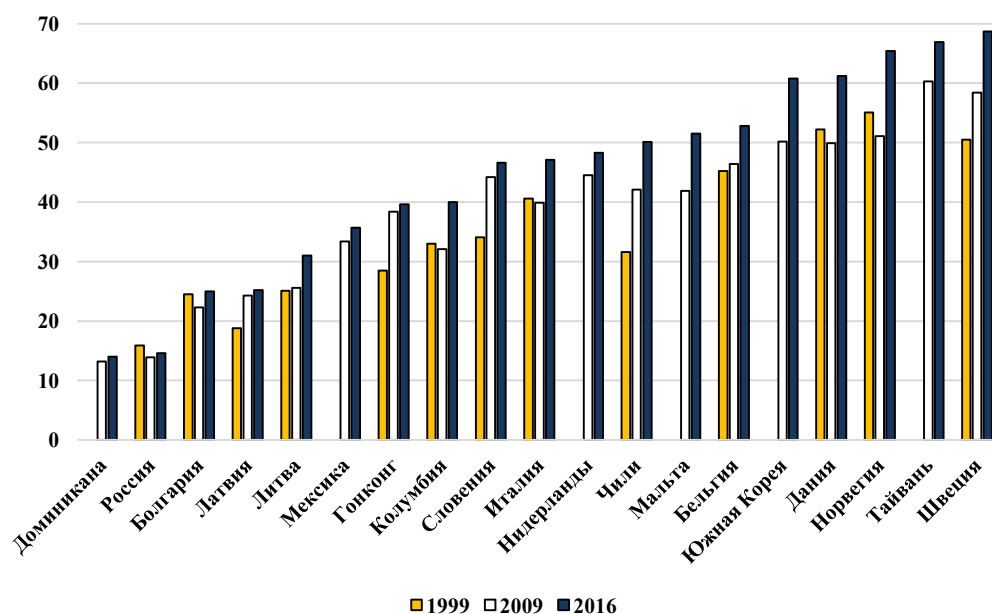

Рис. 4. Распределение по годам категорически несогласных с утверждением «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины», %

Таблица 4

Доля категорически несогласных с утверждением «В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины», %

Страна	Юноши			Девушки		
	1999 г.	2009 г.	2016 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Швеция	32	45	57	67	74	85
Норвегия	34	39	54	74	68	82
Тайвань	Н.д.	46	55	Н.д.	77	81
Дания	36	38	49	69	65	79
Южная Корея	Н.д.	36	48	Н.д.	70	77
Мальта	Н.д.	27	36	Н.д.	61	71
Бельгия	32	33	41	58	61	66
Чили	21	26	38	43	58	64
Нидерланды	Н.д.	32	33	Н.д.	58	64
Словения	19	27	33	49	63	62
Италия	25	26	35	55	56	61
Гонконг	20	26	29	38	54	53
Колумбия	37	26	34	29	41	48
Мексика	Н.д.	23	27	Н.д.	46	47
Литва	15	17	21	34	34	41
Болгария	21	14	15	28	33	38
Латвия	12	15	16	25	34	35
Россия	11	7	7	20	21	23
Доминикана	Н.д.	13	12	Н.д.	19	20

Гендерные различия в ответах школьников на этот вопрос в разных странах варьируются (табл. 4). По данным 2016 г., в четырех странах Европы (Бельгия, Дания, Норвегия и Швеция) превалирует категорическое отрицание тезиса — около половины юношей и более 2/3 девушек. Средние показатели в Гонконге, Словении, Колумбии, Италии, Чили — около трети юношей и от 53 до 64 % девушек. Самая низкая доля категорически несогласных юношей (от 7 до 21 %) и девушек (от 20 до 41 %) в Болгарии, Латвии, Литве, России, Доминиканской Республике.

Доля российских школьников, давших категорический ответ, на порядок меньше, чем в других странах. Даже по сравнению с другими постсоциалистическими странами таких ответов в мужской выборке меньше в 2—3 раза, в женской — в 1,5—2. При этом мнение российских школьников по данному вопросу практически не менялось: резко отрицательные ответы дали в 1999 г. 11 % юношей, в 2009 и 2016 г. — 7 % и соответственно 20, 21 и 23 % девушек.

Обсуждение и выводы

Результаты исследования 2016 г. были сопоставлены с различными международными показателями и рейтингами. По среднему проценту категорических ответов установлена корреляция с индексом демократии ($r = 0,79$) (рис. 5) и входящим в него субиндексом политической культуры ($r = 0,70$) (рис. 6) [Democracy Index... , 2016], а также средняя корреляция ($r = 0,65$) с субиндексом политического участия индекса глобального гендерного разрыва (рис. 7) [Global Gender Gap Index... , 2016]. При этом ответы на первые два вопроса о равенстве прав слабо коррелируют с данными индексами ($r < 0,5$).

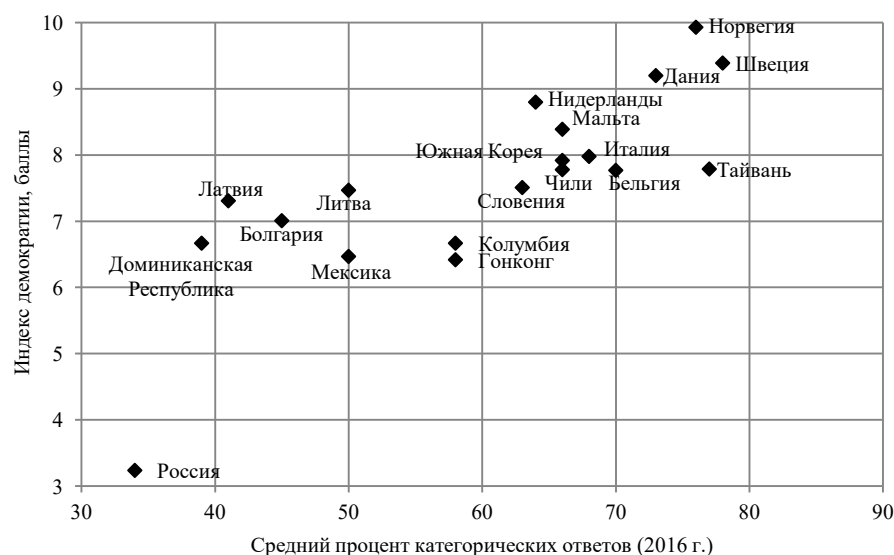

Рис. 5. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и индекса демократии [Democracy Index... , 2016]

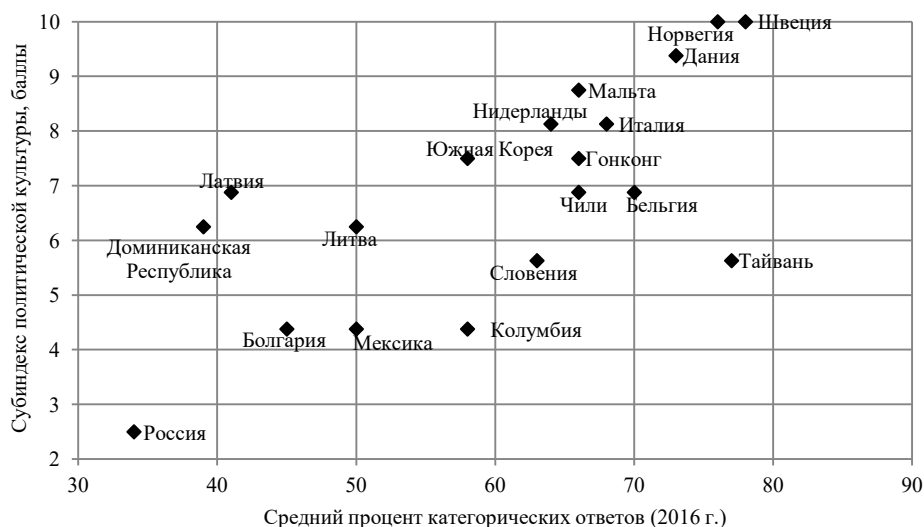

Рис. 6. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и субиндекса политической культуры индекса демократии [Democracy Index... , 2016]

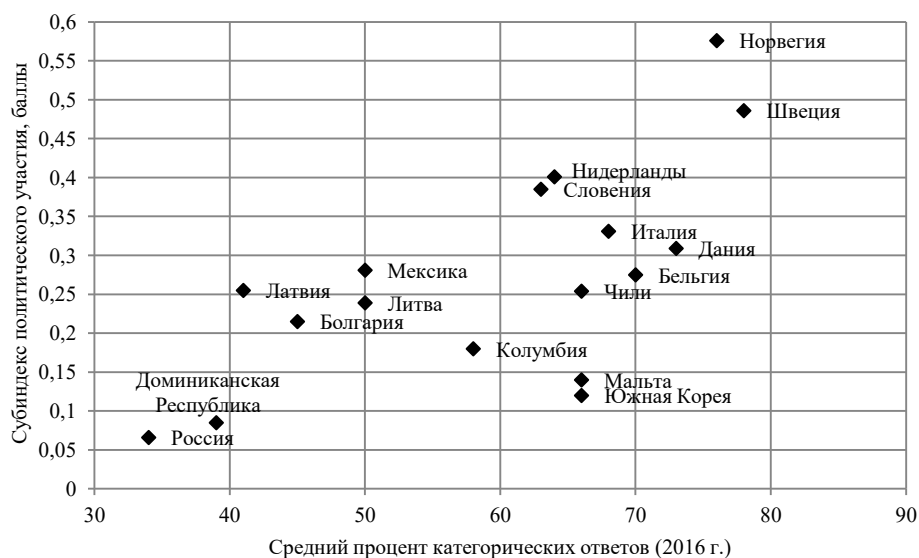

Рис. 7. Взаимосвязь среднего процента категорических ответов и субиндекса политического участия индекса глобального гендерного разрыва [Global Gender Gap Index... , 2016]

Обобщая результаты проведенного анализа, можно выделить три группы стран. В группе лидеров находятся Дания, Норвегия, Тайвань, Швеция. В этих странах наблюдаются самые высокие абсолютные и относительные показатели,

свидетельствующие о превалировании среди 14-летних школьников эгалитарных представлений. Различия в ответах юношей и девушек в этой группе минимальны.

Все рассмотренные здесь Скандинавские страны являются демократиями первой волны и имеют самые высокие позиции в международных рейтингах. По значениям двух наиболее известных мировых индексов демократии (Democracy Index 2016 и Polity IV) они классифицируются как полноценные демократии и занимают 1-е (Норвегия), 3-е (Швеция) и 5-е место (Дания).

Скандинавские страны — яркий пример воспроизводства эгалитарных гендерных норм в сфере гражданства и политики как на уровне институтов, сложившегося гендерного порядка, так и на уровне гражданско-политических ориентаций подростков. Пример Тайваня скорее свидетельствует о возможности относительно быстрой политической модернизации. Несмотря на пока еще скромное место в рейтингах по индексу демократии, в этой стране наблюдается значительное усиление приверженности нового поколения принципу гражданского равенства.

Вторая группа наиболее многочисленна, она включает десять стран. Подростки этих стран занимают по показателю ориентированности на гендерное равенство срединные места между лидерами и аутсайдерами. Во всех представленных в данной группе странах разница между ответами юношей и девушек также находится на среднем уровне. Большинство из этих стран (Нидерланды в него не входят) классифицируются как несовершенные демократии [Democracy Index... , 2016]. В то же время более половины из них другим признанным рейтингом стран по индексу демократии (Polity IV) называются полноценными демократиями. Представляется, что воспроизводство эгалитарных гендерных норм в сфере гражданства и политики как на уровне социальных практик, так и на уровне установок подростков не является в этих странах таким же устойчивым, как в первой группе.

К третьей группе отнесены пять стран (Болгария, Доминиканская Республика, Латвия, Литва, Россия), в которых наблюдается превалирование среди школьников традиционалистских взглядов на роль женщин в гражданско-политической сфере. Указанная тенденция прослеживается в ответах на все вопросы. В этих странах самая высокая разница между мнениями юношей и девушек. Все государства данной группы, кроме России, относятся к несовершенным демократиям [Democracy Index... , 2016] и демократиям, кроме Литвы, которые индекс Polity IV классифицировал в 2016 г. как полноценные.

Российские школьники демонстрируют наиболее традиционалистские ориентации. На фоне общей положительной динамики по российским данным четко прослеживается обратный тренд: по сравнению с результатами 1999 г. более поздние замеры фиксируют изменение гендерных представлений в гражданско-политической сфере в сторону маскулинизации. Ту же тенденцию показывает изменение позиции страны в рейтингах. В частности, по значению индекса демократии она переместилась из третьей группы в четвертую [Democracy Index... , 2016]. При этом показатель «политическая культура» составил всего 2,5 балла (из 10 возможных). Очевидно, что явление имеет комплексный характер, оно обнаруживается на институциональном уровне и связано с устойчивостью ядра ценностных ориентаций.

Список источников

- Айвазова С. Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 3—13.
- Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Женщины на randevу с российской демократией. М.: Эслан, 2001. 80 с.
- Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97—106.
- Кашина М. А. Постсоветская государственная политика в отношении женщин: внутренние противоречия // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Маленков В. В. Темпоральный образ России в динамике представлений жителей Тюмени // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 41. С. 131—141.
- Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3—16.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 49—59.
- Хасбулатова О. А. Об участии российских женщин в государственном управлении: историко-политологический анализ // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 32—36.
- Шведова Н. А. Гендерный подход как фактор политической культуры: новые тенденции // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002. С. 271—290.
- Шведова Н. А. Гендерная политическая культура: новые тенденции // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. 2014. № 1. URL: <http://www.rusus.ru/?act= read&id=400> (дата обращения: 07.12.2019).
- Abowitz K., Harnish J. Contemporary discourses of citizenship // Review of Educational Research. 2006. Vol. 76, iss. 4. P. 653—690.
- Democracy Index 2016: a Report by the Economist Intelligence Unit. 2016. URL: <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2016.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2016> (дата обращения: 07.12.2019).
- ICCS 2009: Technical Report / ed. by W. Schulz, J. Ainley, J. Fraillon. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2011. 334 p.
- IEA Civic Education Study, 1999: [United States] / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2016.
- IEA Civic Education Study 1999: Technical Report / ed. by W. Schulz, H. Sibberns. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2004. 282 p.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2009 / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2018.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2016 / International Association for the Evaluation of Educational Achievement. Ann Arbor (MI): Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2018.
- International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report / ed. by W. Schulz et al. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement, 2018. 314 p.

- Riabova T., Riabov O. The «Rape of Europe»: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52, iss. 2. P. 145—154.
- Riabova T., Riabov O. The remasculinization of Russia // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, iss. 2. P. 23—35.
- Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's crooked path: feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, iss. 2. P. 253—270.
- The Global Gender Gap Report 2016. 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (дата обращения: 07.12.2019).
- Walby S. Is citizenship gendered? // *Sociology*. 1994. Vol. 28, iss. 2. P. 379—395.
- Werbner P., Yuval-Davis N. Women and the new discourses of citizenship // *Women, Citizenship and Difference* / ed. by N. Yuval-Davis, P. Werbner. New York: Zed Books, 1999. P. 1—38.

References

- Abowitz, K., Harnish, J. (2006) Contemporary discourses of citizenship, *Review of Educational Research*, vol. 76, iss. 4, pp. 653—690.
- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi diskurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in the field of conservative policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Aivazova, S. G., Kertman, G. L. (2001) *Zhenshchiny na randevu s rossiiskoi demokratiei* [Women on a rendezvous with Russian democracy], Moscow: Èslan.
- Democracy Index 2016: A Report by the Economist Intelligence Unit* (2016), available from <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2016.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex2016> (accessed 07.12.19).
- Gavriliuk, V. V., Malenkov, V. V., Gavriliuk, T. V. (2016) Sovremennye modeli rossiiskoi grazhdanstvennosti [Contemporary models of Russian citizenship], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 97—106.
- IEA Civic Education Study, 1999: [United States]* (2016), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2009* (2018), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- International Civic and Citizenship Education Study, 2016* (2018), International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Ann Arbor, MI: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovetskaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin: vnutrennie protivorechiia [Post-Soviet governmental women policy: internal contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A. (2018) Tekhnologii sozdaniia mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki [Technologies for creating the myth of gender equality: soviet practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 49—59.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Ob uchastii rossiiskikh zhenshchin v gosudarstvennom upravlenii: istoriko-politologicheskii analiz [On the participation of Russian women in public administration: historical and political analysis], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika: Materialy*

- Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 32—36.
- Malenkov, V. V. (2018) Temporal'nyĭ obraz Rossii v dinamike predstavleniĭ zhitelei Tiumeni [Temporal image of Russia in the dynamics of representations of Tyumen residents], *Bulletin of Tomsk State University*, no. 41, pp. 131—141.
- Riabova, T., Riabov, O. (2014) The remasculinization of Russia, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, iss. 2, pp. 23—35.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year’s Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, iss. 2, pp. 145—154.
- Schulz, W., Ainley, J., Fraillon, J. (eds) (2011) *ICCS 2009: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Schulz, W., Sibberns, H. (eds) (2004) *IEA Civic Education Study 1999: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Schulz, W. et al. (eds) (2018) *International Civic and Citizenship Education Study 2016: Technical Report*, International Association for the Evaluation of Educational Achievement, Amsterdam.
- Shvedova, N. A. (2002) Gendernyiĭ podkhod kak faktor politicheskoi kul'tury: novye tendentsii [Gender as a factor in political culture: new trends], in: *Gendernyiĭ kaleidoskop*, Moscow: Academia, pp. 271—290.
- Shvedova, N. A. (2014) Gendernaia politicheskaiia kul'tura: novye tendentsii [Gender political culture: new trends], *Rossia i Amerika v XXI veke: Ėlektronnyiĭ nauchnyiĭ zhurnal*, no. 1, available from <http://www.rusus.ru/?act=read&id=400> (accessed 07.12.2019).
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Temkina, A., Zdravomyslova, E. (2014) Gender’s crooked path: feminism confronts Russian patriarchy, *Current Sociology*, vol. 62, iss. 2, pp. 253—270.
- The Global Gender Gap Report 2016* (2016), available from http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf (accessed 07.12.2019).
- Walby, S. (1994) Is citizenship gendered?, *Sociology*, vol. 28, iss. 2, pp. 379—395.
- Werbner, P., Yuval-Davis, N. (1999) Women and the new discourses of citizenship, in: Yuval-Davis, N., Werbner, P. (eds), *Women, Citizenship and Difference*, New York: Zed Books, pp. 1—38.

Статья поступила в редакцию 28.04.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 28.04.2021; approved after reviewing 12.12.2021; accepted for publication 26.01.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Маленков Вячеслав Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, vvmalenkov@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Management and Business, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 36—59.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 36—59.

Научная статья

УДК 001(091)(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.3

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ ИХ ПРЕДМЕТНЫХ ПОЛЕЙ (По материалам анализа word-nets и word-clouds)

Марина Александровна Кашина¹, Сергей Ткач^{2,3}

¹ Северо-Западный институт управления — филиал,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, kashina-ma@ranepa.ru

² Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия
населения «Стеллит», г. Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Гендерные исследования — новая, активно развивающаяся междисциплинарная область российского социогуманитарного знания. Есть достаточно много обзорных статей, посвященных отдельным направлениям гендерных исследований. Однако работ, анализирующих характер и траекторию развития этих исследований с учетом исторического контекста и динамики дискурсов их предметных полей, пока нет. Основной гипотезой данной работы выступает предположение о том, что развитие дискурсов российских гендерных исследований может быть описано как движение вширь. Концепт гендера еще не исчерпал своего объяснительного потенциала применительно к российской действительности. Выборку составили 1716 заголовков научных статей российских гендерных исследовательниц, опубликованных в период с начала 1990-х по 2021 г. Методами являлись цифровые (машинные) технологии анализа естественного языка, в частности функция bigrams библиотеки NLTK, качественный анализ текстов. Сделан вывод о том, что в развитии российских гендерных исследований существуют два тренда: 1) женские исследования уступают в популярности гендерным в нулевые годы, но снова обретают ее в десятые; 2) точками кристаллизации на институциональном этапе развития гендерных исследований выступают сначала дисциплинарные термины («антропологический», «педагогический», «социологический», «психологический» и т. д.), а затем общегуманитарные («связь», «движение», «современный» и т. п.). Это свидетельствует об определенном размывании предметного поля гендерных исследований, стремлении исследователей уйти от политической повестки гендерного

неравенства в более нейтральные темы социальной работы, семьи, родительства, психологического благополучия. Одна из причин этого — давление внешнего контура, требующего как постоянной легитимации термина «гендер», так и доказательства его нужности для анализа российской действительности.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, лингвистический поворот в науке, «нормальная» наука, биграмма, технологии анализа естественного языка, mixed методы

Для цитирования: Кашина М. А., Ткач С. История развития гендерных исследований в России через анализ дискурсов их предметных полей: (по материалам анализа word-nets и word-clouds) // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 36—59.

Original article

HISTORY OF THE EVOLUTION OF GENDER STUDIES IN RUSSIA THROUGH THE ANALYSIS OF DISCOURSES OF THEIR SUBJECT FIELDS (Based on the analysis of word-nets and word-clouds)

Marina A. Kashina¹, Sergey Tkach^{2, 3}

¹ North-West Institute of Management — Branch,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russian Federation, kashina-ma@ranepa.ru

² Regional public organization of social projects in the field of welfare
of the population “Stellit”, St. Petersburg, Russian Federation

³ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Gender studies are a new expanding interdisciplinary area of Russian socio-humanitarian thought. There are many review articles that describe certain areas of gender studies. However, there are still no works in which the nature and direction of the evolution of gender studies, considering the dynamics of the discourses of their subject fields, are analyzed. The main hypothesis of this study: the trajectory of the development of the discourses of Russian gender studies can be described as a tendency to expand in breadth. The concept of gender has not yet exhausted its explanatory potential in relation to Russian reality. Sample: 1716 titles of scientific articles by Russian gender researchers published between the early 1990s and 2021. Methods: digital (machine) technologies for natural language analysis, namely the bigrams function of the NLTK library, qualitative text analysis. Results. There are two trends in the development of Russian gender studies: 1) women’s studies are inferior in popularity to gender studies at the turn of the century, but regain it in the 2010s; 2) crystallization points at the institutional stage of development of gender studies are: at first disciplinary terms (“anthropological”, “pedagogical”, “sociological”, “psychological”, etc.), and then — general humanitarian ones (“communication”, “movement”, “modern”, etc.). This indicates a certain blurring of the subject field of gender studies. There is the desire of researchers to move away from the political agenda of gender inequality to more neutral topics, for example, social work, family, parenthood, and psychological well-being. One of the reasons for this is the pressure of the external circuit, which requires both the constant legitimization of the term “gender” and the proof of its need for the analysis of Russian reality.

Key words: socio-humanitarian knowledge, linguistic turn in science, “normal” science, bigram, natural language analysis technologies, mixed methods

For citation: Kashina, M. A., Tkach, S. (2022) Istorii razvitiia gendernykh issledovaniĭ v Rossii cherez analiz diskursov ikh predmetnykh poleĭ: (Po materialam analiza word-nets i word-clouds) [History of the evolution of gender studies in Russia through the analysis of discourses of their subject fields: (Based on the analysis of word-nets and word-clouds)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 36—59.

Введение

Гендерные исследования выступают новой междисциплинарной областью отечественного социогуманитарного знания. В определенном смысле это уникальное явление, поскольку другие междисциплинарные области, например конфликтология, не сопоставимы с гендерными исследованиями ни по широте изучаемой проблематики, ни по разнообразию используемых методов. В силу этого весьма актуальным является анализ истории и перспектив развития данной сферы научного знания.

В литературе описываются две альтернативные стратегии развития науки. Первая предполагает, что ядро научной теории неприкасаемо и неизменно. Однажды установленное, это ядро (в виде множества базовых категорий) используется в дальнейшем для описания изменяющейся социальной реальности. Хорошим примером такой стратегии может выступать исторический материализм в советском общественном знании. Базовые марксистские категории класса, диалектических отношений, конфликта не ставились под сомнение и воспроизводились в одних и тех же выражениях из одного исследования в другое [Безансон, 1998]. Вторая стратегия состоит в том, что постоянно происходит пересмотр теоретического ядра, аксиомы, предложенные предшественниками модели оспариваются и выдвигаются новые, более подходящие, а соответственно и новые научные категории. Примером может служить политическая социология, в которой постоянно появляются новые понятия, опровергающие предыдущие: институты сменяются фигурациями, затем габитусами, потом акторно-сетевым состоянием, ассамбляжем и т. д.

На самом деле обе эти стратегии могут быть одновременно вписаны в концепцию «научных революций» Т. Куна. Если господствующая парадигма (теоретическое ядро) не подвергается сомнению, то перед нами «нормальная» наука, если она оспаривается, то речь идет о кризисе и создании новой парадигмы, т. е. «экстраординарной» науке.

В данной статье мы хотим проанализировать историю развития отечественных гендерных исследований, чтобы разобраться, в каком из двух рассмотренных состояний они находятся. При этом мы будем опираться на дискурсивное понимание науки и использовать в качестве основного метода цифровые (машинные) технологии анализа естественного языка.

Само дискурсивное понимание науки возникает как следствие лингвистического поворота в социальных науках [The Linguistic Turn, 1967]. Это приводит к появлению новых методов социологического анализа научной деятельности,

при использовании которых предполагается, что она вся сводится к тексту. В качестве иллюстрации лингвистического поворота можно привести археологию знания М. Фуко и ее трактование систем научных практик, в котором «они [системы практик] не столько строго определяют мысль, сознание или совокупность репрезентаций, которые были бы задним числом и напрасно вписаны в дискурс, сколько устанавливают определенные уровни дискурса и правила, входящие в качестве единичных практик» [Foucault, 2002: 85].

Другим примером лингвистического поворота выступают работы о языке науки — именно в таком виде этот поворот в социологии науки приобрел популярность у отечественных авторов. Так, М. В. Попович редуцирует определение науки до языка, системы высказываний, «в которой осуществляется приобретение, хранение, преобразование и передача сообщений (информации, знаний) в коллективах людей» [Попович, 1966: 129].

При этом дискурс появляется и развивается в рамках определенного предметного поля научного знания. Например, социально-гуманитарное знание делится на политологию, социологию, историю, психологию и др., поэтому в нашем исследовании мы будем концептуализировать гендерные исследования как научный дискурс различных предметных полей.

Очень важно принимать во внимание исторический контекст, потому что на разных этапах новейшей истории России внешний контур науки (П. Бурдьё) по-разному влиял на формирование и развитие дискурсов предметных полей гендерных исследований.

Существует множество вариантов периодизации современной истории России. Наиболее релевантной нашим задачам является периодизация С. Гуриева, поскольку выделяемые им периоды и события, характеризующие их начало, коррелируют с событиями, свидетельствующими об изменении гендерной повестки в политике государства. Данная периодизация включает три этапа: первый — с позднесоветского периода середины 1980-х по 2000 г.; второй — с 2000 по 2011 г.; третий — с 2012 г. по настоящее время (2021 г.) [Guriev, Zhuravskaya, 2010].

О трансформации общественной жизни в 2000 г. говорил, например, Ю. А. Левада. На это же указывает и зарубежный исследователь Р. Burnell, называя 2000 год водоразделом применения программ «democracy promoting» в России [Burnell, 2008]. От попыток прямого политического влияния других стран на Россию в 2000 г. совершается переход к концепции «мягкой силы», реализующейся в числе прочего в организации исследовательских и культурных программ. В этот период происходит активное зарубежное финансирование различных проектов, связанных с гендерными исследованиями, а также осуществляется перевод и издание зарубежной литературы о гендере. Ярким примером является двухтомник «Введение в гендерные исследования», изданный в рамках проекта Харьковского центра гендерных исследований «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР» [Введение... , 2001].

2011 год В. Э. Абелинскийте называет трансформационным для российского политического поля: изменение касается ценностных ориентаций власти и ее отношения к допустимому отклонению от этих ориентаций. Во многом

эскалация нетерпимости к таким отклонениям оказывается, как отмечает политолог, следствием страхов, порожденных кризисом представительства законодательной власти в 2011 г., который проявил себя в результатах выборов в Государственную думу и в последовавших за ними протестах [Абелинскийте, 2016]. На январь 2012 г. было назначено второе чтение законопроекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин». Он был внесен в Государственную думу РФ группой депутатов во главе с Екатериной Лаховой и принят в первом чтении еще 16 апреля 2003 г. Против второго чтения законопроекта выступили родительские общественные организации, главным образом православные. Они направили спикеру Государственной думы РФ С. Е. Нарышкину открытое письмо с просьбой не рассматривать данный законопроект, поскольку он противоречит традиционным семейным ценностям. Их просьба была удовлетворена, второе чтение отложено, а сам документ отправлен в регионы на доработку. 11 июля 2018 г. этот законопроект, так и не пройдя второе чтение, был отклонен Государственной думой как устаревший. «За» проголосовали 340 депутатов, «против» — 12, воздержавшихся не было [Система обеспечения...].

Третий исторический этап в нашем исследовании заканчивается 2021 г. просто по техническим причинам, в выборке анализируемых статей нет публикаций 2022 г. Но, как показывают последние события, он действительно завершился.

Другими словами, в данном исследовании мы будем рассматривать периодизацию политической истории современной России как внешнюю рамку периодизации развития самих гендерных исследований, акцентируя тем самым влияние на них внешнего контура науки. Основанием для подобного допущения выступает включенность гендерных проблем в политический дискурс российской власти, особенно в части демографической политики.

Литературный обзор

Анализ обзорных статей, посвященных гендерным исследованиям в России, свидетельствует, что их авторы не ставят перед собой в качестве специальной задачи анализ дискурсов отдельных предметных полей. При этом сами направления исследований могут выделяться не по концептуальным признакам, а, например, по географическим [Хоткина, 2020]. Возможно, в таком подходе видны отголоски этапа становления гендерных исследований в России, «когда приказом Государственного комитета по высшей школе № 671 от 06.07.1994 г. была открыта межвузовская научно-исследовательская программа “Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях” с головной организацией — Ивановским государственным университетом», которая объединила исследовательские центры 15 вузов России [Хасбулатова, 2001: 4]. Вузы, получив финансирование, стали проводить гендерные исследования в соответствии с государственной программой, а предметные поля нашли прописку в вузах.

Имеющиеся обзоры гендерных исследований чаще всего представляют собой реферативное изложение наиболее значимых статей в той или иной предметной области с перечислением имен их авторов. Яркими примерами таких обзоров являются работы Т. Б. Котловой и Т. Б. Рябовой по проблемам гендерных стереотипов [Котлова, Рябова, 2001], О. Г. Овчаровой и Т. Б. Рябовой по гендерной

политологии [Рябова, Овчарова, 2016] и И. С. Клециной по исследованиям гендерных отношений в психологии и социологии [Клецина, 2013].

Есть немало статей, посвященных проблемам развития отдельных направлений гендерных исследований — гендерной истории [Пушкарева, 2002], гендерной социологии [Здравомыслова, Темкина, 2000], гендерной политологии [Айвазова, 2002], гендерной педагогике [Штылева, 2014]. В них авторы в первую очередь анализируют барьеры, стоящие на пути признания гендерных исследований академическим мейнстримом. Эти барьеры могут быть связаны как с внешним, так и с внутренним контуром науки [Бурдьё, 2005]. Примером анализа внешнего контура гендерных исследований является статья Н. Л. Пушкаревой, а внутреннего — Л. В. Штылевой. Работы по изучению проблем внутреннего контура получили обобщающее название псевдогендерных исследований. Это исследования, в которых концепт гендера используется неаутентично, т. е. с эссенциалистских, а не с социально-конструктивистских позиций. Неаутентичность эссенциализма как объяснительной концепции связана в первую очередь с тем, что при таком подходе утрачивается критическая и практико-преобразовательная функция гендерных исследований и в конечном счете их научная актуальность.

При этом многими авторами высказываются интересные соображения об особенностях этапа становления гендерных исследований в России в конце 1990-х — их «невидимости» академическим сообществом, сильном влиянии финансирования западных фондов, что сделало эти исследования более практико-ориентированными, чем теоретико-методологическими [Рябова, Овчарова, 2016].

Разные ученые выделяют разные этапы в развитии российских гендерных исследований. Так, З. А. Хоткина называет три этапа: «1. Становление и институционализация гендерных исследований в России. <...> 2. Вписывание гендерных исследований в российский контекст через осмысление и анализ российского материала и проблем. Этап пришелся на первое десятилетие XXI в. (2000—2009 гг.) и условно может быть обозначен как период перехода количества в качество. 3. Развитие гендера в цифровую эпоху. Этап связан с продолжением российских гендерных исследований в условиях цифровизации и появления сетевого общества как главных вызовов последнего десятилетия XXI в. (2010—2020 гг.)» [Хоткина, 2020: 29]. О. Г. Овчарова и Т. Б. Рябова выделяют только два этапа в развитии гендерной политологии — доинституциональный и институциональный, связанный с появлением гендерной секции Российской ассоциации политической науки в 1998 г. [Рябова, Овчарова, 2016: 7]. Сходной позиции придерживается И. С. Клецина. Она полагает, что на первом этапе исследования гендерных отношений в социологии и психологии «обсуждались отдельные темы, каким-либо образом связанные с гендерными отношениями...». На втором этапе, который начался с 2000-х гг., появились работы, раскрывающие сущность и формы проявления этого феномена на различных уровнях социальной реальности [Клецина, 2013: 4]. При этом она отмечает, что в последнее время (т. е. в 2010-е) интерес ученых к гендерной проблематике снизился, однако отдельного третьего этапа в истории гендерных исследований в психологии не выделяет. Позиция Л. В. Штылевой более определенная. Говоря о том, что в трудах по гендерной педагогике отражается «гендерный алармизм» российского общества, она пишет: «...предлагаемые технологии поло-дифференцированного образования

и социально-педагогические модели гендерной социализации обучающихся... обращены не в будущее, а в прошлое» [Штылева, 2014: 92]. Другими словами, специалисты по гендерной психологии и педагогике, в отличие от З. А. Хоткиной, не считают, что развитие гендерных исследований в России идет только вперед, и допускают даже определенный регресс.

Представленный выше краткий литературный обзор свидетельствует, что, несмотря на большое количество обзорных статей по российским гендерным исследованиям, тема особенностей дискурсов отдельных предметных полей и их динамики в литературе еще не затрагивалась. Это позволяет сформулировать следующие исследовательские вопросы: какова содержательная траектория развития гендерных исследований с точки зрения используемых учеными научных понятий и категорий, является ли эта траектория одинаковой для разных предметных полей или существуют различия?

Методология

Как уже отмечалось, в качестве основной теоретической рамки нами используется концепция науки как текста (дискурсивное понимание науки). Лингвистический подход в социологии науки предполагает, что в существующем дискурсивном поле позиции агентов дискурса очерчены множеством оригинальных авторских терминов, принадлежащих к определенной предметной области. Как отмечает П. Бурдьё, эти слова выступают маркерами принадлежности к «своим» и «чужим» [Бурдьё, 2005: 480].

Исходя из такого осмысления науки, мы понимаем под маркерами существования дискурса предметного поля характерные словосочетания в заголовках статей ведущих отечественных гендерных исследовательниц.

Цель исследования — провести анализ динамики дискурса предметных полей отечественных гендерных исследований в соответствии с тремя периодами новейшей истории России.

Задачами являются:

- 1) классификация массива данных по предметным полям;
- 2) построение word-nets терминов, используемых гендерными исследовательницами на трех этапах новейшей истории России;
- 3) конструирование word-clouds по отдельным предметным полям и этапам истории гендерных исследований;
- 4) оценка динамики изменения дискурсов, используемых в отдельных предметных полях российских гендерных исследований.

Основной гипотезой выступает предположение о том, что российские гендерные исследования находятся на этапе своего «нормального» развития, поскольку не существует оппонирования теоретическому ядру — социально-конструктивистскому концепту гендера. Характер развития дискурсов российских гендерных исследований может быть описан как движение вширь, идет накопление теоретических данных, которые получают вполне удовлетворительное объяснение в рамках социального конструктивизма. Концепт гендера еще не исчерпал своего объяснительного потенциала [Скотт, 2001] применительно к российской действительности.

Для решения поставленных задач был выбран смешанный дизайн исследования. На первом этапе использовались количественные инструменты наукометрии и проводился анализ научных текстов с помощью методов анализа естественного языка (natural language analysis/processing). На втором — осуществлялся качественный анализ выделенных словосочетаний (биграмм) и полученных графов.

Описание выборочной совокупности. Первым критерием *отбора авторов статей* было участие ученого в значимых академических гендерных проектах. В качестве таких проектов были выбраны журнал «Женщина в российском обществе», индексируемый международной базой данных Scopus (3-й квартиль), и два выпуска сборника статей «Гендер для чайников», которые стали основой гендерного просвещения в России. Выбор участниц именно этих проектов определяется тем, что они во многом формировали и продолжают формировать повестку академических гендерных исследований в России. Кроме того, их деятельность охватывает все три рассматриваемых исторических периода. Вторым критерием включения авторов в выборку стала их «видимость» в научном сообществе, а именно наличие в РИНЦ 50 и более личных публикаций.

В качестве единицы генеральной совокупности выступал заголовок научной статьи. Выбирая заголовок, автор решает как минимум две важные задачи: обозначает предметное поле и показывает свой научный вклад через формулировку главной идеи и/или центрального вопроса исследования. Тем самым заголовок статьи содержит всю значимую для задач данного исследования информацию.

Заголовки статей являются корпусом текстов, которые могут быть представлены в виде множества словосочетаний (биграмм). Анализ частотности использования отдельных слов в заголовках позволяет сделать выводы о тенденциях в развитии научного знания, о том, какая тематика более востребована, какая менее, что составляет исследовательский фронт в тот или иной период.

Однако такой анализ — весьма сложная задача для классических методов контент-анализа больших массивов текстов. Альтернативой может стать обращение к парадигме цифрового анализа естественного языка. Так, представляя все множество словосочетаний, которое составляют тексты заглавий статей в виде word-net (см. рис. 1—3), можно сделать выводы о том, какие слова более востребованы, в каких именно словосочетаниях они употреблены, а какие слова и словосочетания, наоборот, не пользуются популярностью. На графиках word-net легко увидеть, что к одному слову будет вести большее число ребер (связей), чем к другим. Это означает, что с данным словом образовано большее число словосочетаний.

Второй цифровой технологией анализа стало построение word-cloud (см. рис. 4—9). Эта технология позволяет изобразить частотность использования той или иной биграммы через размер шрифта, которым она изображена. Кроме того, word-cloud дает возможность представить на одном рисунке наглядно все или практически все словосочетания (в нашем случае — наиболее популярные), которые использовали исследовательницы в заголовках своих работ.

Создание базы данных для анализа. Сначала была сформирована генеральная совокупность, включающая в себя заголовки всех статей выбранных авторов, размещенных в отечественной реферативной базе e-library. Таких статей оказалось 1716. Далее заголовки были разделены в соответствии с датой

публикации статей на три группы: опубликованные до 2000 г., с 2001 по 2010 г., с 2011 по 2021 г. В первый период вошел 321 заголовок, во второй — 642, в третий — 753.

Тексты заголовков были обработаны для дальнейшего анализа: слова приведены к нижнему регистру; при помощи корпуса слов `corpus stopwords` библиотеки NLTK удалены тензорные и служебные слова. Далее слова были приведены к начальной форме при помощи функции `MorphAnalyzer` библиотеки `rumorphy2`.

Получившийся корпус текстов был разбит на словосочетания при помощи функции `bigrams` библиотеки NLTK. Среди образованных словосочетаний отобраны по 800 *наиболее часто встречающихся* для каждой из трех групп (до 2000 г., до 2011 г., до 2022 г.). Из созданных множеств словосочетаний образованы графы — объекты класса `Graph` библиотеки `network` (по одному графу для каждой из трех групп) (см. рис. 1—3).

На втором этапе исследования полученные данные агрегированы в тематические области, выделенные по основанию предметного поля, к которому эти термины могли бы быть отнесены, и проведен их качественный анализ. С помощью функции `venn3` библиотеки `matplotlib-venn` была построена диаграмма пересечений словосочетаний трех групп, диаграмма Эйлера (см. рис. 10). Затем содержание пересекающихся сегментов анализировалось с целью выделения тенденций развития дискурсов отдельных предметных полей российских гендерных исследований.

Результаты исследования и их анализ

Начнем с анализа полученных `work-nets`.

Поле дискурса гендерных исследований до 2000 г. выглядит большей частью разреженным (рис. 1).

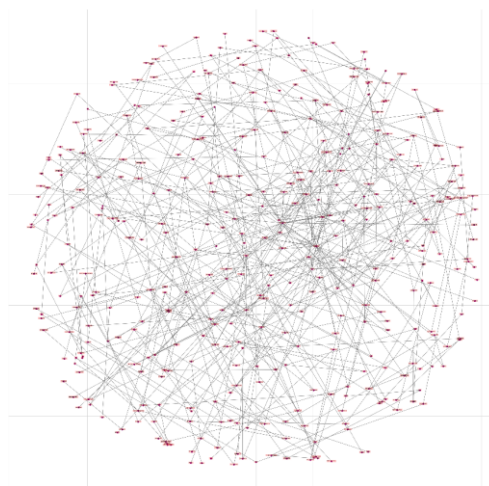

Рис. 1. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода до 2000 г.

Выявленные точки агломерации малочисленны. У этого есть несколько причин. Первая из них — это ситуация доинституциональности гендерных исследований, о которой писали О. Г. Овчарова и Т. Б. Рябова [Рябова, Овчарова,

2016]. Институты отсутствовали и как платформы для совместной работы, и как механизмы координации повестки, терминов, тематики. Проще говоря, каждый автор в этот период работала сама по себе. Вторая причина связана с биографиями самих исследовательниц. Для многих ученых из нашей выборки этот период — период профессионального самоопределения и поиска своей области исследовательских интересов, поэтому у них еще нет своего устоявшегося авторского дискурса.

Однако можно выделить и некоторые точки тематической агломерации. В период до 2000 г. такой точкой становится термин «гендерный», однако его популярность несопоставима с популярностью в последующие периоды и с популярностью терминов «женщина» и «женский». Как отмечается другими авторами (С. Г. Айвазова, Т. Б. Рябова и др.), это период развития именно женских исследований. Причем двумя другими точками притяжения оказываются «история» и «российский».

Ориентация на «Россию» и «российские» явления сохраняется и на двух последующих этапах. Этот факт выглядит неожиданным, потому что указание в названии статьи «Россия» подразумевает ее сравнение с другими странами и направленность на международную читательскую аудиторию. Предполагается, что в статье речь должна идти не о некоем феномене вообще, а о феномене именно в России, который ее выделяет, отличает от других стран. Однако большая часть исследуемых статей опубликованы в русскоязычных журналах, издаваемых в России и для русскоязычного читателя. Тем самым прилагательное «российский» в названии становится избыточным, но, судя по всему, крайне необходимым.

Изменения следующего периода связаны с ростом популярности в исследовательской среде категории «гендерный». Другими точками для тематической кристаллизации начинают выступать смежные науки об обществе. Приобретают популярность термины «психологический», «педагогика», «антропология», «культурный». Также видна явная имплементация теорий повседневности и качественной парадигмы в дизайны исследований (термины «практика», «субъектность», «установки» и др.) (рис. 2).

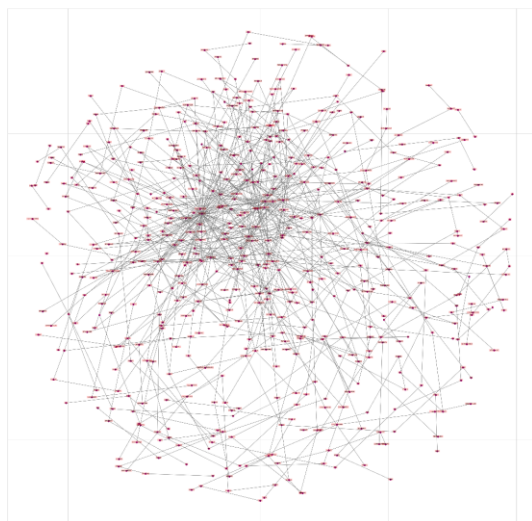

Рис. 2. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода с 2001 по 2011 г.

Динамику третьего этапа можно трактовать по-разному. Мы наблюдаем явное увеличение точек агломерации в сравнении с предыдущим этапом (рис. 3). Однако здесь важно акцентировать внимание на содержательной стороне терминов. Возрастает популярность национальной идентификации (терминов «Россия» и «российский»). Появляются категории осмысления гендера в дискурсе власти, например как части семейной политики. Приобретают популярность категории «родительский», «семья», «здоровье», «отношения». Возвращается также популярность категории «женский».

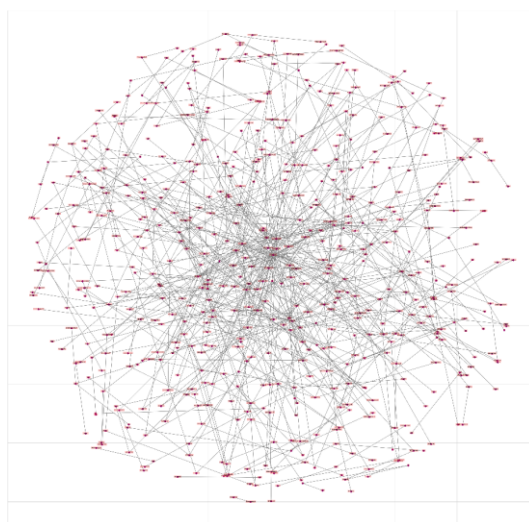

Рис. 3. Сеть биграмм поля гендерных исследований периода с 2012 по 2021 г.

Востребованным становится термин «политика», но при этом размывается его определенность. Появляются «демографическая политика», «социальная», «политика деторождения» и пр. Другие популярные термины оказываются общегуманитарными: «измерение», «процесс», «эффект» и пр.

Тем самым основная гипотеза нашего исследования о том, что развитие дискурсов российских гендерных исследований идет вширь, а не вглубь, подтвердилась. При этом критичного осмысления самого концепта «гендер», например, через использование теории интерсекциональности не происходит. Данный термин встречается за весь анализируемый период всего в двух работах по одному разу, что составляет около одной десятитысячной от общего объема слов.

Иначе говоря, несмотря на общий рост числа публикаций по гендерной тематике, заметного развития самого дискурса в отдельных предметных областях гендерных исследований не происходит. Во всяком случае, если судить по данной выборке статей.

Это хорошо видно и в word-clouds, которые характеризуют частоту использования биграмм в дискурсах предметных полей российских гендерных исследований на протяжении трех периодов их развития*.

* Размер биграммы пропорционален частотности ее употребления относительно других биграмм того же рисунка. Самые большие по размеру биграммы встречаются наиболее

На рисунке 4 представлена динамика распределения биграмм в области методологии гендерных исследований. Верхний сегмент иллюстрирует ситуацию первого периода, когда гендерные исследования в нашей стране только зарождались. Средний сегмент — период с 2001 по 2011 г. Налицо качественный и количественный рост используемой терминологии. Однако в отношении третьего периода — нижний сегмент — этого сказать нельзя. Биграмма «гендерный, исследование» уступает в популярности «гендерный, аспект», уходит «гендерный, субъект» и «гендерный, порядок», появляется «особенность, проявление».

Рис. 4. Распределение биграмм в области гендерной методологии

Примерно те же тенденции можно видеть и в развитии дискурсов предметных полей (рис. 5—9), хотя по некоторым (например, антропологии и этнографии) наблюдается обратное движение, частотных биграмм на третьем этапе становится заметно меньше, чем на первом. В предметном поле гендерной психологии, напротив, частотных биграмм не оказалось на первом этапе, но очень много стало на третьем. Причины подобной ситуации требуют отдельного исследования, возможно даже с привязкой к анализу биографий и научной карьеры отдельных ученых, работающих в этих предметных полях.

часто. На рисунках приведены не все биграммы, а только встретившиеся в выборке названий статей как минимум трижды, поэтому в некоторых предметных областях на первом этапе биграмм мало или вообще нет. Как уже отмечалось, это связано с доинституциональным этапом развития гендерных исследований в России.

На рисунках 5—9 вертикальными линиями отделены три исследуемых периода развития предметного поля. На рисунке 9 выделены только второй и третий периоды гендерной психологии, потому что в первом периоде не оказалось биграмм с частотностью употребления три и выше.

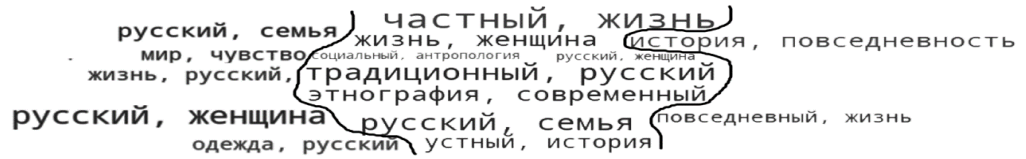

Рис. 5. Распределение биграмм предметного поля антропологии и этнографии

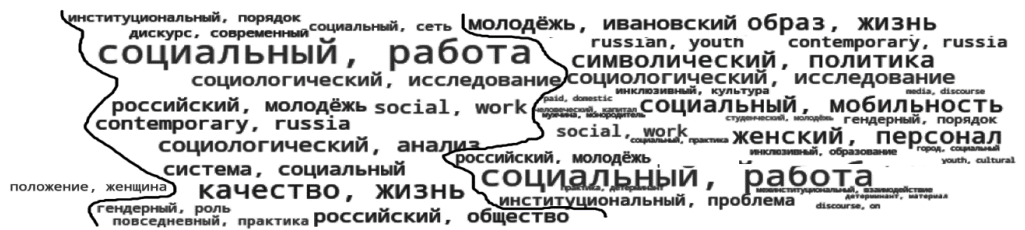

Рис. 6. Распределение биграмм предметного поля социологии

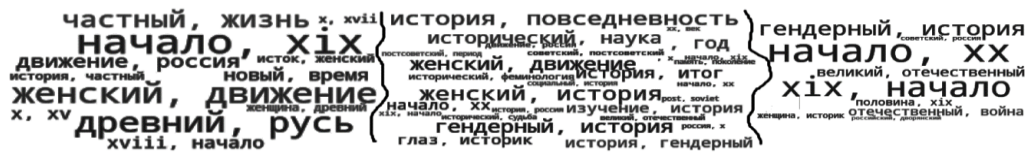

Рис. 7. Распределение биграмм предметной области истории

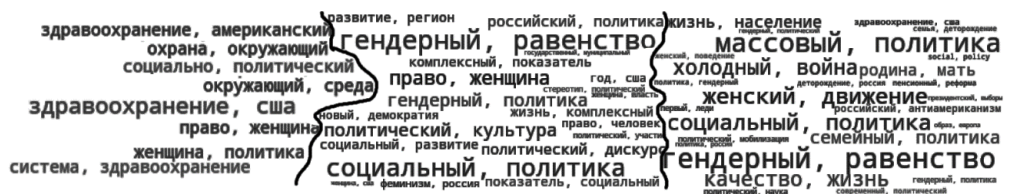

Рис. 8. Распределение биграмм предметного поля политологии

Рис. 9. Распределение биграмм предметного поля психологии

На втором этапе исследования проводился качественный анализ совокупности полученных биграмм. Для этого при помощи функции `venn3` библиотеки `matplotlib-venn` была построена диаграмма Эйлера (диаграмма пересечений словосочетаний трех выделенных исторических периодов) (рис. 10).

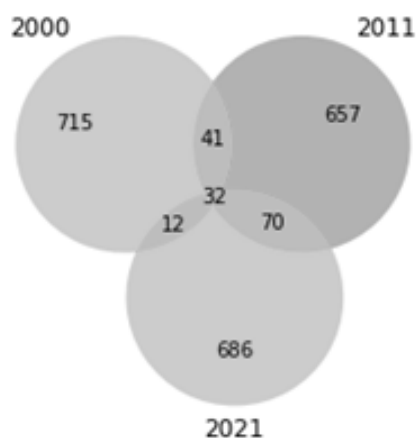

Рис. 10. Соотношение биграмм, используемых в названиях статей трех периодов развития российских гендерных исследований

Первый вывод, который можно сделать, — ядро гендерных исследований (число общих биграмм для всех трех периодов) сравнительно невелико и составляет только 4 % (32 биграммы от массива из 800 в каждом периоде).

Второй вывод — развитие гендерных исследований идет нелинейно: только 12 биграмм первого периода потребовались в третьем периоде и 41 биграмма первого периода не перешла из второго периода в третий.

Третий вывод — темпы наращивания нового знания замедляются. В первом периоде только 30 биграмм встречались в названиях статей 3 и более раз, во втором периоде таких биграмм стало 143, в третьем — 180. Другими словами, если между первым и вторым периодом количество часто упоминаемых биграмм выросло в 4,8 раза, то между вторым и третьим — только в 1,3.

Далее были построены таблицы, характеризующие содержательное наполнение пересекающихся секторов диаграммы Эйлера.

Рассмотрение биграмм, которые являются общими для анализируемых периодов, показывает (табл. 1), что на протяжении всей истории гендерных исследований в России проводится анализ современности, тенденций, процессов и развития в XXI в. с акцентом на российских женщинах, также представлен анализ традиционных ролей женщины («мать», «ребенок»), присутствует тема места женщин в науке. Отметим, что эти исследования являются во многом женскими, поскольку слова «мужчина», «мужское» в данной таблице не встречаются совсем.

Таблица 1

**Биграммы, общие для всех трех периодов (центр диаграммы)
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Гендерный, подход; гендерный, исследование; гендерный, аспект; гендерный, фактор; гендерный, измерение; гендерный, проблематика
Социология	Социологический, исследование; социальный, работа
Политология	Социальный, политика; политический, жизнь; год, США; здравоохранение, США
История	Начало, XX; движение, Россия; XIX, начало
Психология	Социальный, психология; гендерный, отношение
Этнография/антропология	Частный, жизнь; русский, женщина; жизнь, женщина; российский, семья

Между первым и вторым этапом развития российских гендерных исследований общих биграмм 41, наибольшее число пересечений наблюдается в областях истории и политологии (табл. 2).

Таблица 2

**Биграммы, общие для первого и второго периодов
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
История	Женщина, XVIII; исторический, наука; история, Россия; подход, исторический; XVIII, начало; X, год; женский, история; исторический, судьба; женщина, древний; социальный, история; древний, Русь; начало, XIX; исторический, феминология
Психология	Гендерный, идентичность; подход, психологический; старший, дошкольный; становление, ребенок; аспект, социализация; интимный, жизнь; психология, гендерный
Политология	Политический, дискурс; проблема, развитие; право, человек; право, женщина; женщина, власть; выборы, гендерный; фактор, политический; охрана, здоровье; женщина, политика; политический, процесс
Социология	Motherhood, Russia; проблема, социальный; здоровье, мать
Методология гендерных исследований	Конструирование, гендер; метод, анализ; подход, система
Этнография/антропология	Русский, семья; невеста, жена; жена, любовница

В области истории пересекаются периоды исследования: X в., XVIII в., XIX в. — и соответственно сохраняется объект исследования — Древняя Русь, Россия. Сквозными являются биграммы социальной истории, женской истории,

исторической феминологии. Продолжается встраивание в академический мейнстрим через использование биграмм «исторический, наука», «исторический, подход».

В политологии продолжается изучение тем выборов, прав человека женщин, участия женщин во власти. Встраивание в мейнстрим происходит через биграммы «политический, процесс», «право, человек», «проблема, развитие».

В психологии общими для двух периодов являются два специальных понятия «гендерная психология» и «гендерная идентичность». При этом используются характерные для всей психологии понятия — «социализация», «психологический подход», «возраст» (дошкольный, старший), «ребенок» (становление). Другими словами, общей для двух периодов в психологии является тема становления личности и гендерной идентичности, особенно в детском возрасте.

Для антропологии (этнографии) сквозной остается тема семьи («русская») и роли женщин в ней («невеста», «жена», «любовница»).

Для социологии общими выступают проблемы материнства, в том числе здоровье матери. В области методологии сохраняется акцент на конструировании гендера и системном подходе.

Пересечений первого и третьего периодов гораздо меньше — всего 12.

Таблица 3

**Биграммы, общие для первого и третьего периодов
русских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Современный, исследование; мужчина, женщина; подход, анализ
Политология	Российский, политический; президентский, выборы
Психология	Личностный, становление; жизненный, стратегия; дошкольный, возраст; ценностный, ориентация
История	XIX, век

При этом в истории сохраняется интерес к XIX веку; в психологии — к исследованию проблем личностного становления, дошкольного возраста, ценностных ориентаций и жизненных стратегий. В политологии пересечения зафиксированы по темам президентских выборов и российского политического порядка. Отметим, что пересечений биграмм первого и третьего периода не обнаружилось в полях антропологии и социологии. В области методологии в обоих периодах используются биграммы «мужчина, женщина», «анализ, подход», «современный, исследование». Одновременно в пересекающемся секторе первого и третьего периодов отсутствуют гендерно-окрашенные биграммы. Другими словами, общими выступают мейнстримные области, а не гендерная тематика. Это совпадает с утверждением Э. Ю. Росман о размывании предметного поля русских гендерных исследований.

Наибольшее число пересечений биграмм в названиях статей (70) зафиксировано между вторым и третьим периодами российских гендерных исследований. Хотя в разных тематических областях данные пересечения представлены в разных объемах (табл. 4). Это свидетельствует о различном уровне разнообразия и интенсивности производимого научного знания.

Таблица 4

**Биграммы, общие для второго и третьего периодов
российских гендерных исследований**

Тематическая область	Биграммы
Методология гендерных исследований	Женский, гендерный; проблема, гендерный; вопрос, гендерный; контекст, гендерный; мужской, женский; женский, мужской; гендерный, дискурс
История	Великий, отечественный; отечественный, война; начало, XX; зарубежный, историография; гендерный, история
Психология	Социализация, ребенок; ребенок, ЗПР; социально, психологический; младший, школьный; школьный, возраст; процесс, личностный; психологический, исследование; гендерный, компетентность
Социология	Гендерный, порядок; роль, гендерный; молодежь, начало; российский, молодежь; рынок, труд; система, социальный; социологический, анализ; материал, социологический; social, work; социальный, защита; социальный, пространство
Этнография/антропология	Повседневный, жизнь; история, повседневность
Политология	Гендерный, политика; власть, современный; российский, политика; семейный, политика; политика, современный; гендерный, политический; политический, культура; промежуточный, выборы; гендерный, равенство; государственный, политика; женщина, США; развитие, регион; символический, политика; качество, жизнь; гендерный, разрыв; гендерный, равноправие; гендерный, субъектность

Как показывают данные таблицы 4, в эти годы явно заметен спад гендерных исследований в областях истории и антропологии. Для антропологии общими оказались универсальные (мейнстримные) биграммы «повседневный, жизнь» и «история, повседневность», которые не имеют прямых гендерных коннотаций, очевидных для читателя, хотя специалистам связь женской истории и истории повседневности понятна. Единственная общая гендерная биграмма — «гендерный, история». Есть две биграммы явно на злобу дня (учитывая празднование юбилея Великой Победы) — «великий, отечественный» и «отечественный, война». Это подтверждает существование зафиксированной Э. Ю. Росман стратегии легитимации российских исследований женской истории, которую она назвала встраиванием в государственную повестку. Новой является биграмма «зарубежный, историография». В общем ядре и в области пересечения с первым периодом речь шла только об отечественных исторических исследованиях.

Интересно, что в таблице 4 ни в одном тематическом поле нет слов «мать» или «материнство». Слово «женщина» встречается в поле политологии, но с привязкой к США, а не к России. Можно предположить, что это скрытая (если не бессознательная) реакция на официальный дискурс пропаганды традиционных гендерных ролей и традиционных семейных ценностей.

Гендерные исследования в психологии и социологии имеют примерно одинаковый объем пересечений. Для гендерной психологии актуальной остается тема личностного развития, при этом появляется новая биграмма «ребенок, ЗПР» (задержка психического развития). Единственной гендерно-окрашенной биграммой среди 8 общих психологических выступает «гендерный, компетентность». Все остальные могут быть отнесены к мейнстриму.

В тематическом поле социологии из 11 биграмм гендерно-окрашенных только 2 — «гендерный, порядок» и «гендерный, роль», 2 биграммы относятся к теме социальной работы, 2 — к проблемам молодежи, 4 описывают исследовательский процесс и 1 связана с рынком труда. Отметим, что ни в психологии, ни в социологии в пересекающихся секторах нет темы материнства. Для психологии сквозной темой остается тема детства и становления личности, но нет пересекающихся биграмм второго и третьего периодов по теме родительства.

В гендерной политологии заметно больше биграмм со словом «гендер». Из 17 их 7 (40 %). Это можно расценивать как определенную зрелость гендерной политологии. С другой стороны, данный факт может быть следствием той самой стратегии легитимации через встраивание в государственную повестку России, потому что «гендерный разрыв», «гендерное равноправие», «гендерное равенство» — термины явно международной, а не сугубо национальной повестки. В связи с этим можно предположить, что особой заслугой в использовании данных терминов в названиях статей у российских политологов нет.

Дискуссия

Дискурс гендерных исследований обнаруживает свое развитие и изменчивость в динамике используемых в них категорий. Крайне важной представляется оценка содержания этой динамики. Мы можем выделить несколько значимых трендов.

Первый связан с тем, что женские исследования уступают по популярности гендерным в нулевые годы, но снова ее обретают в десятые.

Второй тренд связан с кристаллизацией вокруг предметных точек. Сначала, на втором этапе, данный процесс происходит вокруг дисциплинарных терминов, таких как «антропологический», «педагогический», «социологический», «психологический» и т. д. На третьем этапе дисциплинарные термины перестают быть точками кристаллизации. Она происходит вокруг общегуманитарных терминов («связь», «движение», «современный») и терминов, раскрывающих тематику семьи, родительства, здоровья и др.

При этом есть две категории, которые неизменно оказываются центрами агломерации на всех трех этапах: «гендер» и «Россия». Причем словосочетания со словом «гендер» увеличивают свое разнообразие на втором этапе, сохраняя (но не наращивая) его объем на третьем этапе.

Подобные трансформации во многом обусловлены давлением внешнего контура науки. Исследовательницы должны не только легитимировать сам термин «гендер» как научный, но и постоянно доказывать его нужность, востребованность для анализа именно российской действительности.

В особенных условиях проводимой политики рождаются и особые требования к научному дискурсу. Так, анализируя дискурс гендерных исследований в демографии, М. Rivkin-Fish отмечает, что «исследования российской демографической политики *должны* (в таких условиях. — М. К., С. Т.) уделять внимание как институциональным трансформациям, так и символическим уровням дискурса» [Rivkin-Fish, 2010: 705]. Как пишет G. Doğangün, речь идет о специфичном «неотрадиционном/неоконсервативном климате», который всеобъемлюще затрагивает сферы человеческой деятельности, в том числе производство научного знания [Doğangün, 2020]. Подчеркнем, что о специфичном климате автор заявляет в 2020 г., отмечая актуальность этой проблемы.

Отечественные исследовательницы Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина говорят о таком климате в своей работе 2000 г.: «(Описываемая авторами ситуация. — М. К., С. Т.) заключается в том, что гендерные и феминистские исследования рассматриваются как ориентированные на нежелательные изменения в сфере отношений между полами, и прежде всего на разрушение семьи» [Здравомыслова, Темкина, 2000: 22]. Таким образом, можно утверждать, что специфичный климат сопровождал отечественные гендерные исследования на протяжении всей их истории.

Полученные нами результаты коррелируют с выводами Э. Ю. Росман, которая отмечает «размывание в гендерной истории предметного поля в попытке уйти от политической повестки гендерного неравенства в более нейтральные темы, например женского образования, в силу роста консервативных настроений в политической элите» [Rossman, 2021: 423].

В то же время тезис Э. Ю. Росман о том, что российским социологам было легче заниматься гендерными исследованиями, чем представителям других дисциплин, не нашел подтверждения нашими данными. Она пишет: «Российская социология оказалась дисциплиной, наиболее восприимчивой к новым теориям и методам. Исследователи и студенты — социологи, интересующиеся гендерными исследованиями, находятся в лучшем положении, чем ученые, студенты и выпускники других дисциплин. В то же время сама социология занимает большие площади дискурсивного поля в российской гендерной науке» [ibid.: 417].

Однако анализ биграмм, используемых в названиях статей российских гендерных социологов, показывает, что социология очень часто уходила в сторону социальной работы и социальной защиты. Такое положение не следует считать экспансией в другие научные области, поскольку это переход в область практико-ориентированных исследований. Сам набор биграмм гендерной социологии был достаточно скуден, особенно на первых этапах ее развития (см. табл. 2). Социология заметно проигрывает политологии и психологии в содержательном описании своего предметного поля. Данный вывод подтверждается и word-clouds, которые приводились выше. Этот факт нельзя объяснить особенностями выборки авторов статей, вошедших в исследование, потому что социологов в ней больше, чем психологов, и примерно столько же, сколько политологов.

Анализируя полученные данные, необходимо принять во внимание ряд серьезных *ограничений исследования*. В первую очередь они связаны с характером и способом формирования выборочной совокупности авторов статей. В качестве значимых проектов из гендерных исследований могли быть выбраны совсем другие, например международные или те, которые получили наибольший общественный резонанс, тогда выборка авторов стала бы немного другой. Все выбранные авторы — женщины, хотя авторами некоторых статей в «Гендере для чайников» были и мужчины. В выборку не включены молодые авторы, начавшие свою научную карьеру после 2000 г.

Вторым ограничением выступает использованная методология. Наука была редуцирована до произведенных в ее рамках текстов статей, а статьи — до заголовков. Тем самым никак не реконструировалась практика написания научных текстов и не анализировалось их содержание. Сам анализ массива эмпирических данных производился методами анализа естественного языка, были получены только агрегированные данные об эмпирическом материале, что всегда сопряжено с утратой деталей и полноты картины, существовавшей до агрегации.

Кроме того, метод анализа биграмм позволяет учитывать лишь очень локальный контекст — анализировать два слова, стоящие рядом. Исследовать, как связано какое-то слово со словом, стоящим через одно от него, оказывается очень сложной задачей, не говоря уже об анализе того, как связаны, например, первое и последнее слово в предложении.

Третье ограничение — выделение периодов в развитии гендерных исследований не на основе количества и качества исследований и уровня их институционализации, а исходя из развития их внешнего контура, т. е. политической истории России. Обоснование необходимости такого подхода к анализу динамики российского социогуманитарного научного знания представлено в нашей более ранней работе [Кашина, Ткач, 2021].

Учитывая указанные ограничения, можно сказать, что наше исследование является поисковым — выявляет только самые общие тенденции в изучаемом объекте. Тем не менее оно позволяет поставить конкретные исследовательские вопросы для дальнейшего изучения.

Заключение

Понятно, что все зафиксированные факты и тенденции в динамике дискурса предметных полей российских гендерных исследований нельзя объяснить только давлением на ученых внешнего контура науки — государственной политикой, политикой грантодателей, возможностями публикации результатов, интеллектуальной атмосферой, царящей в обществе, и т. п. Давление со стороны внешнего контура может побудить исследовательниц к отказу от неоднозначных, политически опасных тем, может заставить табуировать определенные термины собственного дискурса и обращаться к их эквивалентам из государственного дискурса, как это мы наблюдаем в случае с демографией. Однако такое давление слабо объясняет динамику развития собственного исследовательского дискурса и ту малую изменчивость, которую этот дискурс демонстрирует в последние два десятилетия. Напомним, что простот частотных биграмм упал

почти в 5 раз, а количество гендерно-окрашенных биграмм в пересекающихся секторах заметно сократилось.

По логике, в которой понимается развитие науки в нашем исследовании, в сравнительно близком будущем стоит ожидать трансформации и изменения ядерной (центральной) категории гендерных исследований, а именно переосмысления самой категории «гендер», возможно даже ее замены какой-либо другой. Обращаясь к истории родственных для гендерных исследований наук об обществе, мы могли бы обнаружить создание учеными абсолютно новых терминов, которые позволяют им лучше описывать предмет и теоретическую рамку своего исследования. Такое изменение категориального аппарата происходит как реакция на общественные изменения: все более стремительно трансформирующееся общество требует от науки новых языков описания. То же справедливо для «гендера» и тех явлений в обществе, которые он характеризует. Например, хорошо известны трудности, с которыми сталкивается гендерная теория при описании ксеногендерности или интерсекционального феминистского политического движения, в котором «гендер» оказывается категорией одного рода с расой, национальностью, классом и т. д.

В настоящее время базовые научные категории отечественных и зарубежных гендерных исследований демонстрируют консерватизм, который, возможно, имеет под собой причины, лежащие во внутреннем контуре гендерных исследований, и свидетельствуют о том, что это «нормальный» период развития данной области научного знания. В таком случае можно заняться поиском аномалий, случаев, которые не вписываются в существующую парадигму, выступая предвестниками «экстраординарного» этапа развития гендерных исследований. Это и станет одним из направлений наших дальнейших научных поисков.

Список источников

- Абелинскайте В. Э.* Влияние политической элиты на трансформации государственных институтов современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 227 с.
- Айвазова С. Г.* Гендерные исследования современных политических процессов в России // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2—3. С. 24—32.
- Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма = *Les Origines intellectuelles du léninisme*. М.: МИК, 1998. 304 с.
- Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1: Учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. 708 с.; Ч. 2: Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. 991 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 15—23.
- Кашина М. А., Ткач С.* Методологическое разнообразие в российской социологии: анализ исследований ценностей // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2021. Т. 14, № 2. С. 107—123.

- Клецина И. С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 2. С. 3—13.
- Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 3—4. С. 25—38.
- Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев: Наук. думка, 1966. 224 с.
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2—3. С. 32—37.
- Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 3—23.
- Система обеспечения законодательной деятельности // Государственная дума РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3> (дата обращения: 22.02.2022).
- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2001. Ч. 2. С. 405—437.
- Хасбулатова О. А. Гендерным исследованиям в системе высшего образования России — десять лет // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 1—2. С. 2—14.
- Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 26—37.
- Штылева Л. В. Интерпретация гендерного подхода в российской педагогике 10-х гг. XXI в. // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3. С. 87—92.
- Burnell P. From evaluating democracy assistance to appraising democracy promotion // *Political Studies*. 2008. № 56. P. 414—434.
- Doğangün G. Gender climate in authoritarian politics: a comparative study of Russia and Turkey // *Politics and Gender*. 2020. Vol. 16, № 1. P. 258—284.
- Foucault M. *Archaeology of Knowledge*. London; New York: Routledge, 2002. 254 p.
- Guriev S., Zhuravskaya E. Why Russia is not South Korea // *Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 62, № 2. P. 125—139.
- Rivkin-Fish M. Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of «maternity capital» // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, № 3. P. 701—724.
- Rossmann E. From socialism to social media: women's and gender history in Post-Soviet Russia // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44, № 4. P. 414—432.
- The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / ed. by R. Rorty. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1967. 348 p.

References

- Abelinskaite, V. Ē. (2016) *Vliianie politicheskoi elity na transformatsii gosudarstvennykh institutov sovremennoi Rossii*: Dis. ... kand. polit. nauk [The influence of the political elite on the transformation of state institutions in modern Russia: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Aivazova, S. G. (2002) *Gendernye issledovaniia sovremennykh politicheskikh protsessov v Rossii* [Gender studies of modern political processes in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 24—32.
- Bezanson, A. (1998) *Intellektual'nye istoki leninizma = Les Origines intellectuelles du leninisme* [Intellectual origins of Leninism], Moscow: MIK.
- Burd'ë, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polia i praktiki* [Social space: fields and practices], Moscow: Institut èksperimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia.

- Burnell, P. (2008) From evaluating democracy assistance to appraising democracy promotion, *Political Studies*, no. 56, pp. 414—434.
- Doğangün, G. (2020) Gender climate in authoritarian politics: a comparative study of Russia and Turkey, *Politics and Gender*, vol. 16, no. 1, pp. 258—284.
- Foucault, M. (2002) *Archaeology of Knowledge*, London, New York: Routledge.
- Guriev, S., Zhuravskaya, E. (2010) Why Russia is not South Korea, *Journal of International Affairs*, vol. 62, no. 2, pp. 125—139.
- Kashina, M. A., Tkach, S. (2021) Metodologicheskoe raznoobrazie v rossiiskoi sotsiologii: analiz issledovaniĭ tsennostiĭ [Methodological diversity in Russian sociology: analysis of value studies], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologĭa*, vol. 14, no. 2, pp. 107—123.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernym issledovaniĭam v sisteme vysshego obrazovaniĭa Rossii — desiāt' let [Gender studies in the Russian higher education system — ten years], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 2—14.
- Khotkina, Z. A. (2020) Rossiiskim gendernym issledovaniĭam 30 let: retrospektiva i perspektivy [Russian gender studies 30 years: a retrospective and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 26—37.
- Kletsina, I. S. (2013) Sovremennoe sostoianie i perspektivy issledovaniĭ gendernykh otnosheniĭ v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniĭa [The current state and prospects of gender relations research in the field of sociological and psychological knowledge], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—13.
- Kotlova, T. B., Riabova, T. B. (2001) Bibliograficheskiĭ obzor issledovaniĭ po problemam gendernykh stereotipov [Bibliographic review of research on gender stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 25—38.
- Popovich, M. V. (1966) *O filosofskom analize iazyka nauki* [On the philosophical analysis of the language of science], Kyiv: Naukova dumka.
- Pushkareva, N. L. (2002) Istoricheskaia feminologĭia, zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy [Historical feminology, women's and gender history: results and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2—3, pp. 32—37.
- Riabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016) Gendernaia politologĭia v Rossii: dostizheniĭa, problemy i perspektivy [Gender political science in Russia: achievements, problems and prospects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—23.
- Rivkin-Fish, M. (2010) Pronatalism, gender politics, and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of “maternity capital”, *Slavic Review*, vol. 69, no. 3, pp. 701—724.
- Rorty, R. (ed.) (1967) *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*, Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Rossmann, E. (2021) From socialism to social media: women's and gender history in Post-Soviet Russia, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 44, no. 4, pp. 414—432.
- Shtyleva, L. V. (2014) Interpretatsiia gendernogo podkhoda v rossiiskoi pedagogike 10-kh gg. XXI v. [Interpretation of the gender approach in Russian pedagogy of the 10s of the XXI century], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 87—92.
- Sistema obespecheniĭa zakonodatel'noi deiatel'nosti [The system of ensuring the legislative activity], *Gosudarstvennaia дума Rossiiskoi Federatsii*, available from <https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3> (accessed 22.02.2022).
- Skott, Dzh. (2001) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: a useful category of historical analysis], in: Zherebkin, S. V. (ed.), *Vvedenie v gendernye issledovaniia*, pt. 2: Khrestomatiia, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭa, pp. 405—437.

-
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2000) *Sotsiologiya gendernykh otnosheniĭ i gendernyĭ podkhod v sotsiologii* [Sociology of gender relations and gender approach in sociology], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 15—24.
- Zherebkina, I. A. (ed.) (2001) *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], pt. 1: *Uchebnoe posobie*, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭia.
- Zherebkin, S. V. (ed.) (2001) *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [Introduction to gender studies], pt. 2: *Khrestomatiia*, Kharkiv: Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, St. Petersburg: Aleteĭia.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Кашина Марина Александровна — доктор политических наук, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, kashina-ma@ranepa.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor at the Department of Social Technologies, North-Western Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Ткач Сергей — менеджер проектов, Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», г. Санкт-Петербург, Россия; аспирант кафедры экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, sch14tlt@gmail.com (Project Manager, Regional public organization of social projects in the field of public welfare “Stellit”, St. Petersburg, Russian Federation; Post-graduate student at the Department of Economic Sociology, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 60—76.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 60—76.

Научная статья

УДК 314.148

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.4

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ГЕНДЕРНОМ РАКУРСЕ

Ирина Евгеньевна Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Аннотация. Пандемия коронавируса и связанный с ней локдаун по-разному могли повлиять на женщин и мужчин. Цель исследования — описать систему демографических, социальных и экономических потерь от пандемии, которые имели или могли иметь гендерный ракурс. Часть последствий обсуждается более глубоко на основе анализа статистики или вторичных источников. Сравняется ситуация в России и других странах. Часть последствий — избыточная смертность от COVID-19, риски потери работы, бизнеса — рассмотрена более подробно. Для подтверждения гендерно-неравных последствий пандемии использованы статистические данные (статистика ООН, материал Федеральной службы государственной статистики, выборочных обследований, базы данных СПАРК, качественные данные), вторичные источники (научные статьи), применены статистические методы, кейсы, экспертные оценки. Показано, что большинство последствий не имеют предопределенного гендерного разрыва. Сделан вывод об относительно слабом на этот момент воздействии кризиса на рост гендерного разрыва в положении женщин и мужчин на рынке труда и в бизнесе и о значительном влиянии на рост объема заботы для женщин в России, что является скорее типовой реакцией на пандемию. Отличительная черта России — превышение избыточной смертности женщин над избыточной мужской смертностью.

Ключевые слова: COVID-19, гендер, последствия, смертность, потеря работы, потеря бизнеса

Для цитирования: Калабихина И. Е. Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 60—76.*

Original article

CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC FROM A GENDER PERSPECTIVE

Irina E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic and associated with it lockdown may have affected women and men differently. The purpose of the study is to describe the system of demographic, social and economic losses from the pandemic, which potentially have a gender perspective. To confirm the gender unequal consequences of the pandemic, statistical data (UN statistics, data from the Federal State Statistics Service, sample surveys, SPARK databases, qualitative data), secondary sources (scientific articles) were used. The article uses statistical methods, cases, expert assessments. Main results: 1) a system of potential demographic, social, economic consequences of the pandemic in terms of gender gaps has been developed; 2) some real gender consequences in the demographic and economic sphere have been identified, of which the most detailed are gender gaps in excess mortality, the risks of losing a business, etc., on the example of Russia and other countries; 3) the hypothesis that most outcomes do not have a predetermined gender gap was proved. In different countries, the population has experienced different depth and design of gender consequences (the state of affairs the day before, institutions and policies are of great importance in any gender issue); 4) some Russian peculiarities in the gender consequences of the pandemic have been identified. It is concluded that the current relatively weak impact of the crisis on the growth of the gender gap in the position of women and men in the labor market and in business and a significant impact on the growth of care for women in Russia. A distinctive feature of Russia is the more significant female excess mortality than male excess mortality.

Key words: COVID-19, gender, consequences, mortality, job loss, business loss

For citation: Kalabikhina, I. E. (2022) Posledstviia pandemii COVID-19 v gendernom rakurse [Consequences of the COVID-19 pandemic from a gender perspective], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—76.

Вступление. Данные и методы

Пандемия коронавируса и связанный с ней локдаун по-разному могли повлиять на женщин и мужчин. Цель исследования — описать систему демографических, социальных и экономических потерь от пандемии, которые потенциально имеют гендерный ракурс.

Для подтверждения гендерно-неравных последствий пандемии использованы статистические данные (статистика ООН, материалы Федеральной службы государственной статистики, выборочных обследований, базы данных СПАРК, качественные данные), вторичные источники (научные статьи).

В статье применены статистические методы, кейсы, экспертные оценки.

Последовательно решаются следующие задачи:

1) разработана система потенциальных демографических, социальных, экономических последствий пандемии с точки зрения гендерных разрывов;

2) выявлены некоторые реальные гендерные последствия в демографической и экономической сфере, в частности гендерные разрывы в избыточной смертности, рисках потери работы, бизнеса на примере России и других стран;

3) проверена гипотеза о том, что большинство последствий не имеют predetermined гендерного разрыва. В разных странах население столкнулось с разной глубиной и дизайном гендерных последствий (состояние дел накануне, институты и политика имеют большое значение в любом гендерном вопросе). Установлены некоторые российские особенности гендерных последствий пандемии.

Как выглядит система демографических, социальных и экономических потерь от пандемии и локдаунов, которые могут быть гендерно не нейтральны

На схеме (рис.) я представила возможные последствия пандемии в гендерном ракурсе.

Возможные демографические, социальные и экономические потери от пандемии (гендерный ракурс)

Первое, о чем следует говорить относительно гендерных последствий пандемии, — это *демографические потери*, т. е. избыточная смертность от COVID-19 и других причин на фоне COVID-19, а также заболеваемость (собственно регистрация случаев болезни, осложнения после болезни, обострение хронических заболеваний). Демографические потери от кризисов и пандемий (избыточная заболеваемость и смертность) обычно различаются в половом и возрастном ракурсе. Напомним, что за этим, как правило, стоит гендерное объяснение (неравенство в ресурсах, поведении, институтах воздействия). Кроме того, есть риск нарушения репродуктивных прав женщин (ухудшения в репродуктивной сфере мы относим к демографическим потерям).

Второй блок *последствий* — *социальный*. Наиболее опасное последствие — это обострение домашнего насилия в условиях длительного совместного пребывания людей в своих жилищах по причине социальной изоляции и карантина, дистанционной занятости и обучения. Я отношу обострение домашнего насилия к социальным последствиям, но очевидно, что демографические потери также могут проявиться в случае потери здоровья или даже жизни пострадавшей(-его). Домашнее насилие — преимущественно женская проблема. Много написано о возросшем домашнем насилии в условиях домашнего карантина и безысходности ситуации для женщин. Объемная подборка данных и литературы по вопросу возросшего уровня домашнего насилия в период пандемии в большом числе стран представлена в энциклопедической коллекции по COVID-19 [Zamba et al., 2022]. В период экономических кризисов насилие растет, особенно в бедных семьях [Peterman et al., 2020]. Новым является то обстоятельство, что женщины вынуждены быть изолированы вместе со своим насильником по причине карантина.

Социальная изоляция и карантин повлияли на ослабление привычных социальных контактов и потерю привычных статусов. Например, изоляция пожилых приводила к остановке действия такого важного института, как помощь бабушек в уходе за детьми, к ослаблению межпоколенческого взаимодействия по линии домохозяйственных семейных контактов. Отдельно проживающие прародители потеряли возможность контакта с детьми и внуками, статус помощников в домашнем хозяйстве. Ослабли и противоположные связи — помощь пожилым людям (чаще это также женщины) со стороны молодых родственников. Финансовая помощь могла сохраняться, но общение снизилось. Родственные связи по уходу в этот период ослабевают или разрываются. Это гендерная проблема хотя бы потому, что среди третьего поколения женщин больше, они чаще были включены в экономику заботы. Также они чаще проживают в домохозяйствах с числом членов 1 человек, т. е. отдельно от родственников. Повседневные контакты в профессиональных сетях могут сохраняться и даже развиваться и в пандемию в дистанционном формате. Здесь сложнее предвидеть гендерные различия без дополнительных исследований.

Снижается агентность (способность делать осознанный и ответственный выбор, выступать как самостоятельный актор) пожилых женщин и мужчин в период пандемии и локдауна. Степень свободы действий и решений в такой ситуации всегда снижается. Люди жертвуют частью свободы ради победы над пандемией. Индивидуальность в значительной мере подчинена общественным интересам. Субъективные права человека ограничиваются, как минимум,

в области передвижений. При этом агентность пожилых людей снижается сильнее. Пандемия привела к усилению дискриминации по возрасту во многих странах. Люди старше 65 лет становятся объектом повышенного внимания, часто это происходит в ущерб их интересам и свободе выбора [Голубев, Сидоренко, 2020]. Дистанцирование мы начинаем с запретов на работу и на перемещение для пожилых. В дорожной карте выхода из пандемического локдауна Министерства культуры России записано (май 2020 г.), что для сотрудников введут возрастной ценз: гардеробщики не смогут работать после 60 лет, а сотрудники залов — после 65 лет¹. Речь идет о «женском» секторе занятости.

Возможные *экономические последствия* составляют большой список: потеря работы, бизнеса, (не)трудовых доходов и сбережений, рост объемов неоплачиваемого труда, дефицита жизненного пространства, сокращение доступа к медицинским и социальным услугам, рост потерь от дефицита цифровизации.

Демографические потери от пандемии в гендерном ракурсе

Первые волны пандемии показали, что мужчины имеют более высокую вероятность умереть от COVID-19. Заболеваемость в основном не отличается в аспекте пола при прочих равных условиях, но женщины чаще заболели по профессиональным причинам вследствие феминизации систем здравоохранения [Kalabikhina, 2020]. Составляя 70—80 % рабочей силы в системах здравоохранения и социальной поддержки, женщины оказались на передовой линии борьбы с коронавирусом. Это сохраняло им работу и зарплату, однако создавало риск угрозы здоровью от повышенной опасности заболеть, от переутомления. Вертикальная сегрегация в сфере здравоохранения усиливала риски для женщин, поскольку в такой системе непосредственно с пациентом работали чаще они. По данным Global Health 50/50 [Global Health 50/50, 2022] я рассчитала средневзвешенный по числу смертей показатель смертности от COVID-19 для разных стран, предоставивших дифференцированную по полу статистику смертности и заболеваемости в период первых волн пандемии. Уровень смертности у мужчин был в среднем в 1,8 раза выше, чем у женщин, однако превышение доли женщин среди заболевших медицинских работников фиксировалось в большинстве стран. В 2022 г. мужчины сохраняют «приоритет» в смертности от COVID-19, у них тяжелее протекает болезнь. На каждые 10 случаев у женщин в среднем в мире мы имеем следующее число случаев у мужчин: 13 смертей, 12 госпитализаций, 17 ИВЛ, 10 заболеваний, 15 заболеваний, приведших к смерти (при почти равном числе тестов (8) и вакцинаций (10)).

Страновые оценки потерь в ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ₀) также подтверждают вывод о больших потерях среди мужского населения. Например, анализ потерь для 29 стран с хорошей статистикой показывает, что мужчины чаще и больше проигрывают в этой истории. Сокращение ОПЖ₀ не меньше чем на год в 2020 г. зафиксировано у мужчин в 11 странах из 29, у женщин — в 8. Самые большие потери — у мужчин в США (на 2,2 года) и в Литве (на 1,7 года) [Aburto et al., 2022: 63]. По данным Евростата

¹ Минкульт рассказал, как будут работать музеи и театры в условиях пандемии // Известия. 2020. 22 мая.

[Eurostat, 2022], в 2020 и/или 2021 г. потери в продолжительности жизни были больше преимущественно у мужчин (по странам, где есть данные и есть потери) — 19 стран из 35. При этом разница (в пользу мужчин или в пользу женщин) в подавляющем большинстве случаев не превышала 0,1—0,3 года.

По данным Росстата-2022, ОПЖ₀ с рекордных 78,17 года для женщин и 68,24 года для мужчин в 2019 г. снизилась соответственно до 74,51 и 65,51 года в 2021 г. Женщины потеряли 3,66 года за 2 года пандемии, мужчины — 2,73 года. Отличие между полами — почти год жизни. Это много для ОПЖ₀ в такой короткий срок. Отметим, что в 2020 г. отличия не наблюдались, разрыв стал заметен в 2021 г.

Напомним, что при оценке потерь ОПЖ₀ я не выделяю смертность от COVID-19, здесь идет оценка потерь от всех смертей. Однако предполагается, что в годы пандемии подавляющая доля избыточных смертей связана с коронавирусом (во время пандемии в ряде стран фиксировали снижение смертности от других причин, а в случае роста смертности от остальных причин их вклад был 10—30 % [Aburto et al., 2022]).

В начале пандемии (27 мая 2020 г.) я анализировала гендерные особенности смертности медицинского персонала по «Списку памяти» [Список... , 2020], который ведут сами медики. Согласно этим данным (они достаточно специфические: не репрезентативные, самозапись, мой анализ относится к первой волне пандемии, охват 63 региона), в России в медицинской отрасли не наблюдалось гендерного неравенства в смертности (за исключением отдельных регионов — Санкт-Петербург и Дагестан). Доля погибших от COVID-19 женщин среди умерших от ковида медиков составила 56 % в среднем (согласно этому «Списку», врачи и младший персонал имели равные шансы умереть).

Риск нарушения репродуктивных прав женщин в пандемию возникает потому, что все силы систем здравоохранения брошены на борьбу с вирусом; перераспределение врачей, клиник, оборудования, денег, нарушение логистических цепочек в предоставлении услуг приводят к ограничению репродуктивных услуг для женщин. Добавим сюда ограничения на передвижение и изоляцию, недостаток информации о получении медицинской услуги в новых условиях. По оценке Международной организации планирования семьи, в 2020 г. до 2,7 млн абортот могли быть сделаны без соответствующих условий безопасности по причине пандемии [Wenham et al., 2020: 196—197]. На территории Европы эффекты в отношении доступа к абортот сильно различались: некоторые страны предприняли усилия для облегчения доступа к абортот во время пандемии за счет внедрения или расширения использования телемедицины и раннего медикаментозного аборта, другие пытались еще больше ограничить его возможность. Ситуация также была разной в странах, где правительства не меняли политику или протоколы [Voјović et al., 2021]. Прямое ограничение доступа к абортот было связано с закрытием более 5633 стационарных и мобильных клиник, а также пунктов оказания медицинской помощи по месту жительства в 64 странах из-за ограничений, связанных с COVID-19 [International Planned Parenthood Federation European Network, 2020]. Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения в 2020 г. выразил обеспокоенность в связи с глобальным всплеском — до 7 млн — нежелательных беременностей из-за карантина

и отсутствия доступа к противозачаточным средствам [UNFPA, 2020]. В странах, где были предпосылки для изменений в сторону ограничения аборт (например, Польша, США), сразу возникли идеи или политические решения об ограничении прав женщин на аборт под видом приоритетов ресурсов для борьбы с COVID-19.

Экономические потери от пандемии и локдаунов: есть ли гендерные отличия

Посмотрим на рынок труда, который кардинальным образом влияет на положение женщин.

Если мы заглянем в историю, то встретим примеры, когда женщин использовали как трудовой резерв в период кризисов и спрос на женский труд рос. Потери мужчин в войнах и революциях в Советском Союзе в период индустриализации страны в 1920—1940-х гг. повлияли на рост женской занятости. Вторая мировая война привела к увеличению женской занятости и в Европе [Acemoglu et al., 2004]. Позже в странах Юго-Восточной Азии экспортно-ориентированную экономику построили с использованием женского труда.

Являясь резервом рабочей силы, женщины могут первыми страдать в кризис, который требует не экстенсивного расширения, а сокращения людских ресурсов. Тогда женская безработица может быть выше или зарплата женщин могут падать резче, если рынок труда реагирует не ростом безработицы, а падением реальной заработной платы, как в России. Первые замеры последствий кризиса в этом ключе таковы: преобладание в марте 2020 г. женщин среди безработных в США [Alon et al., 2020], мужчин — среди безработных в России (оперативные данные Росстата-2020).

Главная драма разыгрывалась в период текущей пандемии не в экономике в целом, а в отдельных отраслях и сферах занятости. Кризис ударил прежде всего по малому и среднему бизнесу, по контактному сектору услуг в крупных городах, т. е. услуг, которые требуют непосредственных физических контактов с клиентом или связаны со скоплением большого числа людей. К таковым относятся почти все медицинские услуги, услуги по уходу за нуждающимися, услуги индустрии красоты и ухода за телом, отрасли гостеприимства, офлайн-торговли, спортивные и культурные мероприятия.

Природа кризиса в сочетании с существующей профессиональной сегрегацией на рынке труда существенно влияет на гендерные последствия кризиса. Например, финансовый кризис 2008—2009 гг. в США повлиял на занятость мужчин более серьезно, чем на занятость женщин [ibid.].

Предполагая, что сохранение занятости в пандемию будет зависеть в том числе от возможности перевести свое рабочее место в дистанционный режим, я оценила потенциал дистанционности для «женских» и «мужских» рабочих мест, выполнив статистический анализ профессиональной и отраслевой структуры «женских» и «мужских» профессий и видов деятельности, степени вовлеченности женщин и мужчин в дистанционную занятость накануне и во время пандемии.

Я использовала 4 подхода для оценки степени готовности женщин и мужчин в России накануне пандемии сохранить свои рабочие места в условиях роста дистанционной занятости и падения занятости в секторе контактных услуг.

Первый подход связан с экспертной оценкой перспектив цифровизации рабочих мест (возможности дистанционной занятости, автоматизации, применения облачных технологий, искусственного интеллекта и пр.). На основе анализа данных Росстата-2018 о гендерном распределении работников интеллектуальных и рабочих профессий в России и «Атласа новых профессий 3.0» [Атлас... , 2021] посредством экспертного метода сделан вывод о плохой структуре профессий у женщин в разрезе перспектив цифровизации рабочих мест в ближайшем будущем. Доля устаревающих «женских» профессий, которые не имеют перспектив цифровизации, 53—56 %, «мужских» — 22—27 %. Низкий уровень оплаты труда в феминизированных отраслях не способствует техническому прогрессу и инвестициям в цифровизацию этих отраслей. Такое положение дел говорит о затруднительных перспективах в улучшении положения женщин и после пандемии, в долгосрочном периоде.

Однако если рассматривать только дистанционную занятость как элемент цифровизации рабочего места, то дело обстоит гораздо лучше. *Второй подход* связан с оценкой реального распространения дистанционной работы накануне пандемии. С помощью данных выборочного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ (волны 2014 и 2018 гг.) было подсчитано, что в России женщины чаще работали дистанционно, чем мужчины, эта тенденция в последние годы усиливалась. В 2014 г. 4,6 % мужчин и 10,3 % женщин работали удаленно, в 2018 г. — 4,7 и 15,1 % соответственно. Это наверняка позволило женщинам легче адаптироваться к текущему кризису в краткосрочном периоде.

Третий подход связан с оценкой потенциального распространения дистанционной работы и распространенности среди женщин и мужчин рабочих мест в так называемом секторе неконтактных услуг и здравоохранении, где невысок риск роста безработицы. Используя данные Росстата-2019, я установила, что в таких перспективных отраслях работает около 44 % женщин и около 19 % мужчин, при этом более 13 % женщин и менее 1 % мужчин заняты в сфере контактных услуг, которые подвержены влиянию кризиса. В секторе услуг работает 2/3 занятых, среди мужчин таких менее 50 %, среди женщин более 80 %. Индустриальный и строительный секторы, где преобладают мужчины, сильно зависят от государственных программ, поэтому страдают меньше. Сельскохозяйственный сектор сейчас активно субсидируется государством (маленькая доля занятых и равное присутствие женщин и мужчин). Кумулятивный эффект необходимо оценивать исходя из более точных данных относительно итогов кризиса и использования дистанционного потенциала, но предварительные оценки не обнаруживали серьезных проблем у женщин с точки зрения структуры их наемной занятости. На основе применения схожей методики был сделан вывод американских исследователей [Alon et al., 2020]: сейчас мужчины быстрее заполняют нишу дистанционной занятости, но с поправкой на максимальный рост дистанционных возможностей после пандемии будут выигрывать женщины.

Четвертый подход связан с проведением автором пилотного дистанционного опроса российских женщин в конце мая 2020 г. (около 1400 респонденток, случайная выборка среди клиентов сервисов Яндексa). 42 % женщин ответили, что в период карантина работают удаленно, при этом треть женщин хотя бы эпизодически работали удаленно и до карантина и еще треть оценили свое

рабочее место как перспективное с точки зрения удаленной работы. Только 19 % партнеров опрошиваемых женщин перешли на удаленную работу в период карантина. В связи с локдауном были уволены 2 % опрошенных женщин и 7 % партнеров опрошенных женщин.

В неформальном секторе, который оказался вне поддержки государства, занято 44 % женщин и 56 % мужчин (Росстат-2020). Однако гендерная структура занятости в неформальном секторе повторяет структуру занятости в формальном секторе: большинство женщин в секторе услуг, в том числе в секторе контактных услуг и отраслей, пострадавших от коронавируса.

Таким образом, в краткосрочном периоде женщины уже имеют более высокий уровень дистанционной занятости, быстрее расширяют дистанционные возможности в пандемию. Долгосрочный взгляд свидетельствует об устаревшей структуре «женских» профессий со слабым потенциалом цифровизации, с одной стороны, и об относительно неплохой отраслевой структуре занятости женщин с точки зрения развития дистанционной занятости — с другой.

Поскольку дистанционная форма занятости не единственный фактор сохранения занятости в пандемию, обратимся к эконометрическим оценкам факторов потери работы и дохода в пандемию в России. По предварительным подсчетам оказалось, что женщины не должны войти в группу риска в пандемию [Kartseva, Kuznetsova, 2020]. Между тем по реальным данным женщины вошли в список уязвимых групп с точки зрения потери занятости (доход теряли только работники пострадавших отраслей)².

Общий вывод таков: женщины опережают мужчин в переходе на дистанционные формы занятости, хотя при учете большего числа факторов женщины входят в группу риска потерь занятости. Правда, для России этот вопрос не очень важен, ибо модель реакции российского рынка труда на кризис не изменилась: безработица не растет, доходы работников падают [Капелюшников, 2022].

Посмотрим на гендерное распределение потерь бизнеса в России в период пандемии. По данным базы СПАРК (табл.), женщины в начале 2020 г. возглавляли около трети предприятий, в том числе находящихся в частной собственности. Женщины преобладали только среди руководителей предприятий муниципальной собственности и собственности профессиональных союзов. Средний возраст компаний, возглавляемых женщинами, ощутимо выше только в муниципальном секторе.

Исходя из данных СПАРК я установила также, в какой степени пол главы компании связан с ликвидацией бизнеса в России в допандемические и карантинные месяцы в период первой волны. Доля ликвидированных компаний, возглавляемых женщинами, остается стабильной и в «обычное» время, и во время пандемии и действующего локдауна — 27—30 %. В частности, в апреле 2020 г. — 30 %, в мае — 28 %; по частным компаниям — 31 и 29 % соответственно. По сравнению с допандемическим периодом наблюдается небольшой рост (на 1—2 %) доли женщин-руководителей, чьи предприятия ликвидируются в кризис первой волны.

² *Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. Short-term effects of the COVID-19 pandemic on employment and income in Russia: which groups of the population have been hit hardest? // Population and Economics. 2022. Vol. 6, iss. 4. (В печати).*

**Распределение по полу руководителей действующих предприятий
и средний возраст компаний, возглавляемых женщинами и мужчинами
(разные формы собственности). Россия, 23 мая 2020 г.**

Предприятие	Пол руководителя		Средний возраст компаний, лет	
	Мужчина, %	Женщина, %	Руководитель мужчина	Руководитель женщина
Выборка из действующих компаний	67,95	29,57	14,16	13,75
В том числе:				
в частной собственности	68,52	29,75	12,92	12,55
в муниципальной собственности	31,91	65,96	15,70	19,66
в собственности субъектов Российской Федерации	63,64	36,36	18,71	17,81
в собственности профессиональных союзов	23,53	64,71	23,00	22,23

Рассчитано автором с помощью базы данных СПАРК (выгрузка 5 тыс. предприятий).

Примечание. Пол определялся по имени и фамилии руководителя, у 2,48 % собственников предприятий пол не определен.

По данным базы СПАРК, выгруженным весной 2022 г. (пандемия длится 2 года, прошло несколько волн), также не выявлено гендерной асимметрии в бизнесе, возглавляемом женщинами или мужчинами, в аспекте ликвидации бизнеса, доли недействующих компаний или доли компаний с высоким риском (выгрузка 10 тыс. предприятий РФ 30.04.2022 г.). Женщины возглавляют треть предприятий как в общем списке, так и в списке ликвидированных компаний. Среди компаний, возглавляемых женщинами, зарегистрированных в 2000—2022 гг., 37 % недействующих компаний, а зарегистрированных мужчинами — 39 %. Среди компаний РФ, возглавляемых женщинами, 44 % с высоким риском. У мужчин этот показатель составил 47 %³.

Отдельно для Москвы выгрузка показала меньший уровень участия женщин в бизнесе — 26 %. Но доля ликвидированных, недействующих компаний и компаний в состоянии банкротства была сопоставимой с этой долей по РФ — 25 % (выгрузка 10 тыс. предприятий Москвы 30.04.2022 г.).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в отношении потерь бизнеса пандемия не создала гендерного неравенства в России. Этот вывод, как и вывод о других экономических потерях, не подтверждался в бедных странах, в уязвимых группах (например, в отношении мигрантов) [Kabeer et al., 2021]. Разнообразие реакции рынка труда на пандемию в гендерном разрезе в различных

³ Сводный индикатор риска СПАРК — совокупная оценка надежности компании, рассчитываемая на основании публично доступной информации о деятельности юридического лица. Он включает индекс должной осмотрительности (ИДО) — скоринг, показывающий вероятность того, что компания является фирмой-однодневкой; индекс финансового риска (ИФР) — оценка вероятности неплатежеспособности компании; индекс платежной дисциплины (ИПД) — показатель, учитывающий своевременность оплаты компаний счетов (URL: <https://spark-interfax.ru/features/indexes>).

странах подтверждает гипотезу о непредсказуемости влияния пандемии на гендерные последствия. Например, в Чили, Израиле, Эстонии, Молдове, Чехии, Ямайке острее стала ситуация с ростом мужской безработицы, во Вьетнаме, Германии, Румынии, Ирландии — женской, в США, Канаде, Бельгии, Италии — не было гендерных особенностей в этом аспекте [UNCTAD, 2021].

Что добавила пандемия к гендерному неравенству? В каких экономических вопросах ситуация ухудшилась: потери женщин больше потерь мужчин?

Как я отмечала, новым является разделение сферы услуг на контактную и бесконтактную, поскольку сильный удар пришелся преимущественно по контактному сектору в малом и среднем бизнесе в крупных городах. Возможно, с этим связан результат, основанный на реальных данных, который мы приводили выше: женщины принадлежат к группе риска потери занятости. Крупные предприятия промышленности, в отличие от малых и средних предприятий контактных услуг (парикмахерские, косметические салоны, фитнес-клубы, кафе, салоны связи, офлайн-торговля и пр.), имели меньше рисков закрываться, простаивать. Вероятно, и распространение вируса в относительно замкнутых коллективах легче регулировать.

Далее. Мы вернулись на несколько десятилетий назад в отношении объемов домашнего труда, которые легли на плечи женщин в период пандемии: закрыты школы и детские сады, возрос объем заботы о больных и пожилых. На домашнем карантине и в самоизоляции находились целые семьи. Все это напоминает эру крестьянских хозяйств, когда работа и дом были на одной территории, большая часть домашней работы по уходу за детьми и пожилыми, которые всегда рядом, была на женщинах. Но только это происходит сейчас преимущественно в городской среде. Временный обратный гендерный переход свершился на наших глазах. Это явление наблюдалось во всех странах. В России большую роль в снижении нагрузки по уходу за детьми для молодых женщин играли бабушки [Калабихина, Шайкенова, 2018]. Но и этот институт «закрывался» в период локдаунов, поскольку пожилым было предписано сидеть дома и избегать контактов с внуками.

Согласно данным нашего пилотного дистанционного опроса российских женщин в конце мая 2020 г., готовка, уборка и забота о детях (по убывающей) стали занимать существенно больше времени. Только для трети женщин ничего не изменилось. Примерно 60 % партнеров не увеличили свой вклад в домашнюю работу даже в это время. 40 % — стали активнее участвовать в воспитании детей и/или в покупке товаров. Остальные виды деятельности по ведению домашнего хозяйства преимущественно остались на женщинах при увеличении объемов времени на них. Даже в тех случаях, когда мужчины помогали, они выполняли роль помощников женщин, не принимая на себя полную ответственность [Калабихина, Ребрей, 2020]. Во второй декаде ноября 2020 г. во время второй волны опрос был повторен, результаты оказались схожи (объединенная выборка составила 2796 женщин).

Особенной новизной стало цифровое преимущество не только для конкуренции на рынке труда, но и для выживания, сохранения здоровья. Например, в России женщины реже используют онлайн-банкинг, особенно пожилые, работающие в неформальном секторе, живущие в отдаленных поселениях, имеющие

небольшой доход [Kalabikhina, 2020]. Получается, что женщины имеют меньший доступ к инструментам жизнеобеспечения в текущем кризисе.

Тотальная цифровизация образования может ухудшить позиции девочек по причине их традиционной объективации, которая заставляет девочек много времени уделять своему внешнему виду, или по причине «вторичности» образования для девушек по сравнению с юношами. Обратимся к кейсу, который был зафиксирован в Москве (!). При проведении дистанционного экзамена по курсу (более 80 слушателей) почти треть студентов отказались включать экраны, сославшись на отсутствие камер у компьютера. Анкетирование выявило, что большинство таких студентов — девушки. Частные беседы прояснили причины отказа включить камеру. Единичные случаи были связаны с реальным отсутствием камеры или «непричесанным» внешним видом, но большинство девушек свидетельствовали, что родители запретили им включать камеру, чтобы не показывать обстановку дома, не создавать дискомфорт для членов домохозяйства. У юношей таких проблем не выявлено (кейс был рассказан на семинаре по цифровой экономике на экономическом факультете МГУ 6 мая 2020 г. доцентом кафедры экономики МИСиС И. Ефрашкиным).

Выводы и дискуссия

Основной вывод по демографическим потерям в гендерном ракурсе — констатация неравенства перед феноменом избыточной смертности (реже — заболеваемости). Избыточная смертность в среднем выше у мужчин в большинстве стран, так же как и более тяжелое протекание заболевания в среднем. Однако есть редкие исключения, которые еще предстоит изучить: в России избыточная смертность у женщин значительно выше, чем у мужчин.

Заболеваемость и смертность медиков — особый вопрос в пандемию в связи с горизонтальной сегрегацией отрасли (преобладание женщин) и вертикальной сегрегацией (преобладание женщин на уровне младшего медицинского персонала). Однако однозначного ответа по поводу гендерной асимметрии потерь пока нет.

Ограничение доступа к абортам — не универсальная проблема, ситуация зависит от политики и институтов в стране.

Социальные потери кажутся в большей степени универсальными: рост домашнего насилия, ослабление социальных связей и контактов, замораживание статусов, снижение агентности. Все это касается особенно женщин и пожилых женщин.

Экономические потери менее предсказуемы. В России в отношении потерь бизнеса пандемия не создала гендерного неравенства; на рынке труда женщины входят в группу риска потерь занятости; при этом женщины опережают мужчин в переходе на дистанционные формы занятости в краткосрочном периоде. В США, например, дистанционный переход для женщин видится в долгосрочном аспекте, а риски безработицы не имели в среднем гендерной истории.

Представляется, что реальное положение дел в отношении гендерных разрывов в негативных последствиях пандемии зависит от состояния неравенства накануне пандемии и от политики и институтов, заработавших во время пандемии.

Положение женщин и мужчин накануне кризиса всегда влияет на потенциальные и реальные потери во время кризиса. Список вопросов в области гендерного неравенства широк: горизонтальная и вертикальная профессиональная сегрегация; разрыв в оплате труда; слабое участие во владении и управлении бизнесом; разрыв в сбережениях; преобладание женщин в экономике заботы, в производстве неоплачиваемого труда; разрыв в имуществе, в доступе к земле, к активам; домашнее насилие; затрудненный доступ к охране репродуктивного здоровья; слабое участие женщин в политике; барьеры в получении образования, связанные с гендерными стереотипами. Все эти исходные обстоятельства не могут не сказаться на различиях в положении женщин и мужчин в период пандемии и экономического кризиса.

В странах с чувствительным уровнем неравенства социальные группы, которые имели худшие условия накануне пандемии, входят в кризис менее здоровыми, с более высокими рисками потери доходов и работы [Nassif-Pires et al., 2020]. Дистанцирование и карантин также гораздо легче переносятся людьми, если у них есть просторное жилье, автомобиль для передвижений, работа, которая может позволить дистанционную занятость (как правило, это интеллектуальная работа), деньги на закупки товаров в кризис, сбережения для переживания перерывов в работе, если они случатся.

В России существует целый комплекс устойчивых гендерных проблем: вертикальная и горизонтальная профессиональная сегрегация, значительно больший вклад женщин в неоплачиваемый труд, гендерный разрыв в оплате труда в пользу мужчин и в продолжительности жизни в пользу женщин, домашнее насилие, слабое участие женщин в политике, отставание женщин во владении и управлении бизнесом [Gender issues... , 2012; Калабихина, Шайкенова, 2018], у женщин меньше сбережений и более ограниченный доступ к электронным услугам [Kalabikhina, 2020].

Кризис всегда сильнее бьет по социальным группам, имеющим худшие условия накануне кризиса. Пандемия, кроме того, добавила специфические риски в гендерный вопрос: сильный удар пришелся преимущественно по контактными услугам в малом и среднем бизнесе в крупных городах; кризис вызвал резкий спрос на неоплачиваемый труд и ставший опасным и тяжелым труд в системе здравоохранения, перераспределение ресурсов здравоохранения, в том числе в репродуктивном секторе, позволив спекулировать на теме аборт, усилил эйджизм, обострил цифровые преимущества во всех сферах.

Положение женщин в России ухудшилось по причине роста объемов экономики заботы и роста ответственности, большей включенности в борьбу с пандемией, меньшего доступа к электронным услугам. Новый феномен — более высокая избыточная смертность женщин в период пандемии.

Гипотеза о том, что большинство последствий не имеют predetermined гендерного разрыва, на мой взгляд, подтверждена. В разных странах население столкнулось с разной глубиной и дизайном гендерных последствий (состояние дел накануне, институты и политика имеют большое значение в любом гендерном вопросе). В качестве источника дополнительной информации о разнообразии последствий пандемии в гендерном ракурсе приведу спецвыпуск

журнала «Feminist Economics» — «A Special Issue on Feminist Economic Perspectives on the COVID-19 Pandemic» (2021, vol. 27, iss. 1—2).

Есть ли позитивные гендерные последствия коронавируса? На мой взгляд, потенциал существует в отношении роста гендерного равенства. Пандемия показала важность сферы здравоохранения и отрасли заботы, будем надеяться, что при лоббировании интересов медиков в этой сфере увеличат инвестиции и зарплаты. Опыт совместного ведения домашней работы в условиях домашнего карантина может сделать мужской труд дома более привычным, разрушая стереотипы. Соединение на одной территории дома и работы имеет и свои плюсы. Частично практика дистанционной занятости останется после пандемии, которая ускорила эти тенденции, что принесет гибкость в распоряжении временем нуждающимся в этом социальным группам с дефицитом времени (в первую очередь женщины с детьми).

Пандемия, ее негативное влияние и обратные гендерные переходы в распределении времени закончатся в обозримом будущем. А генеральные тренды модернизации, включая рост гендерного равенства, продолжатся. И прежде всего за счет ускорения цифровизации общества под давлением пандемии.

Список источников

- Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.
- Голубев А. Г., Сидоренко А. В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33, № 2. С. 397—408.
- Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65—77.
- Калабихина И., Шайкенова Ж. Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 36—65.
- Капелюшников Р. И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 33—68.
- Список памяти. 2020. URL: https://sites.google.com/view/covid-memory/home?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 27.05.2020).
- Aburto J. M., Schöley J., Kashnitsky I., Zhang L., Rahal C., Missov T. I., Mills M. C., Dowd J. B., Kashyap R. Quantifying impacts of the COVID-19 pandemic through life-expectancy losses: a population-level study of 29 countries // International Journal of Epidemiology. 2022. Vol. 51, iss. 1. P. 63—74.
- Acemoglu D., Autor D. H., Lyle D. Women, war, and wages: the effect of female labor supply on the wage structure at midcentury // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112, iss. 3. P. 497—551.
- Alon T. V., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. The Impact of COVID-19 on Gender Equality / NBER. 2020. April. Working Paper № 26 947. URL: <https://www.nber.org/papers/w26947> (дата обращения: 25.07.2022).
- Bojovic N., Stanisljevic J., Giunti G. The impact of COVID-19 on abortion access: insights from the European Union and the United Kingdom // Health Policy. 2021. Vol. 125, iss. 7. P. 841—858.

- Eurostat. 2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_MLEXPEC__custom_639270/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2f26f931-4df1-499a-a8eb-3dbf1125a63a (дата обращения: 25.07.2022).
- Gender issues in Russia: an overview of 2004—2012 nationwide publications / ed. by I. Kalabikhina. 2012. URL: <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1800&p=attachment> (дата обращения: 25.07.2020).
- Global Health 50/50 (2020—2022). COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker. Sex, Gender and COVID-19. URL: <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/> (дата обращения: 25.07.2022).
- International Planned Parenthood Federation European Network. Sexual and Reproductive Health and Rights during the COVID-19 Pandemic. 2020. URL: https://www.epfweb.org/sites/default/files/2020-05/epf_-_ipff_en_joint_report_sexual_and_reproductive_health_during_the_covid-19_pandemic_23.04.2020.pdf (дата обращения: 25.07.2022).
- Kabeer N., Razavi S., Meulen Rodgers Y. van der. Feminist economic perspectives on the COVID-19 pandemic // *Feminist Economics*. 2021. April 3.
- Kalabikhina I. E. Demographic and social issues of the pandemic // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 103—122.
- Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? // *Population and Economics*. 2020. Vol. 4, iss. 2. P. 26—33.
- Nassif-Pires L., de Lima Xavier L., Masterson T., Nikiforos M., Rios-Avila F. Pandemic of inequality // *The Public Policy. Brief Ser.* / The Levy Economics Institute of Bard College. 2020. № 149. P. 3—14.
- Peterman A., Potts A., O'Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., van Gelder N. Pandemics and Violence Against Women and Children / Center for Global Development. Washington (DC), 2020. Working Paper № 528. URL: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (дата обращения: 27.03.2022).
- UNCTAD. Gender and Unemployment: Lessons from the COVID-19 Pandemic. 8 April 2021. URL: <https://unctad.org/news/gender-and-unemployment-lessons-covid-19-pandemic> (дата обращения: 20.03.2022).
- UNFPA. Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic UNFPA Global Response Plan 2020. URL: <https://www.unfpa.org/resources/coronavirus-disease-covid-19-pandemic-unfpa-global-response-plan> (дата обращения: 27.03.2022).
- Wenham C., Smith J., Davies S. E., Feng H., Grépin K. A., Harman S., et al. Women are most affected by pandemics — lessons from past outbreaks // *Nature*. 2020. Vol. 583, № 7815. P. 194—198.
- Zamba C., Mousoulidou M., Christodoulou A. Domestic violence against women and COVID-19 // *Encyclopedia*. 2022. № 2. P. 441—456.

References

- Aburto, J. M., Schöley, J., Kashnitsky, I., Zhang, L., Rahal, C., Missov, T. I., Mills, M. C., Dowd, J. B., Kashyap, R. (2022) Quantifying impacts of the COVID-19 pandemic through life-expectancy losses: a population-level study of 29 countries, *International Journal of Epidemiology*, vol. 51, iss. 1, pp. 63—74.
- Acemoglu, D., Autor, D. H., Lyle, D. (2004) Women, war, and wages: the effect of female labor supply on the wage structure at midcentury, *Journal of Political Economy*, vol. 112, iss. 3, pp. 497—551.

- Alon, T. V., Doepke, M., Olmstead-Rumsey, J., Tertilt, M. (2020) *The Impact of COVID-19 on Gender Equality*, NBER, April, Working Paper no. 26 947, available from <https://www.nber.org/papers/w26947> (accessed 25.07.2022).
- Bojovic, N., Stanisljevic, J., Giunti, G. (2021) The impact of COVID-19 on abortion access: insights from the European Union and the United Kingdom, *Health Policy*, vol. 125, iss. 7, pp. 841—858.
- Eurostat, 2022 (2022), available from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_MLEXPEC_custom_639270/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=2f26f931-4df1-499a-a8eb-3dbf1125a63a (accessed 25.07.2022).
- Global Health 50/50 (2020—2022). *COVID-19 Sex-Disaggregated Data Tracker. Sex, Gender and COVID-19* (2022), available from <https://globalhealth5050.org/the-sex-gender-and-covid-19-project/> (accessed 25.07.2022).
- Golubev, A. G., Sidorenko, A. V. (2020) Teoriia i praktika stareniiia v usloviakh pandemii COVID-19 [Theory and practice of aging in the context of the COVID-19 pandemic], *Uspekhi gerontologii*, vol. 33, no. 2, pp. 397—408.
- International Planned Parenthood Federation European Network. *Sexual and Reproductive Health and Rights During the COVID-19 Pandemic, 2020* (2020), available from https://www.epfweb.org/sites/default/files/2020-05/epf_-_ipff_en_joint_report_sexual_and_reproductive_health_during_the_covid-19_pandemic_23.04.2020.pdf (accessed 25.07.2022).
- Kabeer, N., Razavi, S., van der Meulen Rodgers, Y. (2021) Feminist Economic Perspectives on the COVID-19 Pandemic, *Feminist Economics*, April 3.
- Kalabikhina, I. (ed.) (2012) *Gender Issues in Russia: An Overview of 2004—2012 Nationwide Publications*, available from <https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1800&p=attachment> (accessed 25.07.2020).
- Kalabikhina, I. E. (2020) Demographic and social issues of the pandemic, *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 103—122.
- Kalabikhina, I., Shaikenova, Zh. (2018) Otsenka transfertov vremeni vnutri domokhoziaistv [Estimation of time transfers within households], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 5, iss. 4, pp. 36—65.
- Kalabikhina, I. E., Rebrei, S. M. (2020) Domashnii trud vo vremia pandemii: opyt Rossii [Domestic work during a pandemic: Russia's experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 65—77.
- Kapeliushnikov, R. I. (2022) Anatomiiia koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [Anatomy of the coronacrisis through the prism of the labor market], *Voprosy ekonomiki*, pp. 33—68.
- Kartseva, M. A., Kuznetsova, P. O. (2020) The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? *Population and Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 26—33.
- Nassif-Pires, L., de Lima Xavier, L., Masterson, T., Nikiforos, M., Rios-Avila, F. (2020) Pandemic of inequality, *The Public Policy*, brief series, The Levy Economics Institute of Bard College, no. 149, pp. 3—14.
- Peterman, A., Potts, A., O'Donnell, M., Thompson, K., Shah, N., Oertelt-Prigione, S., van Gelder, N. (2020) *Pandemics and Violence Against Women and Children*, Center for Global Development, Washington, DC, Working Paper no. 528, available from <https://www.cgdev.org/sites/default/files/pandemics-and-violence-against-women-and-girls.pdf> (accessed 27.03.2022).
- Spisok pamiati (2020) [Memory list], available from https://sites.google.com/view/covid-memory/home?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Ffyandex.ru%2Fnews (accessed 27.05.2020).

- UNCTAD. *Gender and Unemployment: Lessons from the COVID-19 Pandemic*, 8 April 2021 (2021), available from <https://unctad.org/news/gender-and-unemployment-lessons-covid-19-pandemic> (accessed 20.03.2022).
- UNFPA. *Coronavirus Disease (COVID-19) Pandemic UNFPA Global Response Plan, 2020* (2020), available from <https://www.unfpa.org/resources/coronavirus-disease-covid-19-pandemic-unfpa-global-response-plan> (accessed 27.03.2022).
- Varlamova, D., Sudakov, D. (eds) (2021) *Atlas novykh professii 3.0* [Atlas of new professions 3.0], Moscow: Al'pina PRO.
- Wenham, C., Smith, J., Davies, S. E., Feng, H., Grépin, K. A., Harman, S., et al. (2020) Women are most affected by pandemics — lessons from past outbreaks, *Nature*, vol. 583, no. 7815, pp. 194—198.
- Zamba, C., Mousoulidou, M., Christodoulou, A. (2022) Domestic violence against women and COVID-19, *Encyclopedia*, no. 2, pp. 441—456.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 31.07.2022.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 30.07.2022; accepted for publication 31.07.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 77–89.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 77–89.

Научная статья

УДК 316:61

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.5

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Марина Юрьевна Милованова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация, m_milovanova@mail.ru

Аннотация. Нарастающее территориально-региональное неравенство, сокращение населения России и гендерный дисбаланс выступают как определяющая среда для социальных настроений сельских жителей. В условиях пандемии COVID-19 неконтролируемые информационные потоки, их всеохватность и конструирование медиа выступали катализатором изменения социальных настроений, фиксируемых как новые страхи, стресс, депрессия. Поставленная автором гипотеза о шоковом периоде 2020 г., видоизменившем социальные взаимодействия и повседневные практики в первую очередь жителей крупных городов, а не сельских жителей, нашла подтверждение. Для оценки состояния социального настроения сельских жителей эмпирической базой стали данные социологических исследований Евробарометра и ВЦИОМ, их методика индексов социальных настроений как интегрального показателя, актуальные правовые и статистические источники. Осуществлен гендерный анализ данных, полученных в ходе реализации проекта РНФ «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». Делается вывод о качественных характеристиках социального настроения, проявлениями которого выступают рост уровня неудовлетворенности жизнью, более радикальные общественно-политические оценки сельских жителей, их недостаточная «подушка безопасности», эмоциональная тревожность и хрупкость личного и семейного будущего как возможного сценария развития событий. В части социальной защищенности выявлена гендерная специфика, свидетельствующая о большей степени прекаризованности мужчин в сельской местности, чем женщин, и закономерная более высокая степень социального оптимизма у женщин, чем у мужчин.

Ключевые слова: социология жизни, социальное настроение, пандемия COVID-19, гендер, сельские территории, устойчивое развитие, социальное взаимодействие

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

Для цитирования: Милованова М. Ю. Социальное настроение сельских жителей в условиях пандемии COVID-19: гендерные аспекты // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 3. С. 77—89.

Original article

SOCIAL MOOD OF RURAL RESIDENTS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC: GENDER ASPECTS

Marina Yu. Milovanova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, m_milovanova@mail.ru

Abstract. The growing territorial and regional inequality, depopulation of Russia and the gender imbalance are defined in the article as an environment for social sentiment in rural areas. In the context of the COVID-19 pandemic, uncontrolled information flows, its inclusivity and media construction acted as a catalyst for changing social sentiment, taking the form of new fears, stress, and depression. The author's hypothesis about the shock period of 2020, which modified social interactions and everyday practices of not rural people but big-city residents first of all, was confirmed and laid out in the content of the article. Sociological studies of the Eurobarometer and VCIOM, their methods of social sentiment indices as an integral indicator, current legal and statistical sources were the empirical base of assessment of rural people social mood. The author conducted a gender analysis of the data obtained under the project of RSF "Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society". The conclusion is made about the qualitative characteristics of the social mood, represented by the growth of the life dissatisfaction level, more radical socio-political assessments of rural residents, their insufficient "rainy-day fund", emotional anxiety and fragility of the personal and family future as a possible scenario. Talking about social security, a gender specificity in favor of women and a higher degree of social optimism among women than men as rural residents were revealed.

Key words: sociology of life, social mood, COVID-19 pandemic, gender, rural areas, sustainable growth, social interaction

Acknowledgments: the reported study was funded by RSF according to the research project no. 18-18-00024 "Precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society".

For citation: Milovanova, M. Yu. (2022) Sotsial'noe nastroyenie sel'skikh zhitelei v usloviakh pandemii COVID-19: gendernye aspekty [Social mood of rural residents in the context of the COVID-19 pandemic: gender aspects], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 77—89.

Введение

Социальное настроение как феномен и интегральная характеристика восприятия жизни относится к одному из важных вопросов современной социологической теории и социальной практики. Оно представляет собой «не только самое массовидное явление, но одну из наиболее значительных сил, побуждающих людей к деятельности, накладывающей отпечаток на поведение различных

коллективов, групп, слоев общества, а также классов, наций и даже народов» [Тощенко, Харченко, 1996: 22—23]. Особую значимость приобретает впервые обозначенная Б. Д. Парыгиным мысль о том, что социальное настроение выступает доминирующим и решающим фактором, объясняющим кардинальные сдвиги в общественной жизни [Парыгин, 1966: 4]. В опросах ВЦИОМ индексы социального настроения используются как интегральные показатели¹, фиксирующие реальное отношение населения к изменениям, происходящим в российском обществе [Фадеева и др., 2021].

Суть социального настроения такова, что всегда имеется его конкретный носитель. В 2020—2021 гг. детерминантой, влияющей на социальные настроения и социальное самочувствие, безусловно, стала пандемия COVID-19², с которой столкнулись Россия и весь мир. В условиях чрезвычайной ситуации, вызванной пандемией, социальная мобилизация и ограничительные меры заставили прочувствовать и оценить по-иному привычные социальные практики, определить новое в социальных взаимодействиях. В обиход уже вошла оценка пережитого и переживаемого как «новой нормальности», социально-психологическая установка «мир уже не будет прежним».

В создавшихся социально-экономических, социально-политических и социально-психологических условиях неконтролируемые информационные потоки, их всеохватность и конструирование медиа выступали катализатором изменения социальных настроений, фиксируемых как новые страхи, стресс, депрессия. Шоковый период 2020 г. сильнее видоизменил социальные взаимодействия и повседневные практики жителей крупных городов, а не сельских жителей, поэтому исследовательский интерес обусловлен поиском ответов на вопросы, насколько это коррелирует с фиксируемыми показателями социального настроения именно сельских жителей и имеются ли различия в их социальном настроении по признаку пола.

¹ Индекс социального самочувствия строится на основе показателей: удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, материальное положение, экономическое положение страны, политическая обстановка, общий вектор развития страны. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialno-samochuvstvija> (дата обращения: 20.11.2021).

² Пандемия COVID-19 — пандемия коронавирусной инфекции, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2. Вспышка впервые была зафиксирована в Ухане, Китай, в декабре 2019 г. 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила эту вспышку чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а 31 января поступили первые сообщения о выявлении в России двух случаев заражения COVID-19. По состоянию на 1 октября 2021 г. зарегистрировано 234 700 837 подтвержденных случаев, 211 487 725 выздоровевших, 4 800 330 умерших. На эту же дату в России выявлено 7 535 548 случаев, выздоровевших 6 692 722, умерших 208 142. За 2020 г., по предварительной оценке Росстата, численность населения страны сократилась на 582 тыс. чел.

11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о пандемии коронавируса, за чем последовал локдаун (строгая изоляция). С 30 марта по 11 мая из-за распространения пандемии COVID-19 действовал режим нерабочих дней, ограничения большей или меньшей строгости сохранялись до конца 2020 г. и продолжались в 2021 г.

Методология и методика

Автор выстраивает анализ по методологии социологии жизни, выражением которой стало определение П. Бергера «Человек в обществе, общество в человеке». Концепция социологии жизни получила комплексную разработку в трудах Ж. Т. Тощенко, который раскрывает сущность названной конструктивистской парадигмы, позволяющей с наибольшей полнотой судить как о человеке, так и об обществе (см., напр.: [Тощенко, 2016]). Социология жизни — это концепция движущих сил сознания и поведения людей, их функционирования в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих влияние общественной макро-, мезо- и микросреды, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом.

Исследование проведено неформализованным комбинированным методом: проанализированы правовые и статистические данные, осуществлен вторичный анализ результатов всероссийских опросов общественного мнения о социальном настроении, данных, полученных в рамках НИР «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (РНФ, проект № 18-18-00024)³. Применяемая методика позволила дополнить полученные ранее автором результаты коммуникационной работы Клуба успешных женщин в Государственной думе ФС РФ по теме «Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства» (10 февраля 2020 г.) [Милованова: 2020, 2021]. При репрезентации эмпирической базы в гендерном аспекте автор применяет гендерный анализ, который предполагает оценку воздействия различных, предлагаемых или существующих, политических, экономических, социальных, информационных факторов как на женщин, так и на мужчин.

³ В октябре 2020 г. был проведен всероссийский опрос трудоспособного населения России в возрасте 18 лет и старше в трех сферах: промышленность, сельское хозяйство и наука. Полевую стадию исследований обеспечил Центр социального прогнозирования и маркетинга (рук. Ф. Э. Шереги). Объем выборочной совокупности составил 900 чел. Исследование проводилось в 8 федеральных округах, в 21 субъекте РФ. При формировании выборочной совокупности происходило районирование объектов, квоты соблюдались на двух ступенях пропорционально статистической численности населения в возрасте 18 лет и старше по федеральным округам и по 5 типам поселений, а на последней ступени — по социально-профессиональным группам. Степень репрезентативности выборочной совокупности относительно генеральной совокупности проверялась путем соотношения параметров квот отбора респондентов и значений этих параметров в генеральной совокупности по федеральным округам, согласно показателям, рассчитанным на основании данных официальной статистики по состоянию на 1 января 2020 г. Среднестатистическое отклонение по трем основным контролируемым признакам (параметры квот численности населения в федеральных округах, по 5 типам поселений, по социально-профессиональному составу занятого населения) не превышало $\pm 3,5$ % по каждому показателю (при пороге теоретически допустимой средней погрешности ± 5 %).

Результаты

Оценка социальных настроений по вышеобозначенной методологии требует анализа движущих сил сознания и поведения людей, их функционирования в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, среди которых отметим, во-первых, долговременное нарастание территориально-регионального неравенства в России, во-вторых, устойчивое сокращение численности проживающих в сельской местности, в-третьих, характерный существенный гендерный и возрастной дисбаланс демографических показателей села.

Изучение социального настроения сельских жителей в сравнении самочувствием женщин и мужчин на макроуровне актуализировано гендерным трендом в международной повестке. По оценкам Международной организации труда, сельские женщины составляют четверть населения мира и имеют особую роль в достижении 7 Целей устойчивого развития, принятых ООН, — от сокращения масштабов нищеты (ЦУР 1) и обеспечения продовольственной безопасности (ЦУР 2) до устойчивого экономического роста (ЦУР 8) и борьбы за изменение климата (ЦУР 13). ООН авторитетно заявляет, что, несмотря на важнейший вклад женщин в развитие сельских территорий и общества, они отстают от сельских мужчин и городских женщин по всем глобальным гендерным показателям и индикаторам развития. Фиксируются также более частая гибель женщин в климатических катастрофах, действующие ограничения в доступе к природным ресурсам, дискриминация, феминизация бедности, цифровой разрыв, дефицит мер социальной защиты, непропорциональное отражение пандемии COVID-19 на сельских женщинах и, как следствие, углубление гендерного неравенства.

В сельской местности России в настоящее время проживает 37,3 млн чел., что составляет 25 % от общей численности населения. Данный показатель значительно ниже общемирового удельного веса сельского населения — 44 %⁴. Численность рабочей силы в трудоспособном возрасте среди сельского населения составляет 15,4 млн чел., или 41,3 % к общей численности сельского населения, из них 14,3 млн чел., или 38,1 %, являются занятыми⁵. Что касается гендерной составляющей, то на 1 января 2021 г. в России женщины составляли 78,3 млн чел., или 54,3 %, мужчины — 67,8 млн чел., или 45,7 %. В сельской местности гендерный диспаритет также присутствует: женщин больше на 1,2 млн чел. (17,9 млн чел., или 48,4 %, — мужчины и 19,1 млн чел., или 51,6 %, — женщины). Женщин трудоспособного возраста, проживающих в сельской местности, 9,2 млн чел., в том числе 6,6 млн чел. старше трудоспособного возраста⁶. С учетом демографических проблем России весьма симптоматична статистика по молодежным возрастам в соотношении числа женщин и мужчин (число женщин

⁴ Женщины в экономике: обзор международной и российской повестки Департамента многостороннего экономического сотрудничества Минэкономразвития России, апрель 2021 г. (архив автора).

⁵ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года: (статистический бюллетень). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

⁶ Там же.

на 1000 мужчин), согласно которой сложился небольшой перевес в пользу мужчин. Но если соотнести по полу молодежь в возрастах 25—29 лет, 30—34 года, то заметен диспаритет с преобладанием женщин в городе и явным перевесом мужчин в селе (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение числа женщин и мужчин (число женщин на 1000 мужчин)
в молодежных возрастах, тыс. чел.**

Возраст, лет	Число женщин на 1000 мужчин	Число женщин на 1000 мужчин (город)	Число женщин на 1000 мужчин (село)
15—19	956	960	946
20—24	964	978	928
25—29	952	1002	796
30—34	987	1034	835

Российский статистический ежегодник, 2020: статистический сборник. М.: Росстат, 2020.

В абсолютных величинах сложилось положительное сальдо численности городского населения над сельским в возрастах 15—19 лет — 3281 тыс. чел., 20—24 лет — 2995 тыс. чел., 25—29 лет — 5287 тыс. чел. Самый существенный диспаритет в возрасте 30—34 лет — 7153 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2

Численность женщин и мужчин в молодежных возрастах, тыс. чел.

Возраст, лет	Население в целом	Городские жители	Сельские жители
15—19	7161	5221	1940
20—24	6889	4942	1947
25—29	9427	7357	2070
30—34	12633	9893	2740

Российский статистический ежегодник: статистический сборник. М.: Росстат, 2020.

Одной из вероятных причин снижения в сельской местности количества трудоспособных женщин фертильного возраста может быть их отток в город по причине недостаточного развития социальной инфраструктуры как основы жизни современного человека. В ближайшей перспективе в этом отношении можно ждать усугубления ситуации: урбанизация продолжает притягивать молодежь в города с гендерным диспаритетом в сторону женщин.

Демографическая составляющая закономерно предопределяет территориальное сжатие сельского социума и неравномерное распределение его населения по территории: «445 сел у нас в Оренбургской области. И за пять лет

у нас исчезло с карты 84 села, 27 тысяч людей выехало»⁷. Демографы и специалисты по внутренней трудовой миграции и региональной политике обращают внимание на сохранение сложившегося деления территории страны на две зоны — притягивающую (к юго-западу от оси Санкт-Петербург — Екатеринбург — Барнаул) и отдающую (север и восток страны), когда люди массово покидают места своего жительства от Зауралья до Дальнего Востока и оседают в европейской части России. Не исключаем влияния на социальное настроение тех мер ограничительного характера, которые нарушили социальное взаимодействие после того, как Россия с 30 марта 2020 г. закрыла свои границы для россиян и иностранных граждан. При этом следует учесть, что сельские жители — внутренние трудовые мигранты — вынужденно вернулись на места своего жительства, где они гипотетически стали востребованы. Данное предположение может быть верным в связи с тем, что Минсельхоз РФ с целью обеспечения населения продуктами питания отнес практически все направления сельского хозяйства, подпадающие под подпункты «а», «в» и «г» пункта 4 Указа Президента РФ⁸, к обеспечивающим продовольственную безопасность России.

О динамике социального настроения сельских жителей можно судить по следующим данным. В 2018 г. количество удовлетворенных и частично удовлетворенных жизнью жителей сельских территорий и в целом населения находилось фактически на одном уровне — 88,5 и 87,0 %, а в 2020 г. у сельских жителей снизилось до 75,3 % (табл. 3).

Таблица 3

Удовлетворенность жизнью проживающих в сельской местности, %

Уровень удовлетворенности	Прекариат-2018	Прекариат-2020	Мужчины	Женщины
Удовлетворены	33,7	32,6	28,0	35,3
Частично удовлетворены	54,8	42,7	42,0	42,0
Не удовлетворены	7,0	20,5	24,7	19,3

Данные исследования в рамках НИР «Прекариат-2018» и «Прекариат-2020».

В 2018 г. половина сельских жителей — 50,8 % — считали курс развития страны правильным, а в 2020 г. их количество уменьшилось в 2 раза, до 23,7 %. В 2018 г. — 16,1 %, а в 2020 г. — 37,2 % сельских жителей заявили о неправильном курсе страны. Ситуация строгой изоляции в связи с пандемией, ухудшение материального положения, недовольство условиями и организацией работы закономерно породили у людей чувства тревожности, страха перед будущим, убеждения, что так жить больше нельзя (табл. 4).

⁷ Из выступления депутата Законодательного собрания Оренбургской области О. В. Набатчиковой на круглом столе «Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства» 10 февраля 2020 г. (архив автора).

⁸ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории России в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 4

Социальные настроения и самочувствие проживающих в сельской местности, %

Ответ	2018	2020
<i>Как изменилось за последние 3 года Ваше материальное положение?</i>		
Улучшилось	29,1	13,5
Ухудшилось	22,6	35,8
Осталось без изменений	48,2	50,7
<i>Какие чувства Вы испытываете в последнее время?</i>		
Страх перед будущим	16,1	16,5
Невозможность повлиять на происходящее	22,1	24,7
Чувство несправедливости	25,1	27,8
Чувство, что так жить дальше нельзя	9,0	9,3
Стыд за нынешнее состояние своей страны	8,5	12,4
<i>Как Вы думаете, страна развивается?</i>		
В правильном направлении	50,8	23,7
В неправильном направлении	16,1	37,2

Данные исследования в рамках НИР «Прекариат-2018» и «Прекариат-2020».

Гендерный анализ показывает, что об уверенности в будущем говорят 8,7 % женщин и 4,7 % мужчин, удовлетворены настоящим 26,7 % женщин и 18,7 % мужчин, однако страх перед будущим испытывают в большей мере женщины, чем мужчины, а стыд за нынешнее состояние своей страны, ощущение невозможности повлиять на происходящее присущи мужчинам больше, чем женщинам (табл. 5).

Таблица 5

Чувства работников, проживающих в сельской местности,
в гендерном измерении, %

Чувства, испытываемые в последнее время	Мужчины	Женщины
Уверенность в своем будущем	4,7	8,7
Удовлетворены настоящим	18,7	26,7
Страх перед будущим	25,3	35,3
Беспомощность, невозможность повлиять на происходящее	24,7	15,3
Чувство несправедливости	29,3	25,3
Чувство, что так жить дальше нельзя	16,0	12,0
Стыд за нынешнее состояние своей страны	17,3	7,3
Одиночество	4,7	3,3
Затруднились ответить	9,3	8,7

Данные исследования в рамках НИР «Прекариат-2020».

Пандемия COVID-19 обнажила спектр социальных проблем сельских территорий: от утверждения, что сельский образ жизни стал олицетворять реальную возможность деурбанизации [Аверкиева, 2021], когда ситуация определила безопасное протекание именно загородной жизни, в деревне, где «все свое» и нет требований социальной дистанции, до прямо противоположных вопросов: стоит ли сохранять население в депрессивной сельской местности, где социальная сфера подверглась деформации до предела.

Любопытно, что, по данным Евробарометра⁹, в социальных настроениях усилилась тяга к сельской жизни: треть респондентов говорили, что после отмены ограничений они с гораздо большей вероятностью будут посещать сельские районы для отдыха, а каждый 12-й ответил, что, по сравнению с ситуацией до пандемии, они с большей вероятностью рассмотрят возможность переезда в сельскую местность. Для России, на наш взгляд, заданный дискурс уместен, но с учетом комплексной оценки состояния человеческих ресурсов села [Подгорская, Бахматова, 2020]. По мнению ученых, село подвергается деформационным и неоднозначным процессам, происходящим в производственно-экономической, демографической, социальной и духовно-культурной жизнедеятельности людей, и находится под воздействием не столько природно-географических, сколько сконструированных социально-экономических условий существования его жителей [Данилов, 2011; Тощенко, 2018; Великий, Бочарова, 2012; Великий и др., 2020].

Ограничительные меры, несмотря на требования властей по обеспечению продовольственной и социальной безопасности, бесперебойности работы сельскохозяйственных предприятий, серьезно повлияли на характер трудовых отношений и их прекаризацию: на селе каждого 11-го сотрудника отправили в неоплачиваемый отпуск, каждый 10-й перешел на сокращенный график работы или оказался в ситуации сокращения штатов/увольнения, каждый 7-й трудился дистанционно, каждому 5-му урезали зарплату, участились трудовые конфликты (табл. 6).

Таблица 6

Отношение к событиям сельских жителей в связи с пандемией, %

Событие	Это произошло и/или происходит	Это может случиться в течение ближайшего времени	Думаю, что этого не случится в ближайшее время	Затрудняюсь ответить
Введение дистанционной формы работы	13,9	11,8	62,5	11,8
Переход на сокращенный рабочий день/неделю	10,1	30,9	49,7	9,4
Отправление в неоплачиваемый отпуск	8,7	26,0	52,1	13,2
Уменьшение заработной платы	21,2	25,3	40,6	12,8
Трудовой конфликт	7,6	17,4	59,4	15,6
Увольнение, сокращение штатов	11,5	22,2	52,1	14,2
Закрытие организации, предприятия	5,2	10,1	70,8	13,9

Данные исследования в рамках НИР «Прекариат-2020».

⁹ Официальный сайт Евробарометра. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2278> (дата обращения: 20.11.2021).

Анализ показывает, что страхи связаны не только с произошедшими изменениями, но и с негативными событиями, которые могут случиться в ближайшее время. Мысли о том, что введение дистанционной формы работы в ближайшее время не случится, посещают 72,0 % мужчин и 57,3 % женщин. О том, что придется перейти на сокращенный рабочий день/неделю, заявляют 56,7 % мужчин и 46,7 % женщин. 50,7 % мужчин и 52,7 % женщин выразили надежду, что их не отправят в неоплачиваемый отпуск. У 29,3 % мужчин и 16,3 % женщин произошло уменьшение заработной платы. Уточним, что заработная плата в сельской местности составляет в среднем всего 23 020 руб., для подавляющего большинства это единственный источник финансового благополучия. Таким образом, низкий уровень заработной платы относится к той проблеме, которая волнует в равной степени как женщин, так и мужчин — 60,7 % (здесь и далее приводятся данные исследования в рамках НИР «Прекариат-2020»).

В ситуации эпидемии фактором, стабилизирующим социальное настроение, являются различные виды социальной защиты, на которые может рассчитывать работающий человек. На первый взгляд, сельское население в своем большинстве (73,4 %) может рассчитывать на оплату больничных листов, как и население страны в целом (76,4 %), на оплату отпуска (соответственно 73,9 и 76,1 %) и уход за ребенком (соответственно 62,8 и 62,3 %). Работодатель идет навстречу и дает отгул в случае необходимости (соответственно 76,4 и 75,9 %).

Однако 54,3 % сельских жителей и 50,3 % населения в целом не рассчитывают на оплату во время вынужденной остановки работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные гарантии для населения в целом и сельских жителей реализованы примерно в равной степени. Более того, в сельской местности для женщин в отношении всех видов соцгарантий созданы более благоприятные условия, чем для мужчин. Об этом говорят следующие данные: о возможности взять отгул при необходимости заявляют 70,7 % женщин и 60,7 % мужчин, в социальных гарантиях по уходу за ребенком уверены 72,7 % женщин и 50,7 % мужчин, на гарантии по оплате во время вынужденной остановки работы выражают надежду 46,0 % женщин и лишь 30,0 % мужчин, оплата отпуска гарантирована, по мнению опрошенных, для 76,0 % женщин и 58,7 % мужчин, а об оплате больничных листов заявляют 77,3 % женщин и лишь 61,3 % мужчин.

Проведенный гендерный анализ свидетельствует о большей степени прекаризованности мужчин в сельской местности, чем женщин.

Заключение

Социальное настроение как целостная форма жизнеощущения, доминантная форма функционирующего общественного сознания и поведения всегда находится под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов. Нарастающее территориально-региональное неравенство, сокращение населения и гендерный дисбаланс выступают определяющей средой для социальных настроений в сельской местности.

Гендерный анализ показывает ухудшение качества трудовых ресурсов сельских территорий в России, демографическое, территориальное сжатие сельского социума и присущую ему бедность. Фиксируется депопуляция российского

села на фоне старения сельского населения, а в сфере занятости — безработица и недоиспользование рабочей силы, снижение привлекательности сельского образа жизни. Можно сделать вывод о нарастающем гендерном дисбалансе сельского населения в молодежных возрастах, подтверждаемом статистическими данными. Одной из причин оттока из сельской местности трудоспособных женщин фертильного возраста является, на наш взгляд, недостаточная оптимизация социальной инфраструктуры сельских территорий, имеющей важное значение с точки зрения трудовой занятости и возможностей развития детей.

В условиях пандемии COVID-19 социальное настроение, сравнение позиций городского населения и сельских жителей, взглядов женщин и мужчин на происходящее показали не столько отличия в зависимости от места проживания, сколько более выраженный социальный оптимизм женщин, чем мужчин. Причина может заключаться в структуре занятости населения в сельской местности. Только четверть женщин трудятся в сельском хозяйстве и смежных отраслях (лесное хозяйство, охота, рыбоводство). Большинство заняты в социальной сфере, органах местного самоуправления, где имеются социальные гарантии, на которые работники возлагают свои надежды. Пандемия выявила их недостаточную «подушку безопасности» (слабая социальная защищенность, отсутствие финансовых накоплений, нестабильность в трудовых отношениях, ограничения возможностей профессионального развития и повышения квалификации, усиление тревожности и хрупкость личного и семейного будущего). Данные характеристики показательны для социального настроения в обществе.

С 2020 г. пандемия, в части охвата заболеваемости и ограничительных мер социального взаимодействия по месту работы, фиксировалась прежде всего в крупных городах. Исследование показало, что она детерминировала неконтролируемые, зачастую деструктивные и агрессивные информационные потоки, поразному влияя на чувства мужчин и женщин. В целом социальное настроение сельских жителей обусловлено негативными эмоциями и общественно-политическими оценками.

Список источников

- Аверкиева К. В.* Пора валить в деревню: по материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6, № 1. С. 189—196.
- Великий П. П., Бочарова Е. В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // *Социологические исследования*. 2012. № 1. С. 126—134.
- Великий П. П., Шабанов В. Л. и др.* Семейное хозяйствование в жизненном пространстве современной деревни. Саратов: Саратовский источник, 2020. 240 с.
- Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.
- Милованова М. Ю.* Женское предпринимательство в сельской местности: источники развития, поддержка семейного предпринимательства: (по материалам круглого стола, Государственная дума ФС РФ, 10 февраля 2020 г.) // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 4. С. 27—36.

- Милованова М. Ю. Трудовые ресурсы сельских территорий // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. С. 117—138.
- Парыгин Б. Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 328 с.
- Подгорская С. В., Бахматова Г. А. Человеческий капитал сельских территорий: потенциал, проблемы, перспективы. Ростов н/Д: ВНИИЭИН; Азов: АзовПринт, 2020. 99 с.
- Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
- Тощенко Ж. Т. Жизненный мир сельских жителей: векторы изменений // Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. М.: Весь мир, 2018. С. 269—302.
- Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 195 с.
- Фадеева Е. В., Великая Н. М., Белова Н. И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 58—71.

References

- Averk'ieva, K. V. (2021) Pora valit' v derevniu [Time to go to the village], *Krest'ianovedenie*, vol. 6, no. 1, pp. 189—196.
- Danilov, V. P. (2011) *Istoriia krest'ianstva Rossii v XX veke: Izbrannye trudy* [History of the Russian peasantry in the XX century: Selected works]: in 2 vols, vol. 2, Moscow: ROSSPĖN.
- Fadeeva, E. V., Velikaia, N. M., Belova, N. I. (2021) Sotsial'noe samochuvstvie rossiian v period rasprostraneniia koronavirusnoi infektsii [Social feeling of Russians during the spread of coronavirus infection], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, seriia Filosofii, Sotsiologii, Iskusstvovedenie*, no. 2, pp. 58—71.
- Milovanova, M. Yu. (2020) Zhenskoe predprinimatel'stvo v sel'skoĭ mestnosti: istochniki razvitiia, podderzhka semeinogo predprinimatel'stva: (Po materialam kruglogo stola, Gosudarstvennaia дума Federal'nogo sobraniia Rossiiskoi Federatsii, 10 fevralia 2020 g.) [Female entrepreneurship in rural areas: sources of development, support for family entrepreneurship: (Based on the materials of the round table, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, February 10, 2020)], *Zhenshchina v Rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 27—36.
- Milovanova, M. Yu. (2021) Trudovye resursy sel'skikh territorii [Labour resources of rural areas], in: Toshchenko, Zh. T. (ed.), *Prekarnaia zaniatost': istoki, kriterii, osobennosti*, Moscow: Ves Mir, pp. 117—138.
- Parygin, B. D. (1966) *Obshchestvennoe nastroyenie* [Public mood], Moscow: Mysl'.
- Podgorskaia, S. V., Bakhmatova, G. A. (2020) *Chelovecheskii kapital sel'skikh territorii: potentsial, problemy, perspektivy* [Human capital of rural areas: potential, problems, prospects], Rostov on Don: VNIIEIN; Azov: AzovPrint.
- Toshchenko, Zh. T. (2016) *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life], Moscow: UNITY-DANA.
- Toshchenko, Zh. T. (2018) Zhiznennyĭ mir sel'skikh zhitelei: vektory izmeneniĭ [The life world of country people: vectors of changes], in: *Dvadsat' piat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzheniiakh rossiian: opyt sotsiologicheskogo analiza*, Moscow: Ves' Mir, pp. 269—302.
- Toshchenko, Zh. T., Kharchenko, S. V. (1996) *Sotsial'noe nastroyenie* [Social mood], Moscow: Academia.

- Velikiĭ, P. P., Bocharova, E. V. (2012) Raskrest'ianivanie kak indikator destruktivnoĭ transformatsii rossiĭskoi agrosfery [Re-Peasantization as an indicator of the destructive transformation of the Russian agrosphere], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 126—134.
- Velikiĭ, P. P., Shabanov, V. L., et al. (2020) *Semeĭnoe khoziaĭstvovanie v zhiznennom prostranstve sovremennoi derevni* [Family household in the living space of a modern village], Saratov: Saratovskii istochnik.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Assistant Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 90—107.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 90—107.

Научная статья

УДК 316:61:004

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.6

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ:
ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Елена Сергеевна Богомяжкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
e.bogomyagkova@spbu.ru

Аннотация. Статья содержит результаты комбинированного эмпирического исследования распространения цифровых технологий в практиках заботы о здоровье жителей крупных городов России. В фокусе нашего внимания — гендерные различия как детерминанты вовлеченности в использование новых способов поддержания хорошего самочувствия. В результате проведенного анализа были обнаружены особенности применения цифровых технологий, обусловленные содержанием современных социальных ролей, выражающих нормативные ожидания в отношении необходимых и желательных способов заботы о здоровье представителей каждого пола. Привлечение инноваций у мужчин носит преимущественно индивидуалистический характер (самозабота), тогда как у женщин — «социальный» (забота о других). Ключевыми факторами вовлечения в применение новых способов заботы о здоровье представителей обеих групп оказались возраст и частота использования Интернета в целом: чем моложе респонденты, тем чаще они прибегают к инновациям. Наиболее значимым контекстом, детерминирующим гендерные различия в цифровых практиках, является наличие проблем со здоровьем. В этой ситуации мужчины проявляют большую активность по сравнению с женщинами и используют широкий спектр цифровых ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация здравоохранения, гендерные различия, забота о здоровье, цифровые технологии, Интернет, комбинированное исследование, корреляционный анализ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 21-18-00125.

Для цитирования: Богомяжкова Е. С. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье: гендерные различия в российском контексте // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 90—107.

Original article

DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTH CARE PRACTICES: GENDER DIFFERENCES IN RUSSIAN CONTEXT

Elena S. Bogomiagkova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, e.bogomyagkova@spbu.ru

Abstract. The article contains the results of a mix methods empirical research of digital technologies spread in health care practices among residents of big Russian cities. Combining two groups of methods — qualitative and quantitative — allowed us to get a comprehensive idea of the phenomenon under study. Even though d-Health is largely designed to smooth out existing inequalities in health and access to medical care, today we are talking about the emergence of new gaps. Our focus is on gender differences as determinants of involvement in new ways of maintaining well-being. As a result of the analysis, the features of the digital technologies use were found due to the content of modern social roles expressing normative expectations regarding the necessary and desirable ways of taking care for health of representatives of each gender. Thus, the application of innovations in case of men is mainly individualistic in nature (self-care), while in case of women it is more “social” (caring for others). The age and the frequency of the Internet use in general turned out to be the key factors of involvement in new ways of health care for representatives of both groups: the younger the respondents, the more often they appeal to innovations and the more similarity in new practices they demonstrate. It was revealed that the most significant context determining gender differences in digital practices is the presence of health problems. In this situation, men are more active than women and use a wide range of digital resources. In general, we can conclude that today digital technologies do not create differences, rather, existing inequalities manifest themselves in new ways of maintaining well-being.

Key words: d-Health, gender differences, health care, digital technologies, the Internet, mix methods research, correlation analysis

Acknowledgments: the reported study was funded by RSF according to the research project no. 21-18-00125.

For citation: Bogomiagkova, E. S. (2022) Tsifrovye tekhnologii v praktikakh zaboty o zdorov'е: gendernye razlichia v rossiiskom kontekste [Digital technologies in health care practices: gender differences in Russian context], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 90—107.

Постановка проблемы и ее актуальность

Сегодня сфера заботы о здоровье претерпевает драматичные изменения, обусловленные трендом цифровизации. Речь идет не только о технологических преобразованиях, но и о движении к новой модели оказания врачебной помощи и появлении новых способов поддержания хорошего самочувствия. На повседневном уровне цифровизация здравоохранения (digital health или d-Health) воплощается в многообразии практик — от создания единых электронных медицинских карт, телемедицины и применения цифровых таблеток до поиска медицинской информации и поддержки в интернет-ресурсах, подписки на медицинских

блогеров, цифрового селф-трекинга и участия в онлайн-марафонах и онлайн-играх, посвященных здоровью. Несмотря на анонсируемые преимущества d-Health в преодолении существующих разрывов в здоровье и доступе к медицинской помощи, все чаще речь идет об актуализации старых и появлении новых социальных неравенств в способах поддержания хорошего самочувствия [Lupton, 2014; Bol et al., 2018; Robinson et al., 2015]. В качестве одного из факторов, обуславливающих различия в цифровых практиках заботы о здоровье, рассматривается и гендер.

Гендерные неравенства в здоровье являются одним из традиционных предметов социологического интереса [Браун и др., 2007; Бурмыкина, 2006; Паутова, Паутов, 2015; Лебедева-Несевря, Цинкер, 2018; Bird, Rieker, 1999; Oksuzyan et al., 2014; Rieker, Bird, 2005], а в 2002 г. необходимость применения гендерного подхода для понимания расхождений в субъективных оценках и объективных параметрах физиологического и психологического благополучия была закреплена в документах ВОЗ [Включение гендерной проблематики в деятельность ВОЗ, 2002]. Гендерный подход предполагает объяснение вариаций в поведении, связанном со здоровьем, существующими в обществе социокультурными стереотипами о фемининности и маскулинности, а также системой социальных ролей, выражающих нормативные ожидания в отношении необходимых и желательных способов заботы о здоровье представителей каждого пола.

На сегодняшний день попытки обнаружить гендерные различия в цифровых практиках заботы о здоровье реализуются в рамках зарубежных эмпирических исследований. Например, было зафиксировано, что женщины чаще пользуются мобильными приложениями и обращаются к Интернету в поисках медицинской информации и поддержки, а мужчины склонны применять большее количество онлайн-источников и владеть большим набором носимых устройств [Bidmon, Terlutter, 2015; Montagni et al., 2018]. Последние также более открыты в процессе дистанционного взаимодействия с врачом [Bidmon, Terlutter, 2015]. Поведение женщин объясняется их более высокой обеспокоенностью здоровьем и потребностью быть хорошо информированными пациентками. Практики, свойственные мужчинам, связываются с приписыванием ими себе лучших цифровых и технологических компетенций [Bidmon, Terlutter, 2015; Montagni et al., 2018]. Несмотря на то что женщины более позитивно относятся к Web 2.0, они считают себя менее сведущими в области цифровых технологий.

Во многих случаях речь идет о более тонких, но не менее действенных механизмах гендерного неравенства, имплементированных в цифровые инновации. Одной из наиболее дискутируемых тем является технологически опосредованное конструирование норм телесности и здоровья, обеспечивающее новые режимы контроля над женской субъектностью [Depper, Howe, 2016]. Так, некоторые приложения разработаны специально для мужчин (например, фитнес-приложения), а другие — для женщин (например, приложения для диеты и питания), что вносит вклад в формирование образа жизни каждого пола, закрепляя соответствующие поведенческие образцы. По мысли представителей феминистского направления, распространение практик цифрового селф-трекинга выступает способом объективации женского тела [Ross, 2018]. Интегрированные в цифровые устройства нормы веса и других параметров

становятся ориентирами для женской самооценки и закрепляют логику «взгляда со стороны» [Jin et al., 2021].

В создании девайсов проявляется и отмечаемая социальными учеными большая медиализация женского тела по сравнению с мужским. Примером тому служат разработанные специально для женщин цифровые приложения, позволяющие контролировать определенные состояния и периоды в их жизни: беременность, женский цикл, репродуктивное поведение. В некоторых регионах нашей страны телемедицинские сервисы используются для виртуальных обходов младенцев и их мам в первые пять дней после выписки из роддома [Телемедицина на службе здоровья женщин]. В свою очередь, цифровое опосредование этих «специфических» женских состояний становится предметом интереса ученых. Например, в фокусе внимания оказываются практики поиска информации в Интернете в периоды беременности и ухода за детьми [Kraschnewski et al., 2014; Lupton, Pedersen, 2016], использование телемедицины для осуществления медикаментозных аборт [Grossman, Grindlay, 2017], контроль менструального цикла с помощью цифровых гаджетов [Zampino, 2019].

Несмотря на значительную представленность проблематики гендерных различий в здоровье в российском социологическом дискурсе, до сих пор существуют лакуны в описании и объяснении разницы в цифровых практиках заботы о здоровье между представителями разного пола. Поскольку существование различий между мужчинами и женщинами во многих показателях здоровья сегодня является почти аксиомой, применение гендерно-чувствительной оптики для изучения возникающих вариаций становится особенно актуальным. Исследовательский вопрос заключается в том, существуют ли различия между мужчинами и женщинами в применении инноваций для заботы о своем самочувствии и, если да, в чем они выражаются. В настоящей статье с опорой на результаты эмпирического исследования жителей крупного города мы попытаемся ответить на него.

Дизайн эмпирического исследования

Чтобы выявить и описать цифровые практики заботы о здоровье, характерные для жителей мегаполиса, а также сформулировать предположения о факторах, обуславливающих разнообразие в их использовании, было реализовано комбинированное эмпирическое исследование. На первом этапе (август 2020 — апрель 2021 г.) проведено 90 полуструктурированных интервью с жителями крупных городов России (преимущественно Санкт-Петербурга, Москвы, Ульяновска, Петрозаводска), применяющими цифровые технологии для заботы о своем самочувствии¹. Отбор информантов происходил на основе метода доступных случаев с последующим применением метода «снежного кома». Часть интервью состоялась в дистанционном формате с помощью таких платформ, как Zoom, Skype, MSTeams, мессенджера WhatsApp. Продолжительность одной беседы в среднем составляла один час, максимально — более двух часов.

Полученные в ходе интервью результаты легли в основу разработки анкеты для телефонного опроса жителей Санкт-Петербурга, реализованного на второй

---

¹ Выражаем благодарность М. Е. Глуховой, А. А. Дупак, А. С. Захаровой за помощь в сборе эмпирического материала.

стадии исследования в августе 2021 г. при помощи ресурсного центра Научного парка Санкт-Петербургского государственного университета «Социологические и интернет-исследования» (проект № 106-21779). Репрезентативность обеспечивалась квотной выборкой по критериям пола и возраста. Полученные данные были обработаны при помощи программы SPSS Statistics (ver. 23) с применением таких статистических методов, как корреляционный анализ (критерии Спирмена, Эта), сравнение средних. P (Sig) < 0,05 была принята значимой. При оценке показателей коэффициентов корреляции мы опирались на шкалу Чеддока. Несмотря на то что многие выявленные связи оказались слабыми или умеренными, они дают возможность сделать обоснованные предположения о процессах, происходящих сегодня в сфере заботы о здоровье.

В качестве основы для размышлений об инновационных технологиях и социальном неравенстве мы воспользовались подходом, предложенным группой ученых во главе с Д. Вейсом [Weiss et al., 2018]. Помимо разрывов в доступе к технологиям, они предлагают учитывать и такой критерий, как различия в их использовании. Полагаем, что в расчет могут приниматься перечень инноваций, регулярность их применения, мотивация пользователей, а также смыслы, которыми наделяются данные практики представителями разных социальных общностей. Сочетание в исследовании обеих групп методов — качественных и количественных — позволило получить комплексное представление о различиях в цифровых практиках заботы о здоровье, обусловленных гендером. С одной стороны, удалось описать общие тенденции и охарактеризовать популяцию в целом. С другой — результаты полуструктурированных интервью обеспечили возможность более глубокой интерпретации результатов, выраженных в цифровой форме, путем установления контекстов, неразличимых за общими распределениями.

На первом этапе в исследовании приняли участие информанты в возрасте от 18 до 78 лет, среди них 25 мужчин и 65 женщин. Средний возраст — 37,7 года. Респондентами телефонного опроса стал 861 человек (56,2 % женщин и 43,8 % мужчин). Из общего числа опрошенных на втором этапе 21,7 % принадлежали к группе 18—29 лет, 19,9 % — 30—39 лет, 15,8 % — 40—49 лет, 17,7 % — 50—59 лет, 25,0 % — 60 лет и старше. Около половины участников исследования (47,9 %) имеют высшее образование, 45,6 % состоят в зарегистрированном браке. В выборку попали петербуржцы, проживающие в городе не менее одного года. Поскольку базой настоящего исследования являются жители мегаполиса — Санкт-Петербурга, уровень жизни в котором выше, чем во многих российских городах, полученные результаты не могут однозначно распространяться на все население нашей страны. Вместе с тем с определенной долей условности они могут характеризовать жителей иных крупных городов России.

Результаты

Для начала важно было выявить, насколько различные практики заботы о здоровье распространены среди респондентов (табл. 1).

Таблица 1

**Цифровые и традиционные практики заботы
 о здоровье мужчин и женщин (N = 861), %**

Категория респондентов	Мужчины (N = 375)			Женщины (N = 486)		
	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда
1	2	3	4	5	6	7
Очно посещали врача	15,2	98,7	0,8	22,2	99,0	0,6
Занимались спортом, физическими упражнениями, тренировками	69,1	95,7	3,2	62,4	94,4	5,6
Контролировали различные показатели состояния здоровья с помощью «классических» приборов (пульсоксиметр, тонометр и т. д.)	34,1	88,8	9,3	43,5	93,2	6,6
Искали информацию о здоровье в Интернете	23,5	80,5	17,3	26,3	78,2	19,7
Смотрели ТВ-передачи, посвященные вопросам здоровья	11,7	56,8	39,7	16,7	66,5	32,9
Контролировали питание / потребленные калории	35,4	52,0	47,7	43,8	61,7	37,9
Контролировали различные показатели с помощью гаджетов и мобильных приложений (цифровой селф-трекинг)	35,6	49,6	50,4	30,7	48,1	50,2
Читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в Интернете, посвященные вопросам здоровья	16,2	49,1	48,0	17,9	46,2	52,4
Посещали психолога, психотерапевта, медитировали или иначе заботились о своем эмоциональном состоянии	16,8	47,5	51,7	20,0	45,5	53,7
Посещали форумы и сетевые сообщества, посвященные вопросам здоровья	4,8	34,5	64,4	5,6	31,1	68,1
Участвовали в марафонах и играх (снижение веса, бег, контроль питания и т. д.)	1,3	35,6	63,9	2,1	21,2	78,6

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Общались с врачом дистанционно, используя электронные средства связи (телемедицинские сервисы, мессенджеры, электронная почта и т. д.)	3,5	24,8	74,9	6,0	25,5	74,1
Делали генетический анализ	0,3	9,1	90,1	0,8	9,9	89,3
Делились информацией о своем здоровье, опыте выздоровления и т. д. в сетевых сообществах или на специализированных форумах	1,9	9,6	89,9	1,9	8,6	91,2

Мужчины и женщины демонстрируют некоторые сходства в поведении, связанном со здоровьем: в каждой группе порядка 95 % занимались физическими упражнениями и около половины имели опыт заботы о своем психологическом благополучии. Очное посещение врача остается одной из наиболее востребованных практик среди опрошенных, однако в течение последней недели женщины обращались к специалисту несколько чаще по сравнению с мужчинами — очно 22,2 и 15,2 %, дистанционно 6,0 и 3,5 % соответственно. Несмотря на позиционирование телемедицины в качестве ключевого результата цифровизации здравоохранения, респонденты достаточно редко практикуют данный способ взаимодействия с врачом (когда-либо обращались к нему около 25 % респондентов в каждой группе). В то же время результаты интервью позволяют заключить, что женщины прибегают к услугам телемедицины несколько регулярнее мужчин, кроме того, существуют различия в мотивации подобной коммуникации. В большинстве случаев женщины для дистанционной связи с врачом используют ставшие привычными средства — электронную почту, мессенджеры WhatsApp, Wiber, мобильный телефон, а не специально разработанные сервисы (например, в рамках программ ДМС или таких коммерческих платформ, как «Доктор рядом», «СберЗдоровье», «Яндекс.Здоровье»). И спрашивают совета при этом, как правило, у «доверенных» врачей — тех, с кем уже налажена коммуникация, или тех, чьи контакты получены от членов близкого окружения. Консультироваться они могут по вопросам не только своего самочувствия, но и самочувствия мужа и детей. Так, в качестве наиболее типичного «доверенного» врача выступает педиатр:

Мне нужно было расшифровать, что написал невролог ребенку. Вот это я пересылала, вот. Просто чтобы мне сказали, что там написано. Вот по таким вопросам могу связаться (дистанционно. — Е. Б.) (Ж, 36 лет).

Женщины гораздо в большей степени, чем мужчины, склонны устанавливать длительные и реципрокные отношения с медицинскими профессионалами.

Представители обоих полов со схожей регулярностью используют Интернет, посты блогеров, форумы и сетевые сообщества в качестве источников информации о здоровье, при этом в целом по выборке в поисках подобных сведений к Интернету несколько чаще обращаются чуть менее образованные мужчины и женщины. Чтение пабликов блогеров и ориентация на их советы в деле поддержания здоровья набирают все большую популярность среди горожан. В числе новых лидеров мнения не только фитнес-тренеры и модные сегодня нутрициологи, но и врачи, сочетающие традиционную медицинскую практику с ведением личных блогов (например, доктор Белоконь, доктор Комаровский и др.). Среди респондентов в группах мужчин и женщин около половины когда-либо читали посты блогеров или смотрели видеоролики соответствующего содержания (табл. 1); из них женщины по сравнению с мужчинами чуть более склонны подписываться на конкретного лидера мнения (32,6 и 23,9 % соответственно). В обеих группах те, кто подписан, чаще обращаются к данному источнику в поисках медицинских сведений (критерий Спирмена 0,355 для мужчин и 0,313 для женщин, $p < 0,01$).

Несмотря на обнаруженное в ходе телефонного опроса сходство в регулярности использования онлайн-ресурсов в группах мужчин и женщин, можно вести речь о некоторых вариациях в мотивации их применения. В процессе интервью женщины отмечали, что используют интернет-источники для поиска информации (о заболеваниях, врачах и лечебных учреждениях) не только для себя, но и для своего окружения:

Искала травматолога-ортопеда, у папы была проблема с кистью, с локтевым суставом... И искала врача в Интернете... Но опять же, ты открываешь много там отзывов, да, видишь, что все классные... Но в итоге мы пошли в специализированный центр. Я поняла, что, когда я ищу информацию в Интернете, мне нужен там какой-то врач, я стараюсь найти какое-то специализированное учреждение, по профилю... (Ж, 29 лет).

В свою очередь, мужчины готовы согласиться с подобным распределением ответственности. Например, на вопрос об опыте записи к врачу онлайн один из информантов ответил следующее:

Нет, у меня супруга этими вопросами занимается. Я даже не понимаю, как это делается. Даже не звонил в поликлинику, чтобы записаться. Я всегда за личное общение. Вот мне надо записаться — я пошел и записался (М, 34 года).

Полагаем, что обнаруженные различия могут быть обусловлены спецификой гендерных ролей в современном обществе. Сегодня именно женщины осуществляют заботу о детях, муже и ближайших родственниках, что предполагает их большую потребность быть информированными и компетентными в вопросах сохранения и поддержания здоровья. От женщин требуется не только умение ориентироваться в колоссальном объеме медицинской информации (отсюда и несколько большая доля подписанных на конкретных блогеров), но и способность выстраивать эффективную коммуникацию с врачами и системой здравоохранения в целом, в том числе онлайн. Особенности ролевых обязательств может объясняться и большая частота обращения к ТВ-передачам в поисках сведений о здоровье, характерная для женщин (критерий Эта 0,150, $p < 0,01$).

Популярность данной практики растет с увеличением возраста зрительниц; также она наиболее свойственна разведенным женщинам, вдовым и находящимся в зарегистрированном браке. Вероятно, в данном случае мы наблюдаем опыт сочетания ведения домашних дел с просмотром телевизионных программ, наиболее характерный именно для женщин, которые, как правило, обеспечивают семейный быт и чаще мужчин пребывают в статусе домохозяйки. Более того, согласно результатам некоторых исследований, мужчины гораздо в меньшей степени находятся под влиянием медицинской информации, почерпнутой из СМИ [Гордеева, 2010].

Также женщинам несколько больше свойственно контролировать свое физическое состояние при помощи «классических» приборов (пульсоксиметр, тонометр и т. д.) (критерий Эта 0,155, $p < 0,01$), при этом регулярность использования таких устройств увеличивается с возрастом. Более того, нецифровой селф-трекинг чуть больше распространен среди женщин, имеющих опыт семейных отношений. Должно быть, умение обращаться с домашними устройствами для измерения различных показателей здоровья — например давления, сахара крови, температуры тела — также входит в перечень обязательных навыков современной женщины, осуществляющей заботу о других членах семьи.

Одной из наиболее популярных практик цифровой заботы о себе у респондентов является селф-трекинг. 39,7 % женщин и 29,0 % мужчин отметили, что рассматривают его в качестве способа оптимизации своего образа жизни (а не решения медицинских проблем), что подчеркивает скорее индивидуалистическую и превентивную направленность данной практики. В целом перечень параметров и интенсивность их отслеживания в группах мужчин и женщин варьируют слабо (табл. 2). Тем не менее мужчины несколько чаще контролируют пульс/сердцебиение (критерий Эта 0,145, $p < 0,01$), а женщины — количество выпитой воды.

Таблица 2

Показатели здоровья, контролируемые мужчинами и женщинами, вовлеченными в цифровой селф-трекинг (N = 420), %

Показатель	Мужчины (N = 186)	Женщины (N = 234)
Количество шагов	79,0	84,6
Величина пройденной дистанции	61,0	53,4
Пульс/сердцебиение	60,8	46,2
Качество сна	29,0	24,4
Потребленные калории	19,9	20,1
Количество выпитой воды	10,2	16,7
Женский цикл	Нерелевантно	29,1
Психологическое благополучие	5,9	5,6
Вредные привычки	4,3	3,9

В группе женщин управление определенными периодами жизни рассматривается как значимый аспект оптимизации благополучия: почти треть контролируют свой менструальный цикл с помощью цифровых устройств. Результаты

интервью позволяют заключить, что данная практика оказывается наименее рефлекслируемой со стороны информанток и максимально встроенной в их повседневность:

Например, я использую приложение «Дни цикла», мне это удобно, потому что не нужно искать календарь бумажный и отмечать кружочками дни. Еще приложение помогает указывать твои эмоциональные состояния, аппетит, эмоции. Я могу отслеживать, когда у меня начинается ПМС, — что-то не так, смотрю на приложение, понимаю, что началось. Мне становится от этого легче (Ж, 24 года).

Сегодня цифровые «помощники» приобретают субъектность и им делегируется часть обязанностей по управлению самочувствием пользователя. Женщины ориентируются на рекомендации, поставляемые девайсами, для интерпретации личных физиологических и психологических ощущений. Информантки также делились опытом цифрового самомониторинга в период беременности:

Я туда записываю вес, чтобы знать. Я там смотрю, допустим, по неделям, чтобы прийти к врачу и точно сказать: «У меня там 20 недель и 5 дней». Чтобы точно, вот. И там я почитываю, что вот у Вас там такая-то неделя, у Вас живот может расти. То есть каждый день там информация идет, что у Вас может быть, да (Ж, 35 лет).

Таким образом, женское тело чаще мужского предстает как объект наблюдения на предмет выявления потенциальных отклонений от медицинской нормы. Обеспокоенность репродуктивным здоровьем определяет и специфику блогеров, на которых подписаны женщины: среди них часто упоминаются гинекологи, репродуктологи, сексологи. Специалисты данного профиля не входят в число инфлюенсеров у мужчин, что отражает различия в гендерных нормах, делегирующих женщинам ответственность за рождение детей. В интервью женщины нередко отмечали, что такие события в их жизни, как беременность и рождение детей, служили «поворотными моментами» в изменении поведения, связанного с поддержанием личного самочувствия, а сегодня подталкивают их использовать для этих целей и цифровые технологии — подписываться на блогеров, участвовать в онлайн-марафонах питания, устанавливать мобильные приложения для селф-трекинга.

В применении цифровых технологий для поддержания здоровья проявляются и распространенные представления о соответствующих каждому полу правильных способах оптимизации своей телесности. В современной культуре мужчинам приписывается большая обеспокоенность физическим состоянием, тогда как женщинам — внешней привлекательностью. Стремление соответствовать нормативным ожиданиям и иметь стройную фигуру стимулирует женщин контролировать свой вес. Согласно данным телефонного опроса, женщины более склонны следить за своим питанием (43,8 % в группе женщин против 35,4 % в группе мужчин контролировали калории в течение последней недели), тогда как мужчины значительно чаще участвуют в марафонах и играх (критерий Эта 0,155, $p < 0,01$), в том числе онлайн: когда-либо делали это 35,6 % мужчин и 21,2 % женщин.

Представителям обоих полов свойственно комбинировать цифровые практики заботы о здоровье: вовлечение в одну связано с вовлечением в другие, при этом в данном случае наблюдаются одни из самых высоких коэффициентов корреляции. Например, среди женщин те, кто ищет медицинскую информацию в Интернете, склонны посещать форумы и онлайн-сообщества (0,374²), делиться информацией об опыте выздоровления или жизни с недугом в социальных сетях (0,167), читать посты и паблики блогеров (0,423), использовать цифровые устройства для самомониторинга (0,260) и дистанционно общаться с врачом (0,195). Близкая ситуация наблюдается в группе мужчин.

Помимо выявления вовлеченности в цифровые практики заботы о здоровье мужчин и женщин в целом по выборке, мы стремились обнаружить контексты и факторы применения инноваций в каждой группе. Среди таковых нами были выделены оценка респондентов своего здоровья, доверие институту здравоохранения, частота использования Интернета, возраст, образование, семейное положение и социально-экономический статус. Наиболее значимыми факторами, обуславливающими применение цифровых технологий для поддержания хорошего самочувствия, в обеих рассматриваемых группах оказались возраст и частота использования Интернета в целом, в том числе с отличными от заботы о здоровье целями. Несмотря на варьирование коэффициентов корреляции (табл. 3), именно эти параметры достаточно постоянны. Таким образом, чем моложе респонденты, тем чаще они вовлекаются в цифровые практики заботы о себе. Полагаем, что в этом случае инновации применяются не столько в целях решения имеющихся проблем со здоровьем, сколько для предотвращения их возникновения в будущем и следования модному сегодня здоровому образу жизни. Наблюдаемые среди молодежи сходства в новых способах поддержания хорошего самочувствия могут объясняться тем, что в этой возрастной группе существенно меньшее влияние на поведение оказывают семейные гендерные роли и происходит размывание некоторых стереотипов о маскулинности и фемининности.

В то время как в целом по выборке мужчины и женщины демонстрируют ряд совпадений в цифровых практиках заботы о себе, они ведут себя различным образом при наличии проблем со здоровьем. Маркерами таких трудностей могут служить имеющиеся хронические болезни и низкие оценки своего самочувствия: в обеих группах между этими показателями выявлены статистически значимые связи (0,325 для мужчин и 0,316 для женщин). По шкале от 1 до 7 (где 1 — «Я чувствую себя абсолютно больным», 7 — «Я чувствую себя абсолютно здоровым») мужчины характеризуют свое самочувствие несколько выше (5,46) по сравнению с женщинами (5,16); установленные различия оказываются очень слабыми, но при этом статистически значимыми. В обеих группах чем моложе респонденты, тем более высокие оценки они дают своему состоянию. Женщины несколько чаще маркируют себя и как носителей хронических заболеваний: 58,3 % из них указали, что имеют такие недуги, тогда как среди мужчин — 42,9 % (–0,156³), при этом у первых данный показатель растет с увеличением

² Здесь и далее, если не указано иное, критерий Спирмена, $p < 0,01$.

³ Частота использования тех или иных практик измерена по шкале от более частого к менее частому, вследствие чего возникает отрицательный коэффициент корреляции при положительном направлении связи.

возраста (-0,265). Большая обеспокоенность женщин своим самочувствием выражается и в их несколько большей склонности перепроверять назначения врача: делали это в течение последнего года 12,0 % мужчин и 17,1 % женщин. В настоящем исследовании обнаруживается отмечаемая многими учеными склонность женщин ниже оценивать свое здоровье и больше беспокоиться по поводу его [Паутова, Паутов, 2015].

Таблица 3

**Факторы вовлечения в цифровые практики заботы о здоровье
 в группах мужчин и женщин**

Цифровая практика заботы о здоровье	Коэффициент корреляции Спирмена, $p < 0,05$			
	Мужчины		Женщины	
	Частота использования Интернета	Возраст	Частота использования Интернета	Возраст
Поиск информации о здоровье в Интернете	0,299	0,291	0,426	0,279
Посещение форумов и сетевых сообществ, посвященных вопросам здоровья	0,207	0,319	0,275	0,291
Шеринг в сетевых сообществах или на специализированных форумах информацией о своем здоровье, опыте выздоровления и т. д.	0,114	0,147	0,161	0,152
Чтение пабликов, постов блогеров, просмотр видео в Интернете, посвященного вопросам здоровья	0,276	0,262	0,300	0,361
Подписка на конкретных блогеров, рассказывающих о здоровье, в одной из социальных сетей	–	–	0,144	0,159
Дистанционное общение с врачом с использованием электронных средств связи (телемедицинские сервисы, мессенджеры, электронная почта и т. д.)	0,140	0,202	0,163	0,234
Цифровой селф-трекинг	0,273	0,332	0,296	0,402

Наличие проблем со здоровьем стимулирует мужчин и женщин чаще использовать нецифровые приборы для контроля своего состояния (термометр, глюкометр, тонометр, пульсоксиметр и т. д.). При хронических заболеваниях коэффициенты корреляции составляют 0,224 для мужчин и 0,231 для женщин. Чем ниже мужчины и женщины оценивают состояние своего здоровья, тем более вероятно их вовлечение в нецифровой селф-трекинг (0,233 для мужчин и 0,263 для женщин). Важно отметить, что цифровой самомониторинг в этом случае не востребован. Это подтверждает наши предположения о его применении преимущественно в целях профилактики. Вместе с тем в ситуации медицинских трудностей наблюдаются некоторые гендерные различия в практиках заботы о здоровье, в том числе цифровых. Так, мужчины с хроническими заболеваниями чуть чаще приходят на очный прием к врачу (0,172), а также обращаются к Интернету в поисках медицинской информации (0,158), посещают форумы и онлайн-сообщества (0,192). В этой группе низкие оценки своего самочувствия слабо, но статистически значимо коррелируют с практиками шеринга информацией о здоровье и болезни в социальных сетях (0,158). Женщины, имеющие хронические недуги, а также ниже оценивающие состояние своего здоровья, в качестве источника медицинских сведений предпочитают телевизионные программы (0,195 и 0,227 соответственно). Таким образом, при возникновении проблем со здоровьем мужчины проявляют большую активность по сравнению с женщинами и используют более широкий спектр новых способов заботы о себе, в том числе цифровых. Женщины в этом случае более консервативны и демонстрируют привычные практики поддержания своего самочувствия.

Чем менее здоровыми чувствуют себя мужчины и женщины, тем чаще они перепроверяли назначения врача в течение последнего года (0,153 и 0,167 соответственно). Такого рода недоверие побуждает мужчин и женщин посещать врача очно (0,196 и 0,193 соответственно), а также обращаться к Интернету в поисках медицинской информации (0,186 и 0,143). В этой ситуации мужчины также склонны прибегать к услугам телемедицины (0,201). Вероятно, наблюдаемая ситуация может быть охарактеризована как поиск второго мнения, при этом мужчины вновь чуть более активны.

Интересных значимых связей цифровых практик заботы о здоровье с социально-экономическим статусом выявить не удалось. В группе женщин фактор семейного положения оказывается значимым во многих случаях, однако, вероятно, здесь определенную роль играет параметр возраста. Например, такие практики, как цифровой селф-трекинг, посещение сетевых интернет-сообществ и чтение постов блогеров, несколько в большей степени свойственны тем, кто никогда не был замужем, т. е. более молодым женщинам. Следует также отметить, что в группе мужчин связи между семейным положением и вовлеченностью в использование новых способов заботы о здоровье выражены гораздо слабее. Таким образом, у мужчин наличие семьи не является значимой детерминантой поведения, связанного со здоровьем, тогда как у женщин это значимый фактор.

Выводы

Сегодня d-Health воплощается в многообразии новых практик заботы о здоровье, одним из факторов вовлечения в которые выступают гендерные различия, детерминируемые, в свою очередь, социокультурными представлениями о соответствующем каждому полу поведении, связанном со здоровьем. Несмотря на то что в определенных ситуациях мужчины и женщины демонстрируют сходные практики заботы о себе, нам удалось обнаружить и некоторые вариации в применении цифровых инноваций. Во-первых, использование технологий женщинами обусловлено содержанием семейных ролей. Поскольку сегодня именно женщины осуществляют заботу о членах семьи и несут ответственность за их здоровье, инновации применяются ими в целях оказания помощи не только себе, но и детям, и ближайшим родственникам. Женщины чаще общаются с докторами, лучше ориентируются в многообразии медицинской информации, а сегодня для этих целей прибегают и к цифровым технологиям. Отметим, что семейный статус гораздо слабее обуславливает практики заботы о здоровье в группе мужчин. Можно предположить, что в среднем применение инноваций у мужчин носит преимущественно индивидуалистический характер (самозабота), тогда как у женщин — «социальный» (забота о других).

Во-вторых, некоторые различия в мотивах и контекстах поддержания здоровья в группах мужчин и женщин могут объясняться распространенными в обществе представлениями о телесной норме и правильных способах оптимизации тела. Требования к мужчинам быть более физически активными и атлетичными, а к женщинам — стройными и подтянутыми побуждают их практиковать соответствующие способы заботы о себе.

В-третьих, ключевыми детерминантами вовлечения представителей обеих групп в применение новых способов сохранения здоровья оказались возраст и частота использования Интернета в целом. Молодые мужчины и женщины демонстрируют схожие практики поддержания хорошего самочувствия, имеющие преимущественно превентивный и индивидуалистический характер, что может трактоваться как результат пока слабого влияния семейных ролевых требований и размывания гендерных стереотипов у молодежи.

В-четвертых, наибольшие различия в использовании цифровых технологий между мужчинами и женщинами отмечаются при наличии проблем со здоровьем. В то время как первые применяют широкий репертуар цифровых ресурсов (Интернет, форумы и онлайн-сообщества), выступая своеобразными «инноваторами», вторые демонстрируют консервативность, сохраняя приверженность телевизионным передачам о здоровье как основному источнику медицинской информации. Обеспокоенность собственным состоянием и физический дискомфорт стимулируют мужчин быть более активными в отношении собственного здоровья — обращаться к многообразным ресурсам в поисках медицинской экспертизы, т. е. демонстрировать поведение, обычно свойственное женщинам. В ситуации трудностей со здоровьем в обеих группах популярен нецифровой селф-трекинг. Полагаем, что цифровые гаджеты для самомониторинга здоровья не рассматриваются пользователями как поставщики надежных

данных о заболевшем теле, а привлекаются преимущественно в целях оптимизации образа жизни в контексте условного благополучия.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования были обнаружены гендерные особенности цифровых практик заботы о здоровье. Однако реализованный анализ позволяет заключить, что на сегодняшний день не инновации создают различия в способах поддержания хорошего самочувствия; скорее, наоборот, существующие неравенства и разрывы проявляются в использовании технологий. В результате успешность цифровизации здравоохранения зависит от учета многих факторов, детерминирующих поведение, связанное со здоровьем, одним из которых выступает гендер.

Список источников

- Браун Дж., Панова Л. В., Русинова Н. Л.* Гендерные различия в здоровье // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 114—122.
- Бурмыкина О. Н.* Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 9, № 2. С. 101—119.
- Включение гендерной проблематики в деятельность ВОЗ. Гендерная политика ВОЗ. 2002. URL: <http://www.who.int/gender/mainstreaming/Russianwhole.pdf> (дата обращения: 10.04.2021).
- Гордеева С. С.* Гендерные различия в отношении к здоровью: социологический аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2010. № 2. С. 113—120.
- Лебедева-Несевря Н., Цинкер М. Ю.* Различия в показателях здоровья работающих женщин и мужчин в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 3. С. 7—25.
- Паутова Н. И., Паутов И. С.* Гендерные особенности самооценки здоровья и его восприятия как социокультурной ценности: (по данным 21-й волны RLMS-HSE) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 60—75.
- Телемедицина на службе здоровья женщин. URL: <https://telemedicina.ru/news/video/telemeditsina-na-sluzhbe-zdorovyu-a-jenschin> (дата обращения: 10.04.2021).
- Bidmon S., Terlutter R.* Gender differences in searching for health information on the internet and the virtual patient-physician relationship in Germany: exploratory results on how men and women differ and why // Journal of Medical Internet Research. 2015. Vol. 17, № 6. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/10190637> (дата обращения: 10.04.2021).
- Bird Ch. E., Rieker P. P.* Gender matters: and integrated model for understanding men's and women's health // Social Science and Medicine. 1999. Vol. 48, № 6. P. 745—755.
- Bol N., Helberger N., Weert J. C.* Differences in mobile health app use: a source of new digital inequalities? // The Information Society. 2018. Vol. 34, iss. 3. P. 183—193.
- Depper A., Howe P. D.* Are we fit yet?: English adolescent girls' experiences of health and fitness apps // Health Sociology Review. 2016. Vol. 26, iss. 1. P. 98—112.
- Grossman D., Grindlay K.* Safety of medical abortion provided through telemedicine compared with in person // Obstetrics & Gynecology. 2017. Vol. 130, iss. 4. P. 778—782.
- Jin D., Halvari H., Maehle N., Niemiec Ch. P.* Self-tracking in effortful activities: gender differences in consumers' task experience // Journal Consumer Behavior. 2021. Vol. 20, iss. 1. P. 173—185.

- Kraschnewski J. L., Chuang C. H., Poole E. S., Peyton T., Blubaugh I., Pauli J., Feher A., Reddy M. Paging «Dr. Google»: does technology fill the gap created by the prenatal care visit structure?: qualitative focus group study with pregnant women // *Journal of Medical Internet Research*. 2014. Vol. 16, № 6. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24892583/> (дата обращения: 10.04.2021).
- Lupton D. Health promotion in the digital era: a critical commentary // *Health Promotion International*. 2014. Vol. 30, iss. 1. P. 174—183.
- Lupton D., Pedersen S. An Australian survey of women's use of pregnancy and parenting apps // *Women Birth*. 2016. Vol. 29, iss. 4. P. 368—375.
- Montagni I., Cariou T., Feuillet T., Langlois E., Tzourio Ch. Exploring digital health use and opinions of university students: field survey study // *JMIR Mhealth Uhealth*. 2018. Vol. 6, № 3. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29549071/> (дата обращения: 10.04.2021).
- Oksuzyan A., Shkolnikova M., Vaupel J., Christensen K., Shkolnikov V. Sex differences in health and mortality in Moscow and Denmark // *European Journal of Epidemiology*. 2014. Vol. 29, № 4. P. 243—252.
- Rieker P. P., Bird Ch. E. Rethinking gender differences in health: why we need to integrate social and biological perspectives // *The Journals of Gerontology. Ser. B, Psychological Sciences and Social Sciences*. 2005. Vol. 60, iss. 2. P. 40—47.
- Robinson L., Cotten S. R., Ono H. et al. Digital inequalities and why they matter // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18, iss. 5. P. 569—582.
- Ross A. A. Tracking health and fitness: a cultural examination of self-quantification, biomedicalization, and gender // *eHealth: Current Evidence, Promises, Perils and Future Directions* / ed. by T. M. Hale, W.-Y. S. Chou, S. R. Cotten, A. Khilnani. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2018. P. 123—151. (Studies in Media and Communications; vol. 15).
- Weiss D., Rydland H. T., Øversveen E., Jensen M. R., Solhaug S., Krokstad S. Innovative technologies and social inequalities in health: a scoping review of the literature // *PLoS ONE*. 2018. Vol. 13, № 4. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29614114/> (дата обращения: 10.04.2021).
- Zampino L. Self-tracking technologies and the menstrual cycle: embodiment and engagement with lay and expert knowledge // *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*. 2019. Vol. 10, № 2. P. 31—52.

References

- Bidmon, S., Terlutter, R. (2015) Gender differences in searching for health information on the internet and the virtual patient-physician relationship in Germany: exploratory results on how men and women differ and why, *Journal of Medical Internet Research*, vol. 17, no. 6, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/10190637> (accessed 10.04.2021).
- Bird, Ch. E., Rieke, P. P. (1999) Gender matters: and integrated model for understanding men's and women's health, *Social Science and Medicine*, vol. 48, no. 6, pp. 745—755.
- Bol, N., Helberger, N., Weert, J. C. (2018) Differences in mobile health app use: A source of new digital inequalities?, *The Information Society*, vol. 34, iss. 3, pp. 183—193.
- Braun, Dzh., Panova, L. V., Rousinova, N. L. (2007) Gendernye razlichiiia v zdorov'e [Gender health differences], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, vol. 6, no. 278, pp. 114—122.
- Burmykina, O. N. (2006) Gendernye razlichiiia v praktikakh zdorov'ia: podkhody k ob"iasneniiu i ėmpiricheskiĭ analiz [Gender differences in health practices: explanatory

- approaches and empirical analysis], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 9, no. 2, pp. 101—119.
- Depper, A., Howe, P. D. (2016) Are we fit yet?: English adolescent girls' experiences of health and fitness apps, *Health Sociology Review*, vol. 26, iss. 1, pp. 98—112.
- Gordeeva, S. S. (2010) Gendernye razlichii v otnoshenii k zdorov'iu: sotsiologicheskii aspekt [Gender differences in attitudes to health: a sociological aspect], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Sociologii*, vol. 2, no. 2, pp. 113—120.
- Grossman, D., Grindlay, K. (2017) Safety of medical abortion provided through telemedicine compared with in person, *Obstetrics & Gynecology*, vol. 130, iss. 4, pp. 778—782.
- Jin, D., Halvari, H., Maehle, N., Niemiec, Ch. P. (2021) Self-tracking in effortful activities: gender differences in consumers' task experience, *Journal Consumer Behavior*, vol. 20, iss. 1, pp. 173—185.
- Kraschnewski, J. L., Chuang, C. H., Poole, E. S., Peyton, T., Blubaugh, I., Pauli, J., Feher, A., Reddy, M. (2014) Paging “Dr. Google”: Does technology fill the gap created by the prenatal care visit structure?: Qualitative focus group study with pregnant women, *Journal of Medical Internet Research*, vol. 16, no. 6, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24892583/> (accessed 10.04.2021).
- Lebedeva-Nesevria, N., Tsinker, M. (2018) Razlichii v pokazateliakh zdorov'ia rabotaiushchikh zhenshchin i muzhchin v Rossii [Sex differences in health of working population in Russia], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 21, no. 3, pp. 7—25.
- Lupton, D. (2014) Health promotion in the digital era: a critical commentary, *Health Promotion International*, vol. 30, iss. 1, pp. 174—183.
- Lupton, D., Pedersen, S. (2016) An Australian survey of women's use of pregnancy and parenting apps, *Women Birth*, vol. 29, iss. 4, pp. 368—375.
- Montagni, I., Cariou, T., Feuillet, T., Langlois, E., Tzourio, Ch. (2018) Exploring digital health use and opinions of university students: field survey study, *JMIR Mhealth Uhealth*, vol. 6, no. 3, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29549071/> (accessed 10.04.2021).
- Oksuzyan, A., Shkolnikova, M., Vaupel, J., Christensen, K., Shkolnikov, V. (2014) Sex differences in health and mortality in Moscow and Denmark, *European Journal of Epidemiology*, vol. 29, no. 4, pp. 243—252.
- Pautova, N. J., Pautov, I. S. (2015) Gendernye osobennosti samoocenki zdorov'ia i ego vospriiatii kak sotsiokul'turnoi tsennosti: (Po dannym 21-ĭ volny RLMS-HSE) [Gender characteristics of health self-assessment and perception as a socio-cultural value: (Based on the data of the 21st round of RLMS-HSE)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 60—75.
- Rieker, P. P., Bird, Ch. E. (2005) Rethinking gender differences in health: why we need to integrate social and biological perspectives, *The Journals of Gerontology*, ser. B, Psychological Sciences and Social Sciences, vol. 60, iss. 2, pp. 40—47.
- Robinson, L., Cotten, S. R., Ono, H. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter, *Information, Communication & Society*, vol. 18, iss. 5, pp. 569—582.
- Ross, A. A. (2018) Tracking health and fitness: a cultural examination of self-quantification, biomedicalization, and gender, in: Hale, T. M., Chou, W.-Y. S., Cotten, S. R., Khilnani, A. (eds), *eHealth: Current Evidence, Promises, Perils and Future Directions* (Studies in Media and Communications, vol. 15), Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 123—151.
- Vkliuchenie gendernoĭ problematiki v deiatel'nost' VOZ. Gendernaia politika VOZ* (2002) [Gender mainstreaming in WHO activities. WHO gender policy], available from <http://www.who.int/gender/mainstreaming/Russianwhole.pdf> (accessed 10.04.2021).

- Weiss, D., Rydland, H. T., Øversveen, E., Jensen, M. R., Solhaug, S., Krokstad, S. (2018) Innovative technologies and social inequalities in health: a scoping review of the literature, *PLoS ONE*, vol. 13, no. 4, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29614114/> (accessed 10.04.2021).
- Zampino, L. (2019) Self-tracking technologies and the menstrual cycle: embodiment and engagement with lay and expert knowledge, *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 31—52.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 21.07.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 21.07.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Богомяжкова Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e.bogomyagkova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Theory and History of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 108—117.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 108—117.

Научная статья

УДК 316.334.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.7

КОНЦЕПЦИЯ АГЕНТНОСТИ КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

Софья Михайловна Ребрей

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofiarebrey@gmail.com

Аннотация. Агентность — одно из ключевых понятий в сфере равенства возможностей. При том что это понятие занимает важное место в гендерном экономическом анализе, оно не введено в русскоязычный научный оборот. Автор стремится заполнить данный пробел, проследив историю формирования концепции агентности в гуманитарных науках разных направлений в России и мире. Особое внимание уделяется разработанным методам по определению уровня агентности как новым и эффективным инструментам для измерения гендерного неравенства и женской бедности. Обоснована актуальность проведения исследований агентности российских женщин и мужчин.

Ключевые слова: агентность, гендерное неравенство, экономическая теория

Для цитирования: Ребрей С. М. Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 108—117.*

Original article

THE CONCEPT OF AGENCY AS A NEW APPROACH TO MEASURING GENDER INEQUALITY

Sofia M. Rebrey

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs
of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sofia rebrey@gmail.com

Abstract. Agency is one of the key concepts in A. Sen's capabilities approach. Occupying an important place in gender economic analysis, the concept has not been introduced into the Russian academic discourse. This article seeks to fill this gap by tracing the history of the formation of the concept of agency in various areas of the humanities in Russia and in the world. Particular attention is paid to the developed methods for measuring agency as the most effective tools to combat gender inequality and poverty feminization. The research of the agency level of both Russian women and men is highly recommended.

Key words: agency, gender equality, economic theory

For citation: Rebrey, S. M. (2022) Kontsepsiia agentnosti kak novyi podkhod k izmereniiu gendernogo neravenstva [The concept of agency as a new approach to measuring gender inequality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 108—117.

Введение

Агентность — это способность агента свободно выбирать желаемую цель и способ достижения цели и, наконец, достигать ее. Концепция агентности позволяет расширить общепринятый метод измерения благосостояния, традиционно сфокусированный на доходах, дополнив его другими аспектами жизни человека, такими как здоровье, образование [Sen, 1985; Kabeer, 1999, 2008; Samman, Santos, 2009; Ibrahim, Alkire, 2007], социальный капитал [Ambrey et al., 2017; Puga, Soto, 2018], психоэмоциональный интеллект [Samman, Santos, 2009] и пр. Такой подход дает возможность, с одной стороны, глубже исследовать факторы гендерного неравенства и женской бедности, а с другой — преодолеть теоретические ограничения экономического анализа, не позволяющие включить в полной мере в исследование женщин, поскольку женщины, как основные доноры заботы, слабо соотносятся с понятием «homo economicus».

В классической экономической теории homo economicus рассматривается как эгоистичный, автономный и рациональный индивид. Такой взгляд произрастает из ставшего классическим сюжета из книги «The Wealth of Nations» А. Смита о мяснике, пивоваре и булочнике, которые продают результаты своего труда исходя из эгоистических соображений [Smith, 2014]. Однако А. Сен утверждает, что идея Смита о роли эгоизма в человеческой натуре явно гипертрофирована [Sen, 2011]: в этой книге слово «эгоизм» Смит использует всего 1 раз (в русскоязычной версии 2 раза). Тогда как в другом монументальном труде — «The Theory of Moral Sentiments» — Смит подробно исследует сложную человеческую натуру и представляет эгоизм (эгоистичные страсти) как один из 5 видов

страстей, обуревающих человека, причем не самый важный [Smith, Hanley, 2009]. Теория о равенстве возможностей позволяет включить в экономический анализ разные аспекты жизни агента, не только мужчины, но и женщины. Поэтому измерение агентности в последние годы занимает важное место в гендерных экономических исследованиях. В российский научный экономический дискурс этот термин пока не введен.

Настоящее исследование стремится заполнить данный пробел и ввести в российский научный оборот концепцию агентности, соотнести ее со схожими концепциями других российских гуманитарных наук и изучить возможности гендерного экономического анализа на ее основе.

Трудности перевода: концепция «agency»

Амартия Сен — экономист и философ, лауреат Нобелевской премии — разработал теорию о равенстве возможностей, которая легла в основу многих исследований по гендерному экономическому анализу (см., напр.: [Alkire, 2005; Nussbaum, 2003]). Термин «agency» — один из опорных в трудах Сена, но в переводах на русский язык этот термин «пропадает». В книге «Идея справедливости» «agency» переводится как «деятельность», «действие», «собственные действия», «собственное участие», «действующие лица», «вопросы представительств», «ответственность» и, наконец, «агентность» — «способность агента совершать действия» [Сен, 2016]. Определение, предложенное переводчиком, ставит под вопрос необходимость введения специального термина и позволяет редуцировать его до «деятельности» или «действий», а иногда и до «ответственности». Но как в таком случае связаны «ответственная деятельность» и «вопросы представительств»?

В книге Сена «Развитие как свобода» термин «agency» также в большинстве случаев переводится как «деятельность» или «действия», хотя в сносках можно найти определение агента как человека, который своими действиями способствует переменам и о достижениях которого судят исходя из его собственных стремлений и ценностей. Сен обращает внимание, что термин «деятельность агента» носит коллективный характер: его интересует деятельность индивида как члена общества и участника экономических, социальных и политических акций (начиная с его присутствия на рынке до вовлеченности, прямой или опосредованной, в индивидуальную либо совместную деятельность в политической и прочих сферах) [Сен, 2004].

Проследить логическую связь между агентом и коллективным аспектом его деятельности не составляет труда: this work is particularly concerned with the agency role of the individual as a member of the public and as a participant in economic, social and political actions. Сен рассуждает о сложной взаимосвязи коллективного и личного аспектов агентности и подчеркивает, что в своей работе он фокусируется на первом [Sen, 2001].

Слово «agency» образовано от латинского «agens» — действующий. В русский язык в «Словарь иностранных слов» оно пришло со следующим определением: 1) учреждение, действующее по поручению какой-либо торговой фирмы или правительственного установления; 2) деятельность, занятие агента (сост. А. Н. Чудинов, 1910). Хотя второе значение со временем упразднилось

(в современных толковых словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова приводится только первое значение), именно оно используется в англоязычном дискурсе: агентства рассматриваются как комплементарные институтам структуры, которые формируют групповые и личные свойства агентов.

Формирование и развитие концепции агентности

Концепция агентности (как и институтов) зарождается в эпоху Просвещения как элемент гуманизма. Наличие агентности, т. е. осознанности в целеполагании и достижении целей, — это то, что отличает человека от животного. Р. Декарт определяет существование человека как его способность думать: «*Cogito, ergo sum*». И. Кант расширяет понимание агентности за счет вопросов самосознания и трансцендентальной субъективности: недостаточно думать и действовать; для того чтобы стать агентом, необходимо делать это осознанно. Ф. Ницше оспаривал главенствующую роль осознанности агентов, объясняя мотивацию человека типичными гендерными сексуальными фиксациями, иррациональными суждениями и властью бессознательного. К. Маркс, напротив, отдавал приоритет материальным условиям и их влиянию на формирование агентности. В рамках постгуманизма в трудах Дж. Батлер, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лакана и других продолжает подвергаться сомнению действительная свобода выбора агентов, особенно при выборе целей, и осмысляться формирующая функция институтов.

В экономический анализ агентность попадает благодаря сеновским лекциям, в которых он определяет свободу агентности как «свободу достигать тех целей, которые человек, как ответственный агент, решил достичь» [Sen, 1985: 203—204].

Агентность позволяет объяснить разницу между возможностями и достижениями агентов, обладающих одинаковыми благами, поэтому особую актуальность эта концепция обрела именно в гендерных исследованиях, так как гендерные стереотипы и культурные нормы зачастую определяют разные возможности мужчин и женщин одной страны или женщин из разных стран. Например, женщины, которые проживают в Скандинавии или монархиях Персидского залива и обладают одинаковым уровнем образования, смогут воспользоваться им и реализовать свой потенциал на практике в разной степени.

Концепция агентности в российских гуманитарных науках

Кроме экономической теории, концепция агентности разрабатывается и в других направлениях российских гуманитарных наук. В частности, в психологии и педагогике введен термин «субъектность», означающий определенный набор качеств человека, которые характеризуют сферу его деятельностных способностей, его способность к самодетерминации, творческой активности и др. [Леонтьев, 1977]. Е. А. Волкова понимает субъектность как отношение человека к себе как к деятелю и включает эмоциональный отклик на себя и других людей. Развитие субъектности рассматривается как степень осознания изменений, происходящих с человеком и производимых им [Волкова, 1998].

Субъектность не ограничивается индивидуальными качествами субъекта, а проявляется в способности производить взаимообусловленные изменения

в мире и в человеке [Волкова, 1998; Стахнева, 2010]. Важным направлением исследований мировой и отечественной психологии выступает детская субъектность и ее зависимость от психологического благополучия матери [Персиянцева, 2017], что представляет большой интерес и для экономических исследований в контексте формирования человеческого капитала.

Термин «субъектность» отсутствует в русскоязычных словарях по философии и психологии. Исключение составляет «Краткий психологический словарь», согласно которому субъектность человека проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании [Карпенко и др., 1998].

Измерение агентности в гендерном анализе

Измерение агентности основывается на глубинных интервью и тестированиях, способных выявить наличие или отсутствие агентности — независимости суждений и решений агентов на трех уровнях: контроль над принятием личных решений, решений на уровне домохозяйства и на уровне сообщества. Разделяют объективную и субъективную оценку агентности [Samman, Santos, 2009; Ibrahim, Alkire, 2007]. Развитие этого направления исследований основывается на достижениях психологии: осмыслении когнитивных аспектов агентности [The Sense of Agency, 2015] и разработанных методах интервьюирования. Когнитивное тестирование помогает выявить, как гендерные стереотипы влияют на выбор карьерного пути [Venes, Kieran, 2018]. Индекс относительной автономности, разработанный для оценки мотивации школьников [Ryan, Deci, 2000], позволяет определить эндогенный или экзогенный характер мотивации агентов [Vaz et al., 2016]. Процесс целеполагания исследуется при помощи опроса о постановке целей, предназначенного для повышения эффективности работы сотрудников [Latham, Locke, 1979]. Описание целей в области благосостояния в глубинных интервью позволяет увидеть, что мужчины четче, чем женщины, представляют и описывают свои цели и методы их достижения [Johnson, 2015]. Концепция локуса контроля Роттера (1957 г.) позволяет разделить людей на склонных объяснять происходящее внешними факторами или же — собственным поведением [Abbas, 2016; Heckman, Kautz, 2012]. В экономических изысканиях исследование локуса контроля разделено по институтам (образование, здравоохранение, труд и пр.). В частности, был разработан экономический локус контроля, который оценивает, насколько агент связывает свое экономическое благосостояние с внутренними или внешними факторами [Furnham, 1986] и как это отражается на страновых и гендерных моделях финансового поведения [Plunkett, Buehner, 2007]. Согласно теории самоэффективности А. Бандуры, вера в собственные силы является важной составляющей успеха (см.: [Chen et al., 2001]).

Подавляющее число гендерных исследований агентности основано на интервью, проведенных авторами самостоятельно. Такие исследования позволяют распознать механизмы дискриминации и депривации на микроуровне. Например, исследование 7 непальских деревень показывает, что женщины с низким уровнем образования склонны делегировать принятие решений мужчинам [Acharya, Bennet, 1983]. Данные, собранные на Шри-Ланке, показывают, что образование и занятость способствуют обретению независимости в принятии финансовых

решений, однако более важное значение для роста женской агентности имеет наличие организационных и социальных способностей [Malhotra, Mather, 1997].

В целом проведение глубинных интервью для измерения агентности ограничено национальной спецификой, а специальные индексы, допускающие межстрановые сравнения, не позволяют провести ретроспективный анализ и очень лимитированы в масштабах. Хотя имеются работы, в которых собраны данные по нескольким странам. Например, исследование Пакистана, Малайзии, Филиппин и Таиланда выявляет решающую роль владения землей на рост женской агентности [Mason, 1998]. Другим источником данных для изучения агентности выступают национальные опросы, например в Гондурасе [Speizer et al., 2005], в Бангладеш [Pitt et al., 2003]. Такой подход позволяет преодолеть временные ограничения исследования, но не позволяет проводить межстрановые сравнения.

Решение проблемы — международные опросы и базы данных. Так, на основе опроса по демографии и здравоохранению («Demographic and Health Survey») проведен ряд исследований агентности. В Египте выявлено влияние доступных методов контрацепции на возможности женщин планировать деторождение [Govindasamy, Malhotra, 1996]. Между ростом женской агентности и младенческой смертностью существует сильная обратная зависимость; между ростом женской агентности и детской вакцинацией — положительная зависимость [Kishor, 2000]. Основным недостатком этого опроса является отсутствие данных о мужчинах, что не позволяет провести сравнительный анализ женской и мужской агентности. Кроме того, в базе нет данных о доходе и занятости, что также ограничивает возможности анализа. Фокус на развивающихся экономиках тоже не позволяет провести сравнение с развитыми странами. И наконец, опрос не включает данные по России.

Заключение

Использование концепции агентности существенно расширяет инструментарий анализа факторов гендерного неравенства и женской бедности. Общепринятый подход к измерению благосостояния населения, основанный на доходах, представляет собой слишком упрощенную модель жизни человека и в меньшей степени выявляет проблемы гендерного баланса и женскую проблематику.

Изучение и измерение агентности особенно актуально в гендерных экономических исследованиях, так как позволяет наряду с институциональными факторами включить в анализ личностные характеристики агентов разного пола и увидеть, как различается функционирование разных гендеров в одинаковых институтах.

Проведение национальных и международных исследований является важным и перспективным направлением развития гендерного экономического анализа, но осложняется ограниченными статистическими данными. Большинство исследований агентности посвящено развивающимся странам Африки и Азии. Изучение же в этом плане России остается крайне актуальной задачей.

Список источников

- Волкова Е. Н.* Субъектность педагога: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998. 50 с.
- Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Краткий психологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 512 с.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
- Персиянцева Е.* Проявления субъектности ребенка в зависимости от уровня психологического благополучия матери: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2017. 216 с.
- Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое изд-во, 2004. 432 с.
- Сен А.* Идея справедливости. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 520 с.
- Стахнева Л. А.* Понимание субъекта и субъектности в современной психологии // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1. С. 345—349.
- Abbas S. M. S.* Nigerian employees' study on locus of control and subjective well being: North Eastern context // *Indian Journal of Applied Research*. 2016. Vol. 6, № 4. С. 374—378.
- Acharya M., Bennet L.* Women and the Subsistence Sector: Economic Participation and Household Decision-making in Nepal / World Bank. Working Paper 526. Washington (DC), 1983.
- Alkire S.* Why the capability approach? // *Journal of Human Development*. 2005. Vol. 6, № 1. P. 115—135.
- Ambrey C., Ulichny J., Fleming C.* The social connectedness and life satisfaction nexus: a panel data analysis of women in Australia // *Feminist Economics*. 2017. Vol. 23, № 2. P. 1—32.
- Benes E., Kieran W.* ILO LFS Pilot Studies Cognitive Interviewing Tests: Methodology, Process and Outcomes. Geneva: International Labour Organization, 2018. (Statistical Methodology Series).
- Chen G., Gully S. M., Eden D.* Validation of a new general self-efficacy scale // *Organizational Research Methods*. 2001. Vol. 4, № 1. P. 62—83.
- Furnham A.* Economic locus of control // *Human Relations*. 1986. Vol. 39, № 1. P. 29—43.
- Govindasamy P., Malhotra A.* Women's position and family planning in Egypt // *Studies in Family Planning*. 1996. Vol. 27, № 6. P. 328.
- Heckman J. J., Kautz T.* Hard evidence on soft skills // *Labour Economics*. 2012. Vol. 19, № 4. P. 451—464.
- Ibrahim S., Alkire S.* Agency and empowerment: a proposal for internationally comparable indicators // *Oxford Development Studies*. 2007. Vol. 35, № 4. P. 379—403.
- Johnson S.* Capacities to Aspire and Capacities to Save: a Gendered Analysis of Motivations for Liquidity Management. Nairobi (Kenya): University of Bath, 2015. 24 p.
- Kabeer N.* Resources, agency, achievements: reflections on the measurement of women's empowerment // *Development and Change*. 1999. Vol. 30, № 3. P. 435—464.
- Kabeer N.* Paid Work, Women's Empowerment and Gender Justice: Critical Pathways of Social Change / Institute of Development Studies. Pathways Working Paper 3. Brighton: University of Sussex, 2008.
- Kishor S.* Empowerment of women in Egypt and links to the survival and health of their infants // *Women's Empowerment and Demographic Processes: Moving Beyond Cairo*. New York: Oxford University Press, 2000. P. 119—159.
- Latham G. P., Locke E. A.* Goal setting — a motivational technique that works // *Organizational Dynamics*. 1979. Vol. 8, № 2. P. 68—80.

- Malhotra A., Mather M.* Do schooling and work empower women in developing countries? Gender and Domestic Decisions in Sri Lanka // *Sociological Forum*. 1997. Vol. 12, № 4. P. 599—630.
- Mason K.* Wives' economic decision-making power in the family: five Asian Countries // *The Changing Family in Comparative Perspective: Asia and the United States*. Honolulu: East-West Center, 1998. P. 105—133.
- Nussbaum M.* Capabilities as fundamental entitlements: Sen and social justice // *Feminist Economics*. 2003. Vol. 9, № 2—3. P. 33—59.
- Pitt M. M. et al.* Credit programs for the poor and the health status of children in rural Bangladesh // *International Economic Review*. 2003. Vol. 44, № 1. P. 87—118.
- Plunkett H. R., Buehner M. J.* The relation of general and specific locus of control to intertemporal monetary choice // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 42, № 7. P. 1233—1242.
- Puga I., Soto D.* Social capital and women's labor force participation in Chile // *Feminist Economics*. 2018. Vol. 24, № 4. P. 131—158.
- Ryan R., Deci E.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 1, № 55. P. 68—78.
- Samman E., Santos M. E.* Agency and Empowerment: a Review of Concepts, Indicators and Empirical Evidence. OPHI, 2009.
- Sen A.* Well-being, agency and freedom: the Dewey lectures // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82, № 4. P. 169.
- Sen A.* Development as Freedom. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 366 p.
- Sen A.* The Idea of Justice. Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 467 p.
- Smith A., Hanley R. P.* The Theory of Moral Sentiments. New York: Penguin Books, 2009. 494 p.
- Smith A.* The Wealth of Nations. New York, 2014. 392 p.
- Speizer I. S., Whittle L., Carter M.* Gender relations and reproductive decision making in Honduras // *International Family Planning Perspectives*. 2005. Vol. 31, № 3. P. 131—139.
- The Sense of Agency* / ed. by P. Haggard, B. Eitam. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 426 p. (Oxford Series in Social Cognition and Social Neuroscience).
- Vaz A., Pratley P., Alkire S.* Measuring women's autonomy in Chad using the Relative Autonomy Index // *Feminist Economics*. 2016. Vol. 22, № 1. P. 264—294.

References

- Abbas, S. M. S. (2016) Nigerian employees study on locus of control and subjective well being: North Eastern context, *Indian Journal of Applied Research*, vol. 6, no. 4, pp. 374—378.
- Acharya, M., Bennet, L. (1983) *Women and the Subsistence Sector: Economic Participation and Household Decision-making in Nepal*, World Bank, Working Paper 526, Washington, DC.
- Alkire, S. (2005) Why the capability approach?, *Journal of Human Development*, vol. 6, no. 1, pp. 115—135.
- Ambrey, C., Ulichny, J., Fleming, C. (2017) The social connectedness and life satisfaction nexus: a panel data analysis of women in Australia, *Feminist Economics*, vol. 23, no. 2, pp. 1—32.
- Benes, E., Kieran, W. (2018) *ILO LFS Pilot Studies Cognitive Interviewing Tests: Methodology, Process and Outcomes*, Geneva: International Labour Organization.
- Chen, G., Gully, S. M., Eden, D. (2001) Validation of a New General Self-Efficacy Scale, *Organizational Research Methods*, vol. 4, no. 1, pp. 62—83.

- Furnham, A. (1986) Economic locus of control, *Human Relations*, vol. 39, no. 1, pp. 29—43.
- Govindasamy, P., Malhotra, A. (1996) Women's position and family planning in Egypt, *Studies in Family Planning*, vol. 27, no. 6, p. 328.
- Haggard, P., Eitam, B. (eds) (2015) *The Sense of Agency*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Heckman, J. J., Kautz, T. (2012) Hard evidence on soft skills, *Labour Economics*, vol. 19, no. 4, pp. 451—464.
- Ibrahim, S., Alkire, S. (2007) Agency and empowerment: a proposal for internationally comparable indicators, *Oxford Development Studies*, vol. 35, no. 4, pp. 379—403.
- Johnson, S. (2015) *Capacities to Aspire and Capacities to Save: A Gendered Analysis of Motivations for Liquidity Management*, Nairobi, Kenya: University of Bath.
- Kabeer, N. (1999) Resources, agency, achievements: reflections on the measurement of women's empowerment, *Development and Change*, vol. 30, no. 3, pp. 435—464.
- Kabeer, N. (2008) *Paid Work, Women's Empowerment and Gender Justice: Critical Pathways of Social Change*, Institute of Development Studies, Pathways Working Paper 3, Brighton: University of Sussex.
- Karpenko, L. A., Petrovskii, A. V., Iaroshevskii, M. G. (1998) *Kratkiĭ psikhologicheskii slovar'* [A brief psychological dictionary], Rostov-on-Don: Feniks.
- Kishor, S. (2000) Empowerment of women in Egypt and links to the survival and health of their infants, in: *Women's Empowerment and Demographic Processes: Moving Beyond Cairo*, New York: Oxford University Press.
- Latham, G. P., Locke, E. A. (1979) Goal setting — a motivational technique that works, *Organizational Dynamics*, vol. 8, no. 2, pp. 68—80.
- Leont'ev, A. N. (1977) *Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*: uchebnoe posobie [Activity. Conscience. Personality: Training manual], Moscow: Politizdat.
- Malhotra, A., Mather, M. (1997) Do schooling and work empower women in developing countries? Gender and Domestic Decisions in Sri Lanka, *Sociological Forum*, vol. 12, no. 4, pp. 599—630.
- Mason, K. (1998) Wives' economic decision-making power in the family: five Asian countries, in: *The Changing Family in Comparative Perspective: Asia and the United States*, Honolulu: East-West Center, pp. 105—133.
- Nussbaum, M. (2003) Capabilities as fundamental entitlements: Sen and social justice, *Feminist Economics*, vol. 9, no. 2—3, pp. 33—59.
- Persiiantseva, E. (2017) *Proiavleniia sub"ektnosti rebënka v zavisimosti ot urovnia psikhologicheskogo blagopoluchiia materi*: Dis. ... kand. psikhol. nauk [Manifestations of the subjectivity of the child depending on the level of psychological well-being of the mother: Dis. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Pitt, M. M. et al. (2003) Credit programs for the poor and the health status of children in rural Bangladesh, *International Economic Review*, vol. 44, no. 1, pp. 87—118.
- Plunkett, H. R., Buehner, M. J. (2007) The relation of general and specific locus of control to intertemporal monetary choice, *Personality and Individual Differences*, vol. 42, no. 7, pp. 1233—1242.
- Puga, I., Soto, D. (2018) Social capital and women's labor force participation in Chile, *Feminist Economics*, vol. 2, no. 4, pp. 131—158.
- Ryan, R., Deci, E. (2000) Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being, *American Psychologist*, vol. 1, no. 55, pp. 68—78.
- Samman, E., Santos, M. E. (2009) *Agency and Empowerment: A Review of Concepts, Indicators and Empirical Evidence*, OPHI.
- Sen, A. (1985) Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures, *The Journal of Philosophy*, vol. 82, no. 4, p. 169.
- Sen, A. (2001) *Development as Freedom*, New York: Alfred A. Knopf.

- Sen, A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Sen, A. (2011) *The Idea of Justice*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Sen, A. (2016) *Ideia spravedlivosti* [The idea of justice], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaïdara.
- Smith, A. (2014) *The Wealth of Nations*, New York.
- Smith, A., Hanley, R. P. (2009) *The Theory of Moral Sentiments*, New York: Penguin Books.
- Speizer, I. S., Whittle, L., Carter, M. (2005) Gender relations and reproductive decision making in Honduras, *International Family Planning Perspectives*, vol. 31, no. 3, pp. 131—139.
- Stakhneva, L. A. (2010) Ponimanie sub'ekta i sub'ektnosti v sovremennoï psikhologii [Understanding of the subject and subjectivity in modern psychology], *Uchënye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 1, pp. 345—349.
- Vaz, A., Pratley, P., Alkire, S. (2016) Measuring women's autonomy in Chad using the Relative Autonomy Index, *Feminist Economics*, vol. 22, no. 1, pp. 264—294.
- Volkova, E. N. (1998) *Sub'ektnost' pedagoga: teoriia i praktika: Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Subjectivity of a teacher: theory and practice: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Moscow.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com (Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 118—130.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 118—130.

Научная статья

УДК 316.356.2+316.334.3

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.8

**МОЛОДАЯ БЕЛОРУССКАЯ СЕМЬЯ:
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ
И ВЛИЯНИЕМ ЦЕННОСТЕЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА**

Лариса Григорьевна Титаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь,
larisa166@mail.ru

Аннотация. Государственная политика Беларуси в отношении молодых семей предусматривает предоставление им многочисленных льгот. Однако в семьях сохраняется репродуктивная установка на одного ребенка, что является результатом воздействия многих факторов, характерных для второго демографического перехода, и ценностей, культивируемых в современном обществе модерна. Исследование посвящено изучению влияния государственной социальной политики на укрепление молодой белорусской семьи как ресурса демографического развития страны. Методологическая основа исследования — гендерный подход к проблемам молодой семьи, позволяющий использовать методы демографического и социологического анализа ее функционирования, а также показать, с какими трудностями сталкивается государственная социальная политика в области семьи на практике. В выводах статьи резюмируется современная ситуация и подчеркивается необходимость системной помощи молодой белорусской семье с целью поддержания ее устойчивости и воздействия на репродуктивное поведение.

Ключевые слова: молодая семья, Беларусь, государственная социальная политика в области семьи, репродуктивное поведение, демографический переход, модерн, семейные ценности

Для цитирования: Титаренко Л. Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 118—130.

Original article

THE YOUNG BELARUSIAN FAMILY: BETWEEN THE STATE SOCIAL POLICY AND THE INFLUENCE OF THE VALUES OF DEMOGRAPHIC TRANSITION

Larisa G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, larisa166@mail.ru

Abstract. The state policy of Belarus towards the young families provides them with numerous benefits. The State expects that this policy will help young families maintain their well-being and stimulate the reproduction of the population. However, families retain a reproductive attitude to one child, which is the result of the influence of several global factors that are typical for the second demographic transition: involving women in social production and politics, providing conditions for the mass higher education among women, supporting their desire to combine their family and professional roles, and individualization. The results of the demographic transition include an increase of the late marriages and the increase in a woman's age at the birth of her first child. The aim of the article is to study the impact of Belarusian state social policy on strengthening the young family as a resource for the country's demographic development in the context of the demographic transition and the growth of values cultivated in modern society. The study is based on the methodology of gender approach to the problems of the development of young families. This approach makes possible to use demographic and sociological methods for the analysis of functioning the young families. The article shows that the problems of the State social policy the families are facing, are determined by the second demographic transition. Thus, there is a value gap between the existing generations, desire of young people to make independent decisions on the issues related to marriage and childbirth. As these trends are global, it is hardly possible to counteract them using the social policy towards the young families. The conclusion of the article summarizes the current situation and emphasizes the need for systemic support for a young family in order to maintain its sustainability and to exercise a certain impact on reproductive behavior.

Key words: young family, Belarus, social policy towards the families, reproductive behavior, demographic transition, modernity, family values

For citation: Titarenko, L. G. (2022) Molodaia beloruskaia sem'ia: mezhdugosudarstvennoĭ sotsial'noĭ politikoĭ i vliianiem tsennosteĭ demograficheskogo perekhoda [The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 118—130.

Постановка проблемы

Семья как важный социальный институт всегда находилась в сфере интересов социологов, начиная от О. Конта, который считал ее базовой ячейкой общества. Современные авторы изучают семью как объект междисциплинарного исследования, включая в него данные социологии, демографии, экономики и других дисциплин. На разных исторических этапах развития семьи в советском и постсоветском обществах при ее изучении ученые делали акценты на различных аспектах — деторождении, социальных ролях женщины в семье

и обществе, проблемах воспитания детей, гендерном равенстве [Харчев, Мацковский, 1978; Янкова, 1979; Голофаст, 2006; Юркевич, 1970; Раков, 1974; Антипова, Шахотько, 2015]. Поэтому анализ работ прежних лет, посвященных семье, представляет научный интерес для понимания происходящих изменений. В настоящее время исследования семьи соединяют прежде всего социологические, экономические и демографические аспекты [Антонов, Медков, 2010; Гурко, 2017]. Одни авторы используют при этом традиционные теоретико-методологические подходы (структурные, функционалистские, эволюционистские), другие работают в рамках гендерного подхода, т. е. исходят из необходимости соблюдения баланса в воспитании детей в семье и взаимоотношениях мужа и жены [Силласте, 2016; Титаренко, 2004]. Активно проводятся исследования проблем, которые в советское время не изучались [Здравомыслова, Темкина, 2015]. Изменяется не только исследовательская тематика, но и оптика: в фокусе внимания находятся проблемы насилия в семье, здоровье и репродуктивные права женщин, гендерная социализация.

В XXI в. наблюдается теоретико-методологическое многообразие подходов в эмпирических исследованиях семьи. Особый интерес вызывает тематика молодой семьи как ресурса демографического развития страны. Беларусь, как и многие другие индустриальные страны, столкнулась с проблемой сокращения рождаемости, что в перспективе ведет к сокращению населения и, как следствие, угрожает национальной безопасности страны [Ростовская, Шимановская, 2017; Беларусь: структура семьи... , 2018]. В условиях второго демографического перехода трудно ожидать иных тенденций, если не осуществлять соответствующую социальную поддержку семьи, хотя, как отмечал А. Г. Вишневский, на решение семьи о рождении детей воздействует сегодня «гораздо большее число факторов и обстоятельств, чем то, на которое способны повлиять меры семейной политики» [Вишневский, 2019: 101].

Целью исследования является изучение влияния государственной социальной политики на укрепление молодой белорусской семьи как социального института, одной из важных функций которого является воспроизводство населения. Под молодой семьей, согласно законодательству, понимается семья, в которой оба члена вступили в первый брак и хотя бы один является моложе 31 года (официальное завершение периода молодости в Беларуси). Такое определение создает некоторые трудности при анализе проблемы деторождения (если к моменту рождения ребенка молодым родителям уже более 31 года) и выделении долгосрочных субсидий на жилье. Однако других критериев к определению понятия «молодая семья» не практикуется.

Государственная политика в области семьи

Проблемы государственной политики в области семьи имеют большую научную и практическую значимость, так как от успешности их решения во многом зависит будущее любого общества. Эта значимость еще более возрастает, когда речь идет о такой стране, как Беларусь, рождаемость в которой в постсоветский период неуклонно снижается, а численность населения сокращается. Чтобы побороть эту тенденцию, белорусское государство многие годы проводит

сильную политику по поддержке семьи, пытаюсь косвенным образом стимулировать рождаемость, не снижая при этом числа женщин, занятых в экономике. Поскольку до недавнего времени как въездная, так и выездная миграция в Беларуси была невысокой (а въездная миграция многими демографами рассматривается как способ увеличения численности населения), задача достижения роста рождаемости могла решаться только путем мобилизации внутренних резервов. Целесообразно отметить, что государство давно обратило внимание на эту проблему, как и на необходимость гармоничного соединения женщинами социальных ролей в семье и обществе [Сосновская, 2016]. Однако процесс укрепления молодой семьи не связан напрямую с государственной помощью. Более того, современные глобальные тенденции развития общества, направленные на вовлечение женщин в общественное производство и политику, и возрастающее значение высшего образования у женщин приводят к увеличению возраста вступления женщин в брак и отсрочке рождения детей. Само наличие социальной политики в области семьи не решает проблему: нужны разделяемые населением ценности, которые поддерживают важность семьи и детей.

Сегодня в белорусском обществе в отношении семейных ценностей действуют как минимум два разнонаправленных вектора силы. Их противостояние не институционализировано, в нем хорошо просматривается только вектор, представленный государственной политикой. Второй вектор связан с целым комплексом изменений ценностей глобального характера, его влияние включает много факторов, суммарный результат воздействия которых проявляется, в частности, в снижении рождаемости. Обозначенные изменения затрагивают Беларусь, но не регулируют политику на государственном уровне.

Остановимся на первом векторе, т. е. на проводимой государством и одобряемой обществом (включая основные религиозные конфессии) семейной политике, направленной на поддержку стабильной семьи с двумя-тремя детьми. Эта политика получила закрепление в принятых государством национальных планах действий по улучшению положения детей и охране их прав, национальных программах демографической безопасности страны, во многих президентских указах по совершенствованию основных мер государственной семейной политики, национальных планах действий по обеспечению гендерного равенства. В результате реализации государственной политики в области семьи белорусские женщины имеют возможность проводить с ребенком дома три года, не теряя гарантии сохранения рабочего места, могут совмещать уход за ребенком с неполным рабочим днем. Молодым отцам также дано право на этот отпуск и бюллетень по уходу за больным ребенком (хотя им пользуются только 1 % отцов). Одиноким матери получают дополнительные пособия [Рожать или нет?, 2020]. Неоднократно экономисты поднимали вопрос о сокращении этих льгот, но подсчеты затрат на новые детские дошкольные учреждения показывают, что экономической выгоды от этого сокращения не будет. Поэтому государство не уменьшает, а увеличивает льготы для матерей, хотя данная политика провоцирует иждивенческие тенденции среди молодых семей, перекладывая заботу о семьях с детьми на государство и общество. Данный тип семейной политики с ориентацией на экономическую поддержку семьи и упрочение традиционных ценностей классифицируется в научной литературе как патерналистский

[Бурова, 2010]. Он предполагает, что семья выступает объектом активного воздействия на нее государства, в некотором роде просителем и потребителем государственных услуг, которому нельзя отказать ввиду наличия законов, поддерживающих оказание разносторонней помощи семьям с детьми.

В настоящее время такие взаимоотношения оцениваются обществом и государством как недостаточно эффективные. Обе стороны считают, что не получают желаемых результатов. По оценкам социальной политики со стороны семей — потребителей услуг, она не приносит им ожидаемой высокой экономической поддержки (больших льгот при строительстве жилья, постоянных денежных выплат и т. п.). Семейная политика социального типа способна лишь поддержать умеренный уровень жизни семей с детьми. Однако сами семьи хотели бы с помощью государственных мер поддержки реализовать все насущные потребности в детских учреждениях, уровне обслуживания, денежных выплатах, жилье [Сосновская, 2016: 259]. Патерналистская политика не достигает и поставленных государственных целей по стимулированию роста деторождения, сокращению числа разводов в молодых семьях. Так, по данным статистики, в 2020 г. на 1 тыс. населения приходилось 5.4 заключенного брака и 3.7 развода. В 2021 г. было создано 60 тыс. браков, а распалось 34 тыс., естественный прирост населения составил минус 23 тыс. человек [Беларусь в цифрах, 2021: 13]. Однако практика показывает, что семейная политика не может решать обозначенные задачи. По утверждению А. Г. Вишневого, ни в одной стране мира она не привела даже к поддержанию простого воспроизводства населения, тогда как «многие европейские страны на протяжении долгого времени предпринимали попытки с помощью самых разных мер поднять рождаемость до этого уровня» [Вишневский, 2019: 102]. Полагаем, что такой прямой цели перед белорусской семейной политикой не ставится. Скорее, цель семейной политики состоит в улучшении условий, в которых семьи (прежде всего молодые) могут реализовать свой репродуктивный потенциал, с учетом всего многообразия действующих факторов. Можно оценить эффективность семейной политики по количеству женщин, успешно совмещающих воспитание детей и занятость, по числу предоставляемых семьям услуг, по улучшению ими жилищных условий и т. п. Работающие женщины с двумя и более несовершеннолетними детьми имеют один дополнительный свободный день в неделю, могут работать на половину ставки без страха быть уволенными. В рамках такого подхода государственную семейную политику можно обозначить как положительную.

Рождение и воспитание детей требуют значительных материальных затрат семьи. Уровень жизни молодой семьи при рождении ребенка часто существенно снижается, поскольку женщина в течение длительного времени остается дома и осуществляет уход за ребенком. Снижение уровня жизни негативно влияет на последующее репродуктивное поведение, особенно в молодых семьях, несмотря на то, что многие семьи с детьми получают, кроме государственной поддержки, помощь родственников. По данным республиканского исследования семьи, такую помощь получают 46 % семей, имеющих детей до 2 лет, 62 % — имеющих детей от 3 до 6 лет, и 24 % — от 7 до 13 лет. Эту помощь оказывают родители, бабушки и дедушки; возраст 70 % доноров помощи от 40 до 69 лет [Беларусь: структура семьи... , 2018: 115].

Очевидно, что в Беларуси, где общий уровень доходов невысокий, существует опасность того, что без помощи государства детей будет рождаться еще меньше. Причины этому не только экономические (еще недавно СМИ широко освещали и поддерживали тренд *child-free*), однако ясно, что семьи с низким уровнем доходов при рождении детей находятся в прямой экономической зависимости от оказываемой им государством поддержки и в полной мере используют предоставляемые возможности. Поэтому государственная семейная политика сохраняет свою актуальность и останется такой в обозримом будущем — средством поддержания существующего уровня рождений и уровня жизни семей. Вместе с тем для всесторонней поддержки репродуктивных установок на двух- и трехдетную семью этой политики недостаточно. Она может стать важной составляющей частью системы целостного воздействия на семью, которая включила бы моральные, социальные, культурные факторы (помимо экономических), а также обеспечила искреннее уважение к семьям с детьми в обществе. Проблема в том, что эффективность социальных механизмов формирования и реализации такой системы во многом зависит как от конкретной социальной ситуации в обществе, так и от индивидуальных установок и ценностей молодых людей, вступающих в брачно-партнерские отношения. Не менее значимо влияние на молодых людей глобальных социально-культурных тенденций развития современного общества. Государство не может брать на себя функцию обеспечения полной экономической стабильности молодой семьи. Часть ответственности ложится на семьи, поскольку именно они осуществляют выбор репродуктивной модели поведения.

Влияние демографического перехода на репродуктивное поведение

Второй вектор, который определяет ситуацию, сложившуюся в социально-демографической сфере, — это демографический переход, трансформация ценностей в глобальном обществе, объективно противостоящая патернализму государственной социальной политики и традиционным ценностям. Эта трансформация радикальным образом изменила демографическую ситуацию, она определяется характером глобального общества, называемого постиндустриализмом, модерном, *modernity*, текучей современностью [Бауман, 2008; Гидденс, 2011]. Э. Гидденс писал, что в обществе современного типа, достигшем достаточно высокого экономического уровня, господствуют индивидуализм, рост значимости образования, ориентация на досуг и личные интересы, которые ставятся выше интересов общества. Что касается семьи, то, по мнению З. Баумана, «сегодня никого не удивляет, что семьи создаются и разрушаются множество раз на протяжении жизни одного человека» [Бауман, 2005: 200]. В таком обществе рост экономической самостоятельности женщин стимулирует их нежелание вступать в брак и рожать детей в молодом возрасте. Это мировой тренд глобализма, куда Беларусь полностью вписывается. Согласно опросам, сегодня брак ассоциируется у молодых белорусов не столько с детьми, сколько с эмоционально-психологическим и материальным комфортом, а также хорошими межличностными отношениями между супругами [Артеменко, 2019: 57].

Эпоха модерна изменила репродуктивное поведение женщин, а их эмансипация дала возможность получать высшее образование и экономическую самостоятельность. В рамках общества модерна происходит многосторонняя

трансформация. Молодежь все больше ориентируется на собственные интересы, а господствующий тип рациональности заставляет ее не спешить вступать в брак и рожать детей, пока не будет получено образование и не достигнуто относительное экономическое благополучие. Имеющие среднее специальное и высшее образование женщины хотят получать равную с мужчинами заработную плату, в то время как гендерный разрыв в оплате труда в Беларуси растет, особенно это касается женщин с детьми [Титаренко, 2020]. Та же тенденция, образно названная «штрафом за материнство», имеет место в России [Роцин, Емелина, 2022]. Желание развивать карьеру стимулирует конкуренцию молодых женщин в сфере труда, поиск ими высокооплачиваемой работы, что в принципе служит препятствием для заключения брака и рождения детей в том возрасте, в каком это было принято 30—40 лет назад. В результате в возрастной группе 20—29 лет, когда-то отличавшейся самой высокой рождаемостью, 48 % женщин и 73 % мужчин не имеют детей [Беларусь: структура семьи... , 2018: 64].

На примере западных стран ученые показали, что второй демографический переход тесно связан с модерном и постиндустриализмом, которые акцентируют индивидуальные права и свободы граждан, включая право женщин решать вопросы замужества, деторождения независимо от традиций [Van de Каа, 2020]. Современные российские ученые также считают, что «снижение рождаемости было исторически неизбежным ответом на общую и последовательную модернизацию общества во всех сферах», которая обусловила смену конкретной системы социокультурных регуляторов рождаемости, возникших на предшествующем историческом отрезке времени и замещенных другими на этапе современного общества [Захаров, 2012].

Влияние глобальных трендов развития, появление множества новых возможностей для удовлетворения самых разных потребностей индивида отодвинули на второй план заключение официального брака, а рост экономического благосостояния уменьшил объективную потребность семьи в большом числе детей. Прежние социальные регуляторы рождаемости (традиции, общественное мнение) перестали быть значимыми; на их место пришли индивидуальные и внутрисемейные регуляторы, которые в каждом конкретном случае определяют, как сочетать рост семейного/личного благосостояния с наличием детей. Сохраняющийся высокий уровень разводов свидетельствует о неустойчивости белорусской семьи, особенно молодой (на ее долю приходится около 40 % разводов), или об изменении роли института брака. Число детей, рожденных в молодых семьях, снижается, так как вырос средний возраст матери при рождении первого ребенка (в 2018 г. он был равен 26,7 года) [Беларусь в цифрах, 2021]. Данный факт привел к снижению удельного веса молодых семей в структуре рождаемости. Уже несколько десятилетий в Беларуси социологами фиксируется абсолютный и относительный рост числа незарегистрированных браков, более или менее длительных добрачных союзов, что сами молодые люди считают новой нормой [Беларусь: структура семьи... , 2018]. Все это можно отнести к проявлению трендов демографического перехода [Захаров, 2012].

Еще одним фактором перемен стало ослабление связи поколений родителей и детей [Бауман, 2008]. Его действие подтверждается и белорусскими исследованиями, согласно которым происходит «снижение влияния институциональных

отношений и усиление интимности», «ослабление субъективной ценности родства» [Сосновская, 2015: 19]. Молодые семьи хотят проживать отдельно от родственников, но при этом считают, что старшие поколения должны оказывать помощь в воспитании внуков, и не отказываются от финансовой поддержки родителей, дедушек и бабушек. Молодежь декларирует готовность материально поддерживать пожилых родителей, но на практике финансовая помощь в основном осуществляется в обратном направлении, частота контактов со старшими родственниками снижается, круг общих интересов сокращается. Молодые люди ориентированы на культурные ценности, транслируемые современной культурой, в том числе посредством Интернета, откуда часто черпают образцы для поведения. Юноши и девушки, приезжая на учебу в большие города, как правило, вынуждены жить отдельно от родителей, и тем самым они избегают прямого влияния старшего поколения на свои ценности и поведенческие установки. Этот феномен нашел объяснение в концепции культурно-социальной эволюции Р. Инглхарта [Инглхарт, 2018]. Ученый уделил большое внимание проблеме ценностных различий между поколениями, рожденными в разные исторические периоды времени. По его мнению, у поколений, переживших войну и/или послевоенные трудности, преобладают материалистические ценности выживания, а у рожденных в обществе изобилия на первый план выходят ценности самореализации, равенства (включая гендерное), досуга. Смена поколений ведет к трансформации всей системы ценностей, в том числе семейных, а также к увеличению отмеченного разрыва между поколениями, снижению уровня взаимного доверия.

Поскольку поколения вынуждены сосуществовать в социальном пространстве, смена культурно-ценностных установок не происходит быстро и односторонне. Имеют место и «откаты» общества к традиционным ценностям, а также сохранение некоторых традиций. Так, в Беларуси до сих пор ценность семьи занимает первое место в иерархии ценностей у всех возрастных групп, однако у молодежи этот приоритет соединяется с ценностями модерна [Лашук, 2021]. По мере исторической смены поколений неизбежна и смена установок в отношении семьи, которая выражается в эгалитарном разделении ролей в семье, высокой значимости межличностных связей партнеров, хотя зачастую сохраняется патриархальная установка на роль мужчины как «добытчика» в семье. Такой метиссажный тип ценностей фиксируется социологами у белорусской молодежи уже более 20 лет.

Все упомянутые перемены вписываются в концепцию второго демографического перехода [Вишневский, 2019], зафиксировавшего смену исторической эпохи развития общества в России. Те же тенденции в значительной мере затронули и Беларусь. Резко уменьшилось число многопоколенных семей (сегодня доля расширенных домохозяйств составляет только 10 %). Для поколения белорусских миллениалов актуально желание жить отдельно от родительской семьи, рождение одного, позднего ребенка, многочисленные разводы. Это не просто нуклеаризация семьи, но и ослабление связей поколений, которое способствует их ценностному расхождению [Беларусь: структура семьи... , 2018]. Скорость этого процесса трудно прогнозировать, она зависит от внешних обстоятельств, вполне вероятно, что в Беларуси переход затянется на десятилетия.

Тем не менее, скорее всего, точка бифуркации в эволюции семьи уже пройдена: массового возврата к многодетности, многопоколенным семьям или отказа женщин от совмещения семьи с работой не ожидается. Это не значит, что государство должно прекратить поддерживать семью: без помощи молодая семья может не выжить. Однако государственная политика в области семьи должна изменяться вместе с трансформацией общества, вовремя реагируя на новые тенденции развития.

Заключение

Белорусское государство осуществляет семейную политику, ориентированную на поддержание семей с детьми (включая молодые семьи), несмотря на то, что она не обеспечивает роста рождаемости, необходимого даже для простого воспроизводства населения. Системный подход к этой проблеме в условиях действия трендов демографического перехода требует поиска наиболее эффективных социальных решений и расширения мер поддержки семей. Одним из важнейших направлений семейной политики, получивших признание населения как наиболее действенные в укреплении молодой семьи, является обеспечение государственных гарантий в создании баланса между семьей и работой в самых разных формах [Сосновская, 2016: 260]. Эту меру, судя по опросам, поддерживают матери с детьми до трех лет и детьми-дошкольниками. Закон гарантирует им такую возможность; на практике ее реализация зависит от работодателей, которые предоставляют женщинам гибкий график работы, что позволяет эффективно совмещать профессиональные и семейные роли. Нужны и другие меры укрепления семьи, связанные с сохранением значимости этого института. Так, в эпоху пандемии широкое распространение получили сервисы заказов продуктов питания на дом, ставшие популярными у семей. По данным нашего исследования, таким сервисом в 2021 г. пользовались несколько раз в месяц 50 % минчан в возрасте от 18 до 29 лет (критерий семейного положения не фиксировался, но мы полагаем, что среди них были и молодые семьи). Никогда им не пользовались только 12 % (возможно, студенты либо проживающая с родителями молодежь). Онлайн-покупки делали несколько раз в месяц 47 % лиц до 29 лет, никогда не делали только 3 %. Даже после спада пандемии популярность этих сервисов сохранилась, они действительно облегчают быт молодых семей [Титаренко, Карапетян, 2021].

Ценность семьи имеет поддержку во всех поколениях, хотя зачастую она воспринимается молодыми людьми ритуально: молодежь не видит разницы между партнерством и официальным браком. Современное общество модерна акцентирует важность прав и свобод отдельного человека, включая сексуальные, и государство не может повлиять на эти процессы. Общие сдвиги в сознании и поведении укрепляются под влиянием СМИ, массовой культуры. В современной социальной политике совмещаются поддержка традиционных ценностей семьи с детьми (особенно многодетной) и пропаганда равного участия родителей в воспитании детей, интеграции матерей в рынок труда. Это подтверждает, что государственная семейная политика и риторика вокруг семейной проблематики могут выступать как факторы динамики семейных ценностей. Высоко оценивая значимость морального фактора, нельзя преувеличивать роль религиозных ценностей в поддержке традиционной семьи, которые в Беларуси [Артеменко,

2019], как и ряде других стран мира, сосуществуют с ценностями самовыражения и индивидуализма [Инглхарт, 2018]. Молодые белоруски независимо от религиозности оставляют за собой право на самостоятельное решение репродуктивных вопросов, не утрачивая при этом уважения к семейным ценностям в целом.

По сравнению с соседними странами Евросоюза, в которых тенденции демографического перехода проявились раньше, в Беларуси сохраняется высокая ориентация на создание семьи, не распалась связь поколений, но уровень разводов остается очень высоким. Наши выводы о важности социальной политики совпадают с результатами анализа рождаемости в России (1990—2020 гг.), проведенного М. А. Клуптом, который показал, что рост рождаемости положительно коррелировал с ростом уровня жизни населения и «влиянием мер демографической политики» [Клупт, 2020: 31]. К другим важным факторам, влияющим на рождаемость, автор относит «воздействие контента информационных потоков, и в особенности социальных медиа» [там же: 33], что также не противоречит результатам исследований в Беларуси. Очевидно, что даже самая позитивная семейная политика государства не может самостоятельно решить проблемы укрепления молодой семьи и роста рождаемости. Поскольку рассмотренные глобальные векторы в области семьи и деторождения актуальны для большинства индустриально развитых стран, возможно, Беларуси придется к ним адаптироваться и искать другие пути стабилизации численности населения.

Список источников

- Антипова Е. А., Шахотько Л. П.* Браки и разводы в Беларуси: анализ основных демографических тенденций. Минск: В.И.З.А. Групп, 2015. 80 с.
- Антонов А. И., Медков В. М.* Социология семьи. М.: ИНФРА-М, 2010. 636 с.
- Артемченко, Е. К.* Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 3. С. 51—58.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение / ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэнс, 2018. Т. 2: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер». 196 с.
- Беларусь в цифрах: статистический сборник. Минск: Нац. стат. ком. Республики Беларусь, 2021. 71 с.
- Бурова С. Н.* Социология брака и семьи. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с.
- Вишневецкий А. Г.* Демографический переход и проблема демографического саморегулирования: ответ А. Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 93—104.
- Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Практис, 2011. 352 с.
- Голофаст В. Б.* Социология семьи. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.
- Гурко Т. А.* Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 51—71.
- Захаров С.* Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости // Демоскоп Weekly. 2012. № 495—496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (дата обращения: 15.12.2018).
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 384 с.

- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
- Клунт М. А.* Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 25—35.
- Лаушук И. В.* Ценностная трансформация современного белорусского общества: (по результатам социологических исследований) // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 1. С. 90—99.
- Раков А. А.* Белоруссия в демографическом измерении. Минск: [б. и.], 1974. 127 с.
- Рожать или нет? На какие льготы и пособия могут рассчитывать одинокие мамы в Беларуси. 2020. 12 октября. URL: <https://1prof.by/news/%20obshhestvo-i-profsoyuzu/rozhat-ili-net-na-kakie-lgoty-i-posobiya-mogut-rasschityvat-odinokie-mamy-v-belarusi/> (дата обращения: 15.11.2021).
- Роцин С. Ю., Емелина Н. К.* Метаанализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 26, № 2. С. 213—239.
- Ростовская Т. К., Шимановская Я. В.* Брачно-семейные отношения современной молодежи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2017. № 3. С. 41—47.
- Силласте Г. Г.* Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 640 с.
- Сосновская Н. А.* Трансформация семейных ценностей в современном обществе // Наука и инновации. 2015. № 9. С. 14—19.
- Сосновская Н. А.* Семейная политика Республики Беларусь: социологический анализ оценки эффективности // Социологический альманах. 2016. Вып. 7. С. 256—263.
- Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск: Белорус. гос.ун-т, 2004. 205 с.
- Титаренко Л. Г.* Гендерный дисбаланс или рост гендерного равенства? // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 17—28.
- Титаренко Л. Г., Каранетян Р. В.* «Цифровой город» и цифровые компетенции горожан: тенденции развития: (на материалах Case Study) // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, Республика Беларусь, 25—26 ноября 2021 г. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2021. С. 302—309.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С.* Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978. 224 с.
- Юркевич Н. Г.* Советская семья: функции и условия стабильности. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1970. 208 с.
- Янкова З. А.* Городская семья. М.: Наука, 1979. 183 с.
- Grishchenko Zh., Titarenko L.* Belarusian millennials: a generation gap? // *Filosofija. Sociologija*. 2019. Т. 30, № 4. P. 317—324.
- Van de Kaa D.* The idea of a second demographic transition in industrialized countries // *Japanese Journal of Population*. 2020. № 1. P. 1—34.

References

- Antipova, E. A., Shakhot'ko, L. P. (2015) *Braki i razvody v Belarusi: analiz osnovnykh demograficheskikh tendentsii* [Marriages and divorces in Belarus: an analysis of the main demographic trends], Minsk: V.I.Z.A. Grupp.
- Antonov, A. I., Medkov, V. M. (2010) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family], Moscow: INFRA-M.
- Artemenko, E. K. (2019) Transformatsiia semeinykh tsennosteĭ belorusov v regional'nom kontekste [Transformation of family values of the Belarusians in the regional context],

- Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Psikhologii*, no. 3, pp. 51—58.
- Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Moscow: Logos.
- Bauman, Z. (2008) *Tekuchaia sovremennost'* [Fluid modernity], St. Petersburg: Piter.
- Belarus' v tsifrakh: Statisticheskiĭ sbornik (2021)* [Belarus in numbers: Statistical compendium], Minsk: Natsional'nyĭ statisticheskiĭ komitet Respubliki Belarus'.
- Burova, S. N. (2010) *Sotsiologiya braka i sem'i* [Sociology of marriage and family], Minsk: Pravo i ekonomika.
- Giddens, A. (2011) *Posledstviia sovremennosti* [Consequences of modernity], Moscow: Praksis.
- Golofast, V. B. (2006) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Grishchenko, Zh., Titarenko, L. (2019) Belarusian millennials: a generation gap?, *Filosofija. Sotsiologija*, vol. 30, no. 4, pp. 317—324.
- Gurko, T. A. (2017) Razvitie brachno-semeĭnykh otnosheniĭ v Rossii i realizatsiia semeĭnoĭ politiki [Development of marriage and family relations in Russia and the implementation of family policy], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no. 3, pp. 51—71.
- Iankova, Z. A. (1979) *Gorodskaya sem'ia* [City family], Moscow: Nauka.
- Inglkhart, R. (2018) *Kul'turnaya evoliutsiia: Kak izmeniautsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir* [Cultural evolution: How human motivations change and how it changes the world], Moscow: Mysl'.
- Iurkevich, N. G. (1970) *Sovetskaya sem'ia: funktsii i usloviia stabil'nosti* [The Soviet family: functions and conditions of stability], Minsk: Belorusskiĭ gosudarstvennyi universitet.
- Kharchev, A. G., Matskovskii, M. S. (1978) *Sovremennaya sem'ia i ee problemy* [Modern family and its problem], Moscow: Statistika.
- Klupt, M. A. (2022) Trevogi XXI veka: mekhanizmy vliianiia na rozhdaemost' [Anxieties of the 21st century: mechanisms of influence on fertility], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 25—35.
- Lashuk, I. V. (2021) Tsennostnaia transformatsiia sovremennogo belorusskogo obshchestva: (Po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniĭ) [Value transformation of the modern Belarusian society: (According to the results of sociological research)], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*, no. 1, pp. 90—99.
- Rakov, A. A. (1974) *Belorussiia v demograficheskom izmerenii* [Belarus in the demographic dimension], Minsk: [s. n.].
- Roshchin, S., Emelina, N. (2022) Metaanaliz gendernogo razryva v oplate truda v Rossii [Meta-analysis of the gender pay gap in Russia], *Ėkonomicheskii zhurnal Vyssheĭ shkoly ekonomiki*, vol. 26, no. 2, pp. 213—239.
- Rostovskaia, T. K., Shimanovskaia, Ia. V. (2017) Brachno-semeĭnye otnosheniia sovremennoĭ molodezhi [Marriage and family relations of modern youth], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Filosofii. Sotsiologiya. Pravo*, no. 3, pp. 41—47.
- Rozhat' ili net? Na kakie l'goty i posobiia mogut rasschityvat' odinokie mamy v Belarusi* (2020) [To give birth or not? What benefits and allowances can single mothers expect in Belarus], 12 oktiabria, available from <https://1prof.by/news/%20obshchestvo-i-profsoyuzy/rozhat-ili-net-na-kakie-lgoty-i-posobiya-mogut-rasschityvat-odinokie-mamy-v-belarusi/> (accessed 15.11.2021).
- Sillaste, G. G. (2016) *Gendernaya sotsiologiya i rossiiskaya real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Sosnovskaia, N. A. (2015) Transformatsiia semeĭnykh tsennosteĭ v sovremennom obshchestve [Transformation of family values in modern society], *Nauka i innovatsii*, no. 9, pp. 14—19.

- Sosnovskaia, N. A. (2016) Semeĭnaia politika Respubliki Belarus': sotsiologicheskii analiz otsenki effektivnosti [Family policy of the Republic of Belarus: a sociological analysis of the effectiveness assessment], *Sotsiologicheskii al'manakh*, iss. 7, pp. 256—263.
- Tereshchenko, O., Kuchera, T. (eds) (2018) *Belarus': struktura sem'i, semeĭnye otnosheniia, reproduktivnoe povedenie* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior], vol. 2: Analiz rezul'tatov issledovaniia "Pokoleniia i gender", Minsk: Belsens.
- Titarenko, L. G. (2004) *Tsennostnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: gendernyi aspekt* [World of values of modern Belarusian society: gender aspect], Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet.
- Titarenko, L. G. (2020) Gendernii disbalans ili rost gendernogo ravenstva? [Gender disbalance or growth of gender equality?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—28.
- Titarenko, L. G., Karapetian, R. V. (2021) "Tsifrovoi gorod" i tsifrovye kompetentsii gorozhan: tendentsii razvitiia: (Na materialakh Case Study) ["Digital city" and digital competences of citizens: development trends: (Based on Case Study materials)], *Sotsial'nye praktiki i razvitie gorodskoi sredy: urbanistika i innovatika: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Minsk, Respublika Belarus', 25—26 noiabria 2021 g., Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 302—309.
- Van de Kaa, D. (2020) The idea of a second demographic transition in industrialized countries, *Japanese Journal of Population*, no. 1, pp. 1—34.
- Vishnevskii, A. G. (2019) Demograficheskii perekhod i problema demograficheskogo samoregulirovaniia: Otvet A. B. Sinel'nikovu [Demographic transition and the problem of demographic self-regulation: Answer to A. B. Sinelnikov], *Sotsiologicheskii zhurnal*, vol. 25, no. 4, pp. 93—104.
- Zakharov, S. (2012) Vtoroi demograficheskii perekhod i izmenenie vozrastnoi modeli rozhdaiemosti [The second demographic transition and change in the age model of fertility], *Demoskop Weekly*, no. 495—496, available from <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php> (accessed 15.12.2018).
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015) *12 leksiĭ po gendernoĭ sotsiologii* [12 lectures on gender sociology], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 24.07.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 24.07.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 131—142.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 131—142.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.9

КАЧЕСТВО СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
НАМЕРЕНИЯ РАССТАТЬСЯ
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

Чурилова Елена Владимировна, Захаров Сергей Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва),
г. Москва, Россия, evchurilova@hse.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования качества отношений между супругами, намерений расстаться и их реализации в краткосрочной (3 года) и среднесрочной (7 лет) перспективах. Анализ основан на данных трех волн панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Для анализа использовались данные о мужчинах и женщинах, состоящих на момент опроса 2004 г. в брачно-партнерском союзе, при условии, что он заключен не ранее 1965 г. (N = 3159). Выявлено, что женщины чаще, чем мужчины, высказывают намерения расстаться с партнером независимо от длительности их отношений. Намерения расстаться, в свою очередь, как у мужчин, так и у женщин тесно связаны с оценкой удовлетворенности отношениями с супругами. С помощью методов анализа наступления событий обнаружено, что женщины в большей степени, чем мужчины, склонны реализовывать намерения расстаться в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: намерения расстаться, развод, семейные конфликты, качество брака, факторы разводимости

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и поддержано в рамках программы субсидирования проекта «5—100».

Для цитирования: Чурилова Е. В., Захаров С. В. Качество семейных отношений, намерения расстаться и их реализация у мужчин и женщин в России // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 131—142.*

Original article

PARTNERSHIP QUALITY, UNION DISSOLUTION INTENSIONS AND THEIR REALIZATION AMONG MEN AND WOMEN IN RUSSIA

Elena V. Churilova, Sergey V. Zakharov

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow),
Moscow, Russian Federation, evchurilova@hse.ru

Abstract. This study used three waves of the Generation and Gender Survey, which was conducted in Russia in 2004, 2007 and 2011 to test the association between marital quality, marital conflicts, union dissolution intentions and union dissolution realization in short-term (3 years) and medium-term (7 years) periods of time. Independent of the union duration women are less satisfied and reported more conflicts in union than men. Dissatisfaction in relationship both among men and women and frequent family conflicts reported by women are associated with union dissolution intentions. Using competing-risk regression, we reveal that intentions to union dissolution, in particular in women, are important predictor of relationship dissolution, although other factors are also related to union dissolution.

Key words: union dissolution, divorce, marital conflicts, marital quality, predictors of divorce

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” and supported within the framework of a subsidy by Project “5—100”.

For citation: Churilova, E. V., Zakharov, S. V. (2022) Kachestvo semeinykh otnosheniĭ, namereniia rasstat'sia i ikh realizatsiia u muzhchin i zhenshchin v Rossii [Partnership quality, union dissolution intentions and their realization among men and women in Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 131—142.

Введение

Для большинства людей наличие семейных отношений, наряду с хорошим здоровьем и материальным благополучием, ассоциируется со счастьем и высокой удовлетворенностью жизнью [Киселева, Стриелковски, 2016]. Разведенные и вдовы реже ощущают себя счастливыми [Гурко, 2018]. Однако, вступая в брачный союз, женщины зачастую в большей степени, чем мужчины, ожидают улучшения качества жизни, в частности роста финансового благополучия, при сохранении свободы и независимости от партнера [Wiik, Bernhardt, 2019]. Эти ожидания особенно ярко выражены у женщин в странах Восточной Европы, в том числе в России, что связано с более высоким уровнем гендерного неравенства, проявляющегося прежде всего в экономической сфере [Human Development Report... , 2019]. К настоящему времени ряд исследователей полагают, что вовлечение женщин в рынок труда, а мужчин, наоборот, в выполнение семейных обязанностей способно позитивно сказаться на качестве и крепости семейных отношений [Goldscheider et al., 2015].

Качество семейных отношений и частота конфликтов являются важными предикторами будущего развода [Røsand et al., 2014]. Разногласия между супругами — основная причина разрушения семьи. Если исследования распространенности разводов и их социально-демографических детерминантов довольно широко представлены в публикациях [Avdeev, Monnier, 2000; Andersson et al., 2017; Wagner, 2020], то исследования качества семейных отношений у российских пар зачастую проводились вне взаимосвязи с риском их расторжения [Голод, 1984; Гурко, Босс, 1995; Пишняк, 2009; Гурко, 2018], а исследования взаимосвязи между качеством семейных отношений, намерениями расстаться с супругом и реализацией этих намерений не проводились вообще. Настоящая статья является одной из первых попыток восполнить образовавшиеся пробелы в наших знаниях о брачно-семейных отношениях в современной России — проанализировать, в какой степени влияют зафиксированные в ходе опросов намерения расстаться с партнером на риск разрыва отношений в дальнейшем.

Разводы в России

В России на протяжении длительного времени наблюдается один из самых высоких уровней разводимости в Европе [Wagner, 2020]. Число разводов на один брак с учетом его продолжительности на протяжении 2000-х и 2010-х гг. составляет 0,5 и выше: каждый второй брак, заключенный в расчетном году, имеет шанс завершиться разводом [Население России... , 2017]. К факторам, повышающим риск развода российских брачных пар, относят молодой возраст, длительность брака от 2 до 5 лет, добрачное зачатие, отсутствие детей, опыт пережитого развода родителей, пьянство супругов [Jasilioniene, 2007; Keenan et al., 2013]. Среди причин разводов на протяжении длительного времени доминируют различия в характере и интересах супругов, конфликты из-за алкоголя и измены [Чуйко, 1975; Ржаницына, Архангельский, 2008]. У населения наблюдается позитивное отношение к разводу в случае неудачного брака [Синельников, 2017].

Качество брака и его стабильность

Согласно теории нестабильности брака, его качество определяется совокупностью выгод, инвестиций и издержек (числом конфликтов) [Wagner, 2020]. На принятие решения о сепарации и разводе могут оказывать влияние альтернативные возможности (например, возможность найти другого партнера), а также внешние издержки и барьеры (например, стоимость бракоразводного процесса и возможность раздельного проживания). Измеряемыми индикаторами степени качества брака служат субъективная оценка удовлетворенности браком, наличие конфликтов в семье и умение их решать, а также социально-демографические характеристики супругов. Исследования показывают, что оценки удовлетворенности семейными отношениями наиболее высоки сразу после вступления в брак [Kurdek, 2005]. Частые конфликты снижают удовлетворенность семейной жизнью, делают отношения в семье менее стабильными [Amato, Hohmann-Marriott, 2007]. Неудовлетворенность браком обычно предшествует его расторжению [Handbook of divorce... , 2006]. Проблемы в отношениях часто начинаются до брака или сразу после него и затем сохраняются [James, 2015]. Частота конфликтов может

зависеть от стадии жизненного цикла семьи и возраста супругов [Hatch, Bulcroft, 2004], а также от того, является ли брак зарегистрированным или нет [Van der Lippe et al., 2014]. В то же время С. И. Голод в конце 1970-х — начале 1980-х не выявил различий в удовлетворенности отношениями между российскими мужчинами и женщинами [Голод, 1984]. Систематизируя исследования семей в Москве, Т. А. Гурко и П. Босс сделали предположение о том, что удовлетворенность семейными отношениями с годами супружеской жизни снижается [Гурко, Босс, 1995]. В середине 2000-х было выявлено, что в 40 % российских семей с детьми случаются конфликты, в 20 % из них — в наиболее жесткой форме [Пишняк, 2009].

Данные и методы

Наши расчеты основаны на панельных данных выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)*. В России были проведены три волны опроса с панельной составляющей в 2004, 2007 и 2011 гг. В каждой волне обследования было опрошено более 11 тыс. респондентов обоого пола в возрасте 18 лет и старше. Методология исследования подробно изложена в его программе [Захаров и др., 2007].

Панельная составляющая РиДМиЖ позволяет проанализировать качество семейных отношений, наличие намерений расстаться и их реализацию у 3159 мужчин и женщин, которые на момент опроса в 2004 г. состояли либо в браке, либо в незарегистрированном союзе. Анализ был ограничен союзами, созданными в 1965 г. и позже, т. е. в условиях более либерального, чем прежде, бракоразводного законодательства.

Качество семейных отношений измерялось на основе ответов на два вопроса. Первый из них — это вопрос о степени удовлетворенности отношениями: «Насколько Вы удовлетворены отношениями между Вами и Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой?» Данная оценка — субъективный показатель, и на нее в момент опроса могут влиять различные факторы (настроение, усталость, конфликты накануне и т. д.). Кроме того, промежуток времени между измерением удовлетворенности отношениями и расставанием с партнером в ряде случаев может быть довольно длительным.

Второй — это блок вопросов о частоте конфликтов. Вопрос сформулирован следующим образом: «Как часто за последние 12 месяцев между Вами и Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой случались разногласия по поводу...» Респондентам предлагалось оценить частоту разногласий по девяти возможным поводам (шкала от 1 до 5 — «никогда», «очень часто» соответственно): по поводу домашних обязанностей, денег, проведения досуга, интимных отношений, отношений с друзьями, отношений с родителями и родителями супруга(и), воспитания детей, решения иметь ребенка, употребления алкоголя. Полученные оценки каждого респондента суммировались, и таким образом для каждого респондента мы получили переменную частоты конфликтов,

---

* Исследование являлось частью международного проекта сравнительных исследований Европейской экономической комиссии ООН в рамках Generations and Gender Programme — программы «Поколения и гендер» (<https://www.ggp-i.org/about/>).

значения которой варьировались от 9 до 45; чем больше значение переменной, тем по большим поводам и чаще у респондента были за последний год разногласия с партнером/партнершей.

Основная объясняющая переменная сконструирована на основе комбинации ответов на два закрытых вопроса: «За последние 12 месяцев приходила ли Вам в голову мысль расстаться с Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой?» и «Вы — именно Вы — собираетесь расстаться с Вашим партнером / супругом / Вашей партнершей / супругой в течение ближайших трех лет?» Ответы объединены в три категории: 1) «определенно или скорее да»; 2) «определенно или скорее нет»; 3) «не думал(а) о расставании». Другие независимые переменные, включенные в регрессионную модель, — порядок союза, число детей, тип союза, образование респондента, когорта сформировавших союзы, место жительства. Для достижения цели исследования была использована регрессионная модель с учетом конкурирующих рисков. В качестве конкурирующих событий мы рассматривали распад брачно-партнерского союза и смерть партнера.

Результаты

Средняя оценка удовлетворенности отношениями с супругой мужчин составляет 8,6 балла (стандартное отклонение 1,74), она не зависит от длительности существования брачно-партнерского союза. Средняя оценка удовлетворенности семейными отношениями женщин — 7,4 балла (стандартное отклонение 2,4), значительно меньше, чем оценка мужчин (критерий Стьюдента 13,97, $p < 0,01$). Оценки женщин увеличиваются в зависимости от длительности существования семьи от 7,3 в когорте сформировавших союзы в 1965—1979 гг. до 7,9 в когорте создавших союзы в 2000—2004 гг., однако значимой взаимосвязи выявлено не было (Хи-квадрат 40,5, $p = 0,095$).

Индекс частоты семейных конфликтов в оценках мужчин в среднем составляет 15,6. Его значения слабо варьируются в когортах сформировавших союзы с 1965 по 1999 г., однако выше в когорте вступивших в партнерский союз в 2000—2004 гг. (16,5). Средний индекс частоты семейных конфликтов в оценках женщин составляет 16,8. При распределении значений этого индекса по когортам сформировавших союзы получается дугообразная форма. Максимальный индекс частоты семейных конфликтов наблюдается в оценках женщин, вступивших в союз в 1980-е и 1990-е. Различия в значениях среднего индекса частоты семейных конфликтов в оценках мужчин и женщин являются статистически значимыми (критерий Стьюдента $-4,6$, $p < 0,01$).

Несмотря на то что женщины лишь чуть ниже, чем мужчины, оценивают удовлетворенность семейной жизнью и одинаково с ними оценивают частоту конфликтов, они в два раза чаще, чем мужчины, задумываются о завершении отношений с партнером независимо от того, как давно был сформирован их брачно-партнерский союз (рис. 1). Чем меньше времени прошло с момента начала совместного проживания с партнером, тем больше женщин думали в последний год о целесообразности продолжения отношений с ним. Для мужчин подобная тенденция нехарактерна.

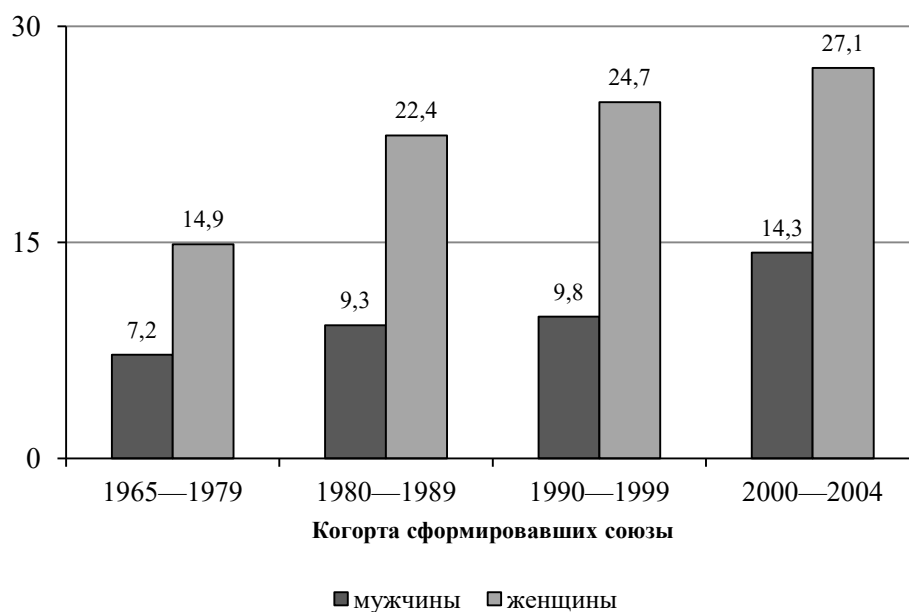

Рис. 1. Доля мужчин и женщин, думавших в последние 12 месяцев о расставании с партнером/партнершей, в зависимости от когорты сформировавших союзы (по данным РиДМиЖ-2004), % от числа ответивших

При рассмотрении ответов на вопрос о намерениях расстаться с партнером/партнершей в ближайшие 3 года выявлено, что среди недавно начавших совместное проживание в союзе треть мужчин и женщин планируют прекратить отношения. Но среди мужчин, состоящих в союзе более 15 лет, желание прекратить отношения с текущей партнершей выразили только 6 %, а среди состоящих в союзе в течение 5—14 лет — 14 %. Иная ситуация у женщин. Намерение разойтись с партнером высказала каждая четвертая женщина среди думавших о разрыве отношений в когортах создавших союзы в 1965—1979 гг. и каждая третья женщина в когортах сформировавших союзы в 1980—1989 и 1990—1999 гг.

Кросс-табуляции оценок удовлетворенности семейной жизнью и частоты конфликтов с высказанными намерениями расстаться показали, что женщины, которые не думали о расставании с партнером, выше оценивают свою семейную жизнь и декларируют меньшую частоту конфликтов с ним (таблица). У мужчин намерения расстаться оказались значимо связаны только с оценкой удовлетворенности семейной жизнью.

Результаты проведенного регрессионного анализа показывают, что декларирование четко определенных намерений расстаться с партнером в ближайшие 3 года значительно повышает риск завершения отношений: для мужчин в 2,2 раза в среднесрочной перспективе, а для женщин в 5,4 раза в краткосрочной перспективе и в 3,3 раза в среднесрочной перспективе (рис. 2). Женщины, которые сомневаются в необходимости завершения отношений с партнером, в итоге все равно расстаются с ним в 1,8 раза чаще тех, которые не думали о расставании.

Средняя оценка удовлетворенности семейной жизнью и средний индекс частоты конфликтов в зависимости от намерений расстаться

Намерение расстаться	Средняя оценка удовлетворенности семейной жизнью		Средний индекс частоты конфликтов	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Не думал(а) о расставании	8,65	7,93	15,10	15,28
Определенно или скорее нет	7,28	6,16	18,75	19,66
Определенно или скорее да	6,38	4,37	17,57	23,09

Проживание в городе статистически значимо повышает риск расторжения брачно-партнерского союза и для мужчин, и для женщин как в ближайшие 3 года, так и на более длительном отрезке времени.

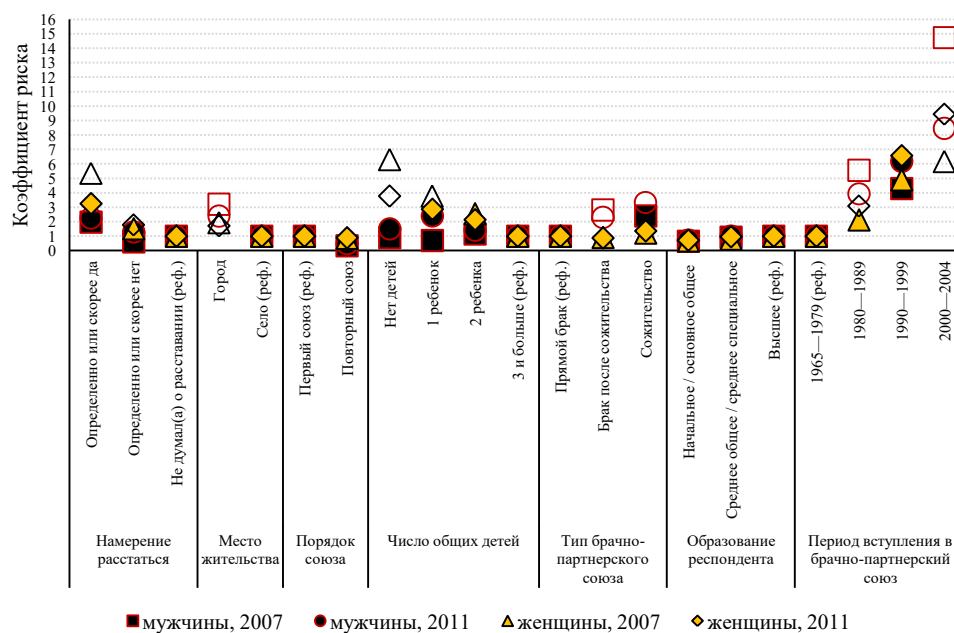

Рис. 2. Результаты регрессии с учетом конкурирующих рисков (коэффициенты риска): белой заливкой выделены коэффициенты, значимые при $p > 0,1$

Помимо уже обозначенных факторов, для мужчин выше риск завершения отношений в краткосрочной перспективе в случае, если они вступили в брак после сожительства и состоят в семейных отношениях не более 5 лет. В течение 7 лет после опроса мужчины, состоящие в сожительстве, расставались с партнершами в 3,3 раза чаще, а состоящие в браке после периода сожительства в 2,3 раза чаще, чем мужчины, вступившие в прямой брак. Однако если для мужчины текущий

брачно-партнерский союз является не первым, то риск его распада, наоборот, снижается в 2 раза.

Существенное влияние на решение женщин о разводе оказывает отсутствие общих детей с партнером. В течение 3 лет наблюдения бездетные женщины расставались с брачным партнером в 6,3 раза чаще, чем многодетные. В течение 7 лет наблюдения бездетные решались на расставание в 3,8 раза чаще, а однодетные в 2,9 раза чаще, чем многодетные.

Женщины, вступившие в союз в 2000—2004 и в 1990—1999 гг., в течение 3 лет наблюдения завершали семейную жизнь в 6,2 и 4,9 раза чаще, чем давно состоящие в брачно-партнерском союзе. Однако через 7 лет риск завершения брачно-партнерского союза оказывался значимо более высоким не только для женщин, вступивших в брак после 1990 г. и обладающих относительно небольшим опытом семейной жизни, но и для женщин, начавших супружескую жизнь в 1980-е и имеющих стаж супружеской жизни 20—30 лет.

Выводы и дискуссия

Проведенный анализ показал, что мужчины оценивают удовлетворенность семейными отношениями выше, а частоту семейных конфликтов декларируют ниже, чем женщины. Как следствие, мужчины реже сообщают о намерениях расстаться со своими супругами. Доля женщин, которые думали о расставании с партнером, тем выше, чем меньше длительность их отношений. Степень определенности намерений расстаться тесно связана с оценкой удовлетворенности супружескими отношениями. У женщин она также связана с частотой конфликтов. Риск прекращения брачно-партнерских отношений выше у женщин, декларировавших определенные намерения расстаться, что говорит о большей решительности женщин в вопросе инициирования процесса развода или расставания. Риск завершения сожительства и отношений, начавшихся с сожительства, выше у мужчин, что может свидетельствовать как о более либеральных взглядах на семью выбравших данный тип союза, так и о более решительной реакции в ответ на снижение качества незарегистрированных отношений.

Наши результаты подтвердили, что качество отношений и поведенческие намерения являются важными предикторами завершения отношений. Требования к качеству отношений с партнером у женщин выше, чем у мужчин, недовольство по поводу его несоответствия ожиданиям выражается в более определенной и открытой форме, что находит отражение и в поведенческих практиках — высоком риске разрыва отношений. Мы полагаем, что наши результаты указывают на релевантность для современного российского общества концепции нового гендерного баланса в семье [Goldscheider et al., 2015]. Другие исследования подтверждают, что в современных российских семьях супруги наиболее часто придерживаются одновременно и традиционалистских, и эгалитарных норм семейных отношений [Клецина, Векилова, 2020]. Кроме того, мужчины и женщины в понятие семейных обязанностей могут вкладывать разный смысл; в результате они декларируют готовность к равному распределению домашних обязанностей, а на практике оказывается, что большая их часть все же лежит на женщине [Задворнова, 2014].

Используемые нами данные не позволяют объяснить, почему российские мужчины не стремятся быстро реализовывать намерения расстаться. Мы можем только предположить, что либо у мужчин более низкие стандарты качества отношений, либо они более высоко оценивают издержки их завершения (например, необходимость раздела имущества и выплаты алиментов) и поиска новой партнерши. Для подтверждения или опровержения этих предположений требуются дальнейшие исследования.

Список источников

- Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 136 с.
- Гурко Т. А.* Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 73—94.
- Гурко Т. А., Босс П.* Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия / ред. А. И Антонов, М. С. Мацковский, Дж. Мэддок, Дж. Хоган. М.: Ин-т социологии РАН: Центр общечел. ценностей, 1995. С. 35—70.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В.* Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2007. Вып. 1. С. 35—74.
- Киселева Л. С., Стриелковски В.* Восприятие счастья россиянами // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 86—91.
- Клецина И. С., Векилова С. А.* Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78—91.
- Население России 2015 / отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017.
- Пишняк А. И.* Внутрисемейные конфликты: основания, концентрация, детерминанты // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2009. Вып. 2. С. 185—204.
- Ржаницына Л., Архангельский В.* 1000 москвичек — о разводе и алиментах на детей // Человек и труд. 2008. № 6. С. 29—32.
- Синельников А. Б.* Субъективные причины развода: данные исследования // Вестник МГУ. Сер. 18, Социология и политология. 2017. № 3. С. 116—139.
- Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М.: Статистика, 1975. 175 с.
- Andersson G., Thomson E., Duntava A.* Life-table representations of family dynamics in the 21st century // Demographic Research. 2017. Vol. 37. P. 1081—1230.
- Amato P. R., Hohmann-Marriott B.* A comparison of high and low-distress marriages that end in divorce // Journal of Marriage and Family. 2007. Vol. 69, № 3. P. 621—638.
- Avdeev A., Monnier A.* Marriage in Russia: a complex phenomenon poorly understood // Population: an English Selection. 2000. Vol. 12. P. 7—50.
- Goldscheider F., Bernhardt E., Lappegård T.* The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior // Population and Development Review. 2015. Vol. 41, № 2. P. 207—239.

- Handbook of Divorce and Relationship Dissolution / ed. by M. A. Fine, J. H. Harvey. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum, 2006. 696 p.
- Hatch L. R., Bulcroft K. Does long-term marriage bring less frequent disagreements?: five explanatory frameworks // *Journal of Family Issues*. 2004. Vol. 25, № 4. P. 465—495.
- Human Development Report 2019: beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century. New York, 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 21.09.2021).
- James S. L. Variation in marital quality in a national sample of divorced women // *Journal of Family Psychology*. 2015. Vol. 29, № 3. P. 479—489.
- Jasilioniene A. Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data // MPIDR Working Paper. 2007. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-025.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).
- Keenan K., Kenward M. G., Grundy E., Leon D. A. Longitudinal prediction of divorce in Russia: the role of individual and couple drinking patterns // *Alcohol and Alcoholism*. 2013. Vol. 48, № 6. P. 737—742.
- Kurdek L. A. Gender and marital satisfaction early in marriage: a growth curve approach // *Journal of Marriage and Family*. 2005. Vol. 67, № 1. P. 68—84.
- Rosand G. M., Slinning K., Røysamb E., Tambs K. Relationship dissatisfaction and other risk factors for future relationship dissolution: a population-based study of 18,523 couples // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. 2014. Vol. 49, № 1. P. 109—119.
- Van der Lippe T., Voorpostel M., Hewitt B. Disagreements among cohabiting and married couples in 22 European countries // *Demographic Research*. 2014. Vol. 31. P. 247—274.
- Wagner M. On increasing divorce risks // *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups* / ed. by D. Mortelmans. Springer Open, 2020. P. 37—61. URL: https://www.researchgate.net/publication/339008818_On_Increasing_Divorce_Risks (дата обращения: 21.09.2021).
- Wiik K. A., Bernhardt E. Gendered expectations: expected consequences of union formation across Europe // *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25, № 2. P. 214—231.

References

- Andersson, G., Thomson, E., Duntava, A. (2017) Life-table representations of family dynamics in the 21st century, *Demographic Research*, vol. 37, pp. 1081—1230.
- Amato, P. R., Hohmann-Marriott, B. (2007) A comparison of high and low-distress marriages that end in divorce, *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no. 3, pp. 621—638.
- Avdeev, A., Monnier, A. (2000) Marriage in Russia: a complex phenomenon poorly understood, *Population: An English Selection*, vol. 12, pp. 7—50.
- Chuiiko, L. V. (1975) *Braki i razvody* [Marriages and divorces], Moscow: Statistika.
- Fine, M. A., Harvey, J. H. (eds) (2006) *Handbook of Divorce and Relationship Dissolution*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Goldscheider, F., Bernhardt, E., Lappegård, T. (2015) The gender revolution: a framework for understanding changing family and demographic behavior, *Population and Development Review*, vol. 41, no. 2, pp. 207—239.
- Golod, S. I. (1984) *Stabil'nost' sem'i: Sotsiologicheskiĭ i demograficheskiĭ aspekty* [Family stability: Sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka.
- Gurko, T. A. (2018) Blagopoluchie muzhchin i zhenshchin razlichnogo brachnogo statusa: Rossiia v mezhdunarodnom kontekste [Well-being of men and women of different marital status: Russia in the international context], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, vol. 24, no. 1, pp. 73—94.

- Gurko, T. A., Boss, P. (1995) Otnosheniia muzhchin i zhenshchin v brake [Relationships between men and women in marriage], in: Antonov, A. I., Matskovskii, M. S., Méddok, Dzh., Khogan, Dzh. (eds), *Sem'ia na poroge tret'ego tysiacheletia*, Moscow: Institut sotsiologii RAN, Tsentr obshchechelovecheskikh tsennoŝteĭ, pp. 35—70.
- Hatch, L. R., Bulcroft, K. (2004) Does long-term marriage bring less frequent disagreements?: Five explanatory frameworks, *Journal of Family Issues*, vol. 25, no. 4, pp. 465—495.
- Human Development Report 2019: Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century* (2019), New York, available from <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019> (accessed 21.09.2021).
- James, S. L. (2015) Variation in marital quality in a national sample of divorced women, *Journal of Family Psychology*, vol. 29, no. 3, pp. 479—489.
- Jasilioniene A. (2007) Premarital conception and divorce risk in Russia in light of the GGS data, *MPIDR Working Paper*, available from <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2007-025.pdf> (accessed 21.09.2021).
- Keenan, K., Kenward, M. G., Grundy, E., Leon, D. A. (2013) Longitudinal prediction of divorce in Russia: the role of individual and couple drinking patterns, *Alcohol and Alcoholism*, vol. 48, no. 6, pp. 737—742.
- Kiseleva, L. S., Strielkovski, W. (2016) Vospriiatie schast'ia rossiianami [Perception of happiness by Russians], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 86—91.
- Kletsina, I. S., Vekilova, S. A. (2020) Gendernye otnosheniia v rossiĭskoi sem'e: tendentsii transformatsii [Gender relations in the Russian family: transformation trends], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—91.
- Kurdek, L. A. (2005) Gender and marital satisfaction early in marriage: a growth curve approach, *Journal of Marriage and Family*, vol. 67, no. 1, pp. 68—84.
- Pishniak, A. I. (2009) Vnutrisemeĭnye konflikty: osnovaniia, kontsentratsiia, determinanty [Intra-family conflicts: causes, concentration, determinants], in: Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, iss. 2, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 185—204.
- Røsand, G. M., Slinning, K., Røysamb, E., Tambs, K. (2014) Relationship dissatisfaction and other risk factors for future relationship dissolution: a population-based study of 18,523 couples, *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, vol. 49, no. 1, pp. 109—119.
- Rzhanitsyna, L., Arkhangel'skii, V. (2008) 1000 moskvichek — o razvode i alimentakh na detei [1000 Muscovites women — about divorce and child support], *Chelovek i trud*, no. 6, pp. 29—32.
- Sinel'nikov, A. B. (2017) Sub'ektivnye prichiny razvoda: dannye issledovaniia [Divorce for subjective reasons: the survey data], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiia i politologiia, no. 3, pp. 116—139.
- Van der Lippe, T., Voorpostel, M., Hewitt, B. (2014) Disagreements among cohabiting and married couples in 22 European countries, *Demographic Research*, vol. 31, pp. 247—274.
- Wagner, M. (2020) On increasing divorce risks, in: Mortelmans, D. (ed.), *Divorce in Europe: New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-ups*, Springer Open, pp. 37—61, available from https://www.researchgate.net/publication/339008818_On_Increasing_Divorce_Risks (accessed 21.09.2021).
- Wiik, K. A., Bernhardt, E. (2019) Gendered expectations: expected consequences of union formation across Europe, *Journal of Family Studie*, vol. 25, no. 2, pp. 214—231.
- Zadvornova, Yu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiĭskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic labor in the Russian

- family: gender stereotypes and recent trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.
- Zakharov, S. V. (ed.) (2017) *Naselenie Rossii 2015* [Population of Russia 2015], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Vyssheĭ shkoly ekonomiki.
- Zakharov, S. V., Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (2007) Programma "Pokoleniia i gender" v Rossii: voprosy metodologii [Program "Generation and Gender": methodological questions], in: Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, iss. 1, Moscow: Nezavisimyiĭ institut sotsial'noi politiki, pp. 35—74.

Статья поступила в редакцию 30.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 30.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 24.08.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Чурилова Елена Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, evchurilova@hse.ru (Cand. Sc. (Sociology), Research Fellow at the International Laboratory for Population and Health, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии им. А. Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), г. Москва, Россия, szakharov@hse.ru (Cand. Sc. (Econ.), Deputy Director of A. G. Vishnevsky Institute of Demography, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 143—159.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 143—159.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.10

ДОБРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ МУСУЛЬМАНОК
(На материалах социологических исследований
в Республике Татарстан)

Гузель Илгизовна Галиева, Миляуша Рустамовна Гибадуллина

Центр исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия, guzaka@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу добрачных стратегий молодых мусульманок. Эмпирическое исследование осуществлялось с 2018 по 2021 г. в г. Казани. Были проведены глубинные интервью и фокус-групповое исследование. Их участники — соблюдающие ислам молодые девушки, получающие среднее или высшее образование в религиозных образовательных учреждениях. Мусульманкам свойственна реализация рациональной стратегии брачного выбора. Выбор брачного партнера происходит с помощью модели фильтров: мусульманки определяют для себя наиболее востребованные качества, которыми должен обладать будущий спутник жизни, — религиозность, этническую принадлежность и общечеловеческие ценности (доброта, порядочность и др.), также в качестве наиболее важного критерия указывается образованность мужчины. При обобщении мнений молодых мусульманок о брачно-репродуктивных установках можно сконструировать несколько моделей мусульманских семей. Традиционная модель мусульманской семьи представляет собой расширенную, многодетную, в некоторых случаях и полигамную форму брака, в которой женщина является домохозяйкой, а мужчина добытчиком. Современная модель мусульманской семьи — эгалитарная, нуклеарная, чаще ориентированная на среднететность, не полигамная семья, где домашние обязанности между супругами распределяются равномерно, женщина по своему усмотрению может заниматься и трудовой деятельностью вне дома, саморазвитием.

Ключевые слова: добрачные стратегии, брачные стратегии, мусульманки

Для цитирования: Галиева Г. И., Гибадуллина М. Р. Добрачные стратегии молодых мусульманок: (на материалах социологических исследований в Республике Татарстан) // *Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 143—159.*

Original article

PREMARITAL STRATEGIES OF YOUNG MUSLIM WOMEN
(Based on the materials of sociological research
in the Republic of Tatarstan)

Guzel I. Galieva, Milyausha R. Gibadullina

Center for Islamic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation, guzaka@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of premarital strategies of young Muslims women. Empirical study was carried out in the period from 2018 to 2021 in Kazan. In-depth interviews and focus group research were conducted. The participants of the research were representatives of young Muslim women, receiving secondary or higher education in religious educational institutions. Premarital strategies include the following points: criteria for choosing a partner, method of dating, distribution of roles in future family and reproductive attitudes. The Islamic creed prescribes its own rules and norms on each of these points. But it is not always possible for Muslim women in the modern world to follow these norms, and sometimes some part is ignored for certain reasons. Thus, our research showed that Muslim women tend to implement a rational strategy of marriage choice, when in the premarital period, future wives are trying to learn more about the family, parents of the future husband, while reducing the premarital period to a minimum according to religious canons. Some factors can influence the process of the choosing a marriage partner, such as social environment, life circumstances, level of education, degree of religiosity, socialization and etc. That is especially vividly expressed in dating methods of young Muslim women. They use contemporary technologies and don't neglect modern forms of interaction (for example, acquaintance on the street, communication in social nets). At the same time while choosing a marriage partner young Muslim women primarily rely on the opinion and approval of their parents. The choice of marriage partner is implemented using special "filter model", which helps Muslim women to determine for themselves the most demanded qualities that a future life partner should possess. The following "filters" are usually noted by Muslim women: religiosity, ethnicity and universal values (kindness, decency, etc.), as the most important factor they point the intelligence and education. Muslim women tend to be active participants of public life in addition to home responsibilities. It is reflected in the desire of Muslim women to receive not only religious, but also secular education, in self-development in various fields etc. Thus the several models of Muslim families can be construed in process of generalization of young Muslim women opinions about marriage and reproductive attitudes. Traditional model of a Muslim family is an extended, multi-child, and in some cases polygamous form of marriage, in which the woman is a housewife and the man is the breadwinner of the family. The modern model of the Muslim family: egalitarian, nuclear, more often focused on the average number of children, not a polygamous family, where household duties are evenly distributed between spouses, a woman can also engage in work outside home, self-development at her discretion.

Key words: premarital strategies, marriage strategies, muslim women

For citation: Galieva, G. I., Gibadullina, M. R. (2022) Dobrachnye strategii molodykh musul'manok: (Na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniĭ v Respublike Tatarstan) [Premarital strategies of young Muslim women: (Based on the materials of sociological research in the Republic of Tatarstan)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 143—159.

Введение

Перераспределение функций семьи между социальными институтами взаимосвязано с либерализацией норм и установок в отношении брака и семейной жизни. В современном обществе патриархальные формы сменяются на новые, где добровольное безбрачие, многовариантность, рост личной свободы и многое другое становится нормой. По мнению исследователей, нормы и правила в меньшей степени регулируют поведение, личный выбор становится главной задачей индивида [Ростовская, Кучмаева, 2020: 528—529]. В данном случае верующие, подчиняющиеся доктринальным установкам, сталкиваются с необходимостью адаптироваться к большому количеству норм и общественных тенденций — религиозным предписаниям, местным традициям, модернистским тенденциям глобального мира.

В последние десятилетия активно ведут свою деятельность религиозные организации и движения, в том числе и в Татарстане, где идет процесс развития исламских институтов, строятся новые мечети, создаются условия для соблюдения религиозных обрядов, улучшается инфраструктура для мусульман.

Большое влияние на формы религиозности оказали общие особенности, связанные со спецификой функционирования религии в современном секуляризованном обществе. Различия в знании обрядово-ритуальной практики, ее соблюдении и установках на нее становятся разделяющим фактором между различными социальными группами. При демократизации общественной жизни происходит активное усвоение религиозных ценностей этническими мусульманами. При этом определенная доля верующих тяготеет некоторыми религиозными предписаниями и не выполняет обрядовую часть.

Жизненный путь мусульман, как и представителей других конфессий, состоит из траекторий, которые могут накладываться друг на друга и осуществляться параллельно (одна стратегия как инструмент для реализации другой) либо последовательно (завершение одной стратегии будет началом другой) [Галиева, 2021: 281]. Люди социализируются, обучаются различным навыкам, получают образование, выбирают профессии, строят различные формы отношений, создают семьи. Традиционные формы отношений меняются, появляются новые виды взаимоотношений (например, открытый брак, гостевой брак, сожительство, виртуальные отношения). Для религиозных же людей создание семьи является регламентированным событием, и многие современные мусульмане стремятся создать семью по предписаниям (обряд никаха¹, махр² и др.). В то же время в современных условиях модернизации и цифровизации у большинства мусульман встает вопрос о способе знакомства с будущим супругом. Если традиционно мусульмане знакомились благодаря родственникам, родителям, сватовству, то в настоящее время модели выбора брачного партнера несколько трансформировались.

Брачное поведение, брачно-репродуктивные установки, брачные стратегии изучали многие ученые: А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, С. И. Голод, В. М. Медков, Т. А. Гурко, В. В. Солodников и другие. Стоит выделить работы

---

¹ Никах — религиозная форма заключения брака в исламе.

² Махр — брачный дар.

С. С. Гордеевой и А. Н. Зыряновой, Т. К. Ростовской и О. В. Кучмаевой, посвященные поколенческим особенностям брачных стратегий [Гордеева, Зырянова, 2017; Ростовская, Кучмаева, 2020]. Однако религиозный аспект брачного поведения, брачных стратегий верующих, в том числе мусульман, недостаточно исследован. Можно отметить работы Г. Г. Гниятуллиной, А. В. Бобицкого, изучавших исторический аспект брачных стратегий мусульман [Гниятуллина, 2012; Бобицкий, 2018], И. А. Коррейи, выявившего влияние религии на брачные установки и поведение иностранных студентов [Коррейя, 2016], Э. М. Загировой, представившей результаты исследования о влиянии типа религиозности на отношение к традиционной семье [Загирова, 2017].

Наряду с брачным немаловажным является изучение и добрачного поведения молодого поколения. Л. С. Яковлев и В. С. Кучеренко, анализируя гендерные различия стратегий добрачного поведения молодежи, отмечают, что, опираясь на опыт своего окружения, молодые люди создают собственный набор семейных ролей и обязанностей, которые впоследствии будут готовы исполнять в будущей семье. Именно молодежь в большей степени включена в процесс добрачных отношений, и, раскрывая ее представления о данном явлении, можно строить прогнозы о том, что ждет институт семьи в будущем [Яковлев, Кучеренко, 2015: 118].

Т. С. Чистякова и А. В. Курамшев составили типологию добрачных практик, которая состоит из принудительной и непринудительной стратегий [Чистякова, Курамшев, 2010: 43—44]. К принудительным стратегиям у мусульман можно отнести сватовство, договоренность между родителями о заключении брака их детей, умыкание невест, где в приоритете не выбор молодыми будущих супругов, а предпочтение родителей. Непринудительная стратегия, в свою очередь, разделяется на рациональную и эмоциональную. Рациональная стратегия характеризуется целенаправленным выбором партнера с целью максимизации выгоды от брака. Эмоциональная стратегия обусловлена преобладанием эмоционально-чувственного компонента в отношениях с партнером, чувством любви или любви к нему.

А. В. Лысова приводит несколько моделей выбора партнера: модель фильтров, максимализации выгоды, дополнительности (комплементарности), близости, социобиологическую модель [Лысова, 2003: 46]. С точки зрения религиозных требований модель фильтров позволяет проводить поиск партнеров по важным критериям: гомегенности (этническая, конфессиональная принадлежность, цвет кожи), ценностно-ориентационному единству (совпадение ценностей, мировоззрения), потребностно-мотивационному принципу (совпадение базовых потребностей) [Шнейдер, 2000: 158]. Модель близости подразумевает географическое соседство — по месту жительства, учебы, работы и др.; в нашем случае это могут быть знакомства в религиозных локациях — мечетях, мусульманских образовательных учреждениях, халяль кафе, фитнес-центрах для мусульман. Например, в медресе³ учащиеся целенаправленно могут искать брачного партнера. В рамках модели максимизации выгоды возможен учет главного требования к партнеру — уровня религиозности и религиозного образования.

³ Медресе — религиозное учебное заведение.

А. Л. Шишелякина, анализируя добрачные стратегии татарок Тюменской области, выделяет традиционные, модернизирующие, религиозные, клерикализирующие и эмансипирующие стратегии [Шишелякина, 2012]. Отмечается, что при религиозных стратегиях, которые характерны для женщин с низкой этнической идентичностью и высокой религиозной, 1) религиозная принадлежность супруга важнее, чем этническая; 2) поиск супруга осуществляет умма⁴, а не родственники; 3) место знакомства — территория около мечети; 4) добрачный период краткий; 5) никах в приоритете над государственной регистрацией брака.

Цель и методы исследования

Целью данной работы является анализ добрачных стратегий молодых мусульманок. Гипотеза заключается в том, что добрачные стратегии современных мусульманок представляют собой симбиоз религиозных предписаний и современных тенденций в сфере семейных отношений. Современные добрачные стратегии мусульман стремятся к демократизации и либерализации при исполнении религиозных норм.

Эмпирическое исследование осуществлялось с 2018 по 2021 г. в г. Казани. Было проведено 14 глубинных интервью (далее в примерах И) и одно фокус-групповое исследование (далее в примерах Ф-Г), в котором приняли участие 10 человек. Участницами стали соблюдающие (практикующие) ислам молодые девушки, получающие среднее специальное или высшее образование в религиозных образовательных учреждениях. В ходе исследования были обозначены следующие опорные аспекты добрачных стратегий: условия вступления в брак, личностные характеристики будущего партнера, современные способы знакомства в мусульманской среде, репродуктивные установки, ожидаемое распределение ролей в будущей семье, отношение к многоженству. Фокус-групповое исследование позволило уточнить, каким образом в религиозной среде молодых мусульманок воспринимаются более демократичные и «светские» стратегии и ценности, которые информантки формулировали в личных интервью.

Под добрачной стратегией мусульманки мы понимаем часть жизненной стратегии, направленной на конструирование модели поведения с партнером с дальнейшей целью создания семьи.

Важно отметить, что информантки получают очное профессиональное религиозное образование в исламских учебных заведениях, где в учебной нагрузке преобладают религиозные дисциплины, среда является религиозной. Таким образом, информантки, скорее, относятся к группе с высоким уровнем религиозной идентичности (строго соблюдается дресс-код, выполняются религиозные предписания, приобретается религиозное образование). Средний возраст мусульманок на момент проведения интервью 18—20 лет. Следовательно, можно сказать, что данное исследование проводится в той среде мусульман, для которых соблюдение и исполнение религиозных предписаний важно. Для них актуально инкорпорирование религиозных ценностей и предписаний в повседневную жизнь.

---

⁴ Умма — мусульманская община.

Результаты исследования

В добрачные стратегии включаются: критерии выбора партнера, способ знакомства, распределение ролей в будущей семье и репродуктивные установки. Исламское вероучение по каждому из них предписывает правила и нормы. Но не всегда в современном мире у мусульманок получается следовать этим нормам, иногда какая-то часть по определенным причинам игнорируется.

Так, в хадисах⁵ обозначены обязательные критерии будущих партнеров. Женщина может вступить в брак только с мусульманином, мужчина может взять в жены мусульманку, христианку или иудейку при условии, если женщина примет ислам: «И дозволено вам брать в жены свободных женщин из верующих и из тех, кому было ниспослано Писание до вас» [Коран 5: 5, 2012: 109]. Строго запрещено вступать в брак с язычниками, многобожниками: «Не берите в жены язычниц, пока они не уверуют... И не отдавайте женщин верующих за язычников, пока они не уверуют» [Коран 20: 221, 2012: 50]. Также есть предписание соответствия супругов: 1) родовитость (если невеста является знатной по происхождению, то жених тоже должен быть таковым); 2) предки-мусульмане (жених, принявший ислам и не имеющий предков мусульман, не соответствует мусульманке, отец и деды которой являются мусульманами); 3) ремесло или профессия (дочь человека, имеющего благородную профессию, не соответствует жениху, занимающемуся униженным ремеслом); 4) свобода (раб не соответствует свободной женщине); 5) религиозность (она определяется богобоязненностью, благочестием и праведностью); 6) благосостояние (способность жениха выплатить невесте весь брачный выкуп (махр) и содержать ее первый месяц) [Нургалеев, 2013].

В своих ответах мусульманки прежде всего обращают внимание на религиозность будущих супругов.

Он должен быть религиозным, добрым, милосердным. Он должен хорошо относиться к своим родителям. Для меня это очень важно. Он должен быть искренним, образованным и терпеливым (Ф-Г, № 3, 19 лет).

В первую очередь он должен быть религиозным, человечным, не высокомерным, чтобы любил и уважал меня, детей, моих родителей. Трудолюбивый. Воспитанный, нравственный (Ф-Г, № 4, 19 лет).

При выборе брачного партнера национальность также является одним из критериев. Так, например, татарки ориентированы на представителей своей национальности или национальности, близкой к своему менталитету.

Я замужем за мусульманином, мы из одного города, проживаем здесь. Татарин, обязательно! Принципиально, чтобы был татарин, мы за сохранение родного языка и национальной идентичности (И, № 2, 18 лет).

В последний год я понимаю, что менталитет играет роль, оказывается. Например, мы живем в одной комнате — узбечка, кыргызка, татарка — и у всех разный менталитет. Вроде по исламу все живем, но все равно воспитание, любовь к своей нации есть (И, № 6, 18 лет).

⁵ Хадис — предание о поступках и изречениях пророка Мухаммеда, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины.

Даже если опыт родительской семьи иногда характеризуется словами «верят в Аллаха, но не соблюдают предписания», для всех информанток главным критерием является религиозность, духовная составляющая будущего супруга.

Для меня самое главное — мой мужчина тесно связан с Богом, т. е. если будет хорошая связь с Аллахом, то Аллах все ему даст... (Ф-Г, № 7, 19 лет).

Также в качестве наиболее важных критериев информантки называли личностные характеристики, такие как ответственность, заботливость, чувство юмора, понимание, ум, образованность.

Чтобы он был трудолюбивый, ответственный, религиозный, образованный, с чувством юмора, с таким же мировоззрением, как у меня. И относительно ревнивый (Ф-Г, № 2, 21 год).

Он должен быть умный, с чувством юмора, должен хорошо уметь готовить, должен любить меня, детей и мою семью. Гибкий, конечно. И заботливый (Ф-Г, № 5, 18 лет).

Наряду с духовностью важным основанием для создания семьи является материальное положение. Несмотря на юный возраст, мусульманки обращают внимание на финансовые и материальные возможности и перспективы будущего супруга.

У него должна быть работа. Не так, чтобы подрабатывал где-то. Он должен устояться. У него должен быть постоянный заработок. Потому что пойдут дети, их нужно будет содержать. Это работа не для женщины — содержать семью (Ф-Г, № 3, 19 лет).

Результаты наших исследований частично подтвердили положения концепции Г. Беккера о рациональном характере выбора брачного партнера. Принцип выбора супруга по схожести социального положения, конфессиональной, часто и этнической принадлежности широко распространен среди мусульман. То есть «высококачественный» мужчина выбирает «высококачественную» женщину, а «низкокачественный» — «низкокачественную» [Беккер, 1994]. В то же время мусульманки подчеркивают, что будущий муж должен быть более умным, образованным, стремящимся к саморазвитию и старше возрастом.

Для меня важно, чтобы этот человек был знаниями не ниже, чем я (И, № 9, 21 год).

Хочу, чтобы он был умнее меня, начитаннее. Не выйдет же принцесса за какого-то там скажем... человека ниже (И, № 12, 19 лет).

На первом месте у него должно быть религиозное образование. Выше, чем у меня. Материальное положение, чтобы мог обеспечить семью, по минимуму хотя бы (Ф-Г, № 8, 19 лет).

Некоторые девушки при планировании замужества обучаются на специальных курсах, поскольку брак, семейные отношения рассматриваются как требующие знаний, это ответственное событие в жизни мусульманки.

Я сейчас прохожу курсы «Яшь килен»⁶. Это так все сложно. Вы бы знали, как мне страшно это все. Я никогда так хорошо с мальчиками не общалась (И, № 8, 21 год).

Шариат допускает брак с 15 лет для мужчин и с 9 лет — для женщин. Однако на территории Поволжья традиционный брачный возраст в конце XIX — начале XX в. среди верующих, в силу социально-экономических факторов и законодательного запрета на ранние браки, в среднем составлял 22,7 года у мужчин и 19,7 — у женщин [Мухаметзарипов, 2012: 46—47]. На сегодняшний день молодые мусульманки также не ориентированы на ранние браки, придерживаются более демократичных установок. В среднем в качестве планируемого возраста для замужества называют 21—23 года. Основной мотивацией является окончание учебного заведения, получение образования.

Я им сказала, что ближе к 23. Хочу отучиться. На ноги встать. Семью, конечно, хочется. Психологически не готова еще. Жить с чужим человеком... К этому нужно быть готовой (И, № 13, 20 лет).

Относительно возраста вступления в брак молодые мусульманки испытывают давление со стороны родителей и старших родственников, которые склонны к более традиционным взглядам.

Иниаллах, я хотела после 23 лет <вступить в брак>, но все мне говорят, все родственники, что меня никто замуж не возьмет после 23 лет. Но я хотела бы после того, как закончу <учебное заведение>, чтобы получить образование и светское, и шариатское... (И, № 6, 18 лет).

Также присутствуют нарративы приоритета образования над замужеством. Например, если мать в связи с замужеством и рождением детей не смогла получить образование и профессионально реализоваться.

Она [мать] мне всегда говорила, чтобы я получила диплом, чтобы я хорошо училась. Она говорит: никогда не бросай учебу. Потому что один раз у меня была мысль перейти на заочное обучение и работать. Она сказала: работать всегда успеешь, выучиться все равно нужно сейчас... Если честно, пока не отучусь — нет. Это еще тоже мама заложила, это тоже способствовало. Сказала: учись, потому что потом, я знаю, ты выйдешь <замуж> и все... залетишь там (И, № 8, 21 год).

Так как наши информантки находятся в допустимом брачном возрасте, они не исключают возможности выйти замуж и во время получения образования, на выпускном курсе или сразу после окончания учебного заведения.

Я думаю, либо на 4-м курсе, либо после (И, № 10, 22 года).

Я удивлялась, что все девчонки хотят выйти замуж. Все разговоры только о замужестве. Эта тема № 1 в общезжитии, и тогда, и сейчас. Я была в шоке. Потом я начала думать... Я начала видеть плюсы и минусы. На самом

⁶ Яшь килен — молодая невеста.

деле мусульманкам лучше выходить сейчас. Потому что это твоя поддержка. Потому что родители у меня далеко (И, № 11, 20 лет).

Один из самых эклектичных аспектов добрачного поведения — процесс знакомства. Так, в хадисе рекомендовано сократить добрачный период и после трех встреч заключить брак. Наши информантки определили несколько современных способов знакомств.

1. Сватовство, по рекомендации родителей или родственников, через имамов или друзей.

...У мусульман... кто в религии глубоко достаточно... хорошо срабатывает, что знакомят. То есть по рекомендации, что вот «я знаю эту семью, я знаю этого человека» (И, № 9, 21 год).

У нас традиционно... так... Приезжает молодой человек с родителями к родителям, обговаривают, потом подключают меня, и если я согласна, и если я хочу, то я даю свое добро (И, № 12, 19 лет).

...Иногда бывает такое, что пишут и спрашивают: «Можно с вами познакомиться через вали?» Вали — это либо отец, либо брат, представитель. Так знакомятся. Могут прийти, спросить номер отца или брата... (Ф-Г, № 8, 19 лет).

2. Через специализированные мусульманские интернет-платформы.

Я, например, слышала <про сайт> «Никах-сунна». Моя знакомая оттуда вышла замуж (Ф-Г, № 2, 21 год).

3. С помощью записок в мечетях, служб знакомств в мечетях.

Один у всех ответ будет. Это социальные сети. Это самый распространенный. Но я еще знаю такой способ: мусульманка пишет на листе свои данные, номер телефона и приносит это в мечеть... Как я знаю, есть такие объединения, Махалля например. Там знакомят мусульманок с мужчинами (Ф-Г, № 3, 19 лет).

4. Через общение в мусульманской среде (религиозные образовательные учреждения, при посещении мечети, мусульманских мероприятий и др.).

Лучше всего это в мечети. Потому что в Интернете ты не знаешь вообще, кто это. Мужчина пишет или женщина (Ф-Г, № 6, 18 лет).

...На каких-то мероприятиях могут познакомиться. Это как Казань — халяль Экспо (Ф-Г, № 8, 19 лет).

5. Знакомства напрямую молодых людей и девушек в социальных сетях.

...Чаты, социальные сети. Необязательно специализированные. Сейчас много соцсетей, в которых необязательно выставлять свои фотографии. Мне кажется, немножко раскрепощеннее в сети, нежели кому-то сказать, с кем-то пойти вживую на контакт. Но это тоже неправильно... Может, он [мужчина] совсем не такой, как он себя представляет (Ф-Г, № 1, 33 года).

Социальные сети. Допустим, Twitter. Девочка что-то пишет, а мальчику это нравится. Он ей пишет: «Круто пишешь!» Дальше общаются. Или на улице, редко бывает (Ф-Г, № 5, 18 лет).

Последний вариант респонденты указывают как наиболее популярный на данный момент, хотя отношение к нему далеко неоднозначное.

Если честно, я против знакомств в Интернете. Я и не общаюсь с мальчиками, а они пишут: «Вы мне очень понравились». А там, например, даже твоей фотографии нет. «Вы мне очень нравитесь, я хочу с вами познакомиться, пообщаться с нятом⁷ на никах». И ты говоришь: «Как? Ты же меня ни разу не видел». Он: «Ты такие посты ставишь, мне нравится». И все, что ли? (Ф-Г, № 7, 19 лет).

С одной стороны, социальные сети облегчают прямое знакомство молодых и дают больше информации о возможных партнерах. С другой, этот способ уменьшает влияние и контроль родителей и иных авторитетов, что в целом не согласуется с религиозными канонами. Следуя традициям, девушки считают, что выбор и устройство свадьбы — дело родителей и более правильный ход событий.

Я не хочу <знакомиться> в Инстаграмме, хочу, чтобы родители выбрали. Я им больше доверяю, чем самой себе (И, № 3, 19 лет).

Мнение родителей очень учитывается при выборе спутника жизни. Я очень доверяю маме, потому что она хорошо разбирается в людях. Если она смотрит на человека и если он ей нравится, значит, человек хороший (И, № 4, 17 лет).

Иногда не получается следовать религиозным нормам или традиции.

У меня, например, отца нет. У меня брата нет. Двоюродные. Они — не соблюдающие. В таком случае я не знаю, кто должен за меня ответственность нести. Но в любом случае это мама сейчас делает. Но мы с ней живем сейчас в разных городах. 2 тысячи километров. И она мне явно мужа не подберет. <...> В наших реалиях это либо в университете, либо в мечети (Ф-Г, № 10, 22 года).

На сегодняшний день происходят сдвиги в различных сферах жизнедеятельности человека. Здесь важна самая центральная категория — «баланс жизни и труда» («work and life balance»). Именно в этой дихотомии и строится, как правило, жизненный мир каждого человека, семьи и общества. На первый взгляд кажется, что тренд подсчета экономического вклада в ведение домохозяйства касается прежде всего женщин, не особо принимается во внимание государством и официальными институтами. Повестка же меняет сознание и отражается на ценностях и паттернах поведения. По мнению исследователей, признаком влияния концепции является «перенос центра тяжести с институциональной регуляции этого баланса на индивидуальные потребности» [Рождественская, Исупова, 2019: 4]. Данные трансформации происходят и в среде верующих, где женщины сталкиваются с жесткими предписанными ролями и новыми возможностями светского общества. Особенно когда сбалансированность работы и семьи способствует достижению успеха (материальное благополучие,

---

⁷ Нянт — намерение.

уровень реализации жизненных планов, чувство счастья) [Темницкий, 2019: 307]. Адаптируясь к современным реалиям, мусульманки выбирают трудовую деятельность, которую можно осуществлять не выходя из дома — удаленная, дистанционная работа и др.

Можно дома работать. Какие-то курсы логопедические вести в Зуме... не могу дома просто сидеть (И, № 9, 21 год).

Муж у нас, конечно, добытчик. Женщина — хранительница очага. В идеале. Но я, правда, не знаю, смогу ли я сидеть дома. Может быть, мне захочется заняться чем-то... (И, № 11, 20 лет).

Я считаю, что женщина может работать. Сколько хобби. Свои деньги должна иметь, деньги жены неприкасаемые для мужа (И, № 13, 20 лет).

В целом тренд самореализации в роли жены и матери сохраняется, некоторые информантки не планируют строить карьеру.

Если честно, я работать не планирую. Ну, максимум, если там что-нибудь шить. Или курсы таджвида⁸ онлайн. И все. Я думаю, на этом можно хорошо заработать (И, № 10, 22 года).

Больше развиваться, чем работать, я бы сказала. Выйти замуж, преподавать, не каждый день... (И, № 14, 18 лет).

Молодые мусульманки хотели бы получать помощь от супруга в бытовых, домашних делах. Таким образом, роль основного финансового источника сохраняется за супругом, но традиционные «женские обязанности» желательно разделить.

Я более современный человек. Я не хочу, чтобы «женщина — плита». Конечно, женщина должна оберегать семейный очаг. Но она должна и себя любить, иначе станет неинтересной, так скажем. Я бы хотела, чтобы будущий супруг не отказывался от домашних дел и чтобы совместно работали (И, № 12, 19 лет).

Обязательно <муж должен помогать по дому>. В исламе нет, что жена должна. Он же опора и поддержка (И, № 14, 18 лет).

Сура 4 «Женщины» обосновывает право мужчины иметь более одной жены [Коран 4: 3, 2012: 85], то есть многоженство в исламе дозволено. По негласной статистике, 15 лет назад в г. Казани полигамных браков было порядка 20 [Астахова, 2006: 201—202]. Поэтому вопрос полигамии для информанток актуален. В целом мусульманки признают это право мужчины, но в рамках своей семьи хотели бы избежать данной ситуации.

Раз Всевышний разрешил... Те, кто хотят стать первыми, вторыми, третьими женами. Пожалуйста. Но чтобы это не касалось меня (Ф-Г, № 2, 21 год).

---

⁸ Таджвид — правила чтения Корана.

Нет, я не отрицаю, что это разрешено. Просто касательно меня — нет (И, № 9, 21 год).

Информантки особо подчеркивают важность намерения мужчины взять вторую жену, некоторые выражают готовность жить в полигамной семье. Однако в современных реалиях мужчины чаще руководствуются не моральными и религиозными принципами, а скорее желанием иметь более молодую жену [Galieva, 2020: 67].

Но ведь это какой ният у мужчины взять вторую жену. Если мой муж захочет взять вторую жену лишь из-за того, что он хочет удовлетворить свои потребности, то над этим я подумаю. Но если он подойдет ко мне и скажет, что, например, «тут такая ситуация. Есть одна сестра, которая осталась без средств к существованию, и я бы хотел, ради Аллаха, взять ее второй женой». Пожалуйста, бери, конечно. То есть смотря какой ният у мужчины. Для меня вот это важно в многоженстве. Не из-за того, что она красивая... (Ф-Г, № 3, 19 лет).

Это не запрещено. Конечно, если будет нужда — помочь. Или я не смогу иметь детей. Тогда понятно. А если просто... (И, № 10, 22 года).

Таким образом, количество никахов может быть больше одного для мужчины. Однако религиозный брак в России не дает никаких материальных гарантий в случае развода, смерти одного из супругов, наследования и др. Поэтому большинство наших информанток планируют регистрацию брака и в органах государственной власти. Нарратив только религиозного брака также имеет место быть.

И никах, и ЗАГС. Без этого никак. Никах перед Богом. Делить имущество, если что, тоже надо будет (И, № 12, 19 лет).

Думаю, что это никах. Потому что брак, заключенный государственным стандартом Российской Федерации, — это формальность (Ф-Г, № 1, 33 года).

Репродуктивные установки мусульман также заложены в религии: воспитание детей — долг родителей [Нургалеев, 2013: 10]. Традиционно многодетность в мусульманской семье является нормой. Несмотря на то что материнство, воспитание детей в исламе первоочередная задача для мусульманок, некоторые информантки подчеркнули, что при создании семьи хотели бы отложить рождение детей на несколько лет.

Конечно, мы считаем, что нет нежеланных детей, и нет незапланированных. Если будет форс-мажор, так захотел Всевышний и это благо. Но хочется запланированных детей. Изучить литературу, как воспитывать, питание. Чтобы было комфортно. Пока хочется пожить для себя (И, № 11, 20 лет).

Современные мусульманки планируют рождение детей с рациональной точки зрения, с учетом необходимости определенных временных и материальных вложений, возможности дать им хорошее воспитание, образование.

У нас большая семья, поэтому я бы не хотела такой большой. Но, наверное, я не хочу детей в первые два года брака. Сразу не хочу. Это ответственный

шаг, и к нему, наверно, готовиться нужно, информацию найти какую-то (И, № 9, 21 год).

В то же время можно встретить и таких мусульманок, которые не ставят ограничения в количестве детей, уповая на Аллаха.

8 детей, но, думаю, 10... Никто не верит, но я очень люблю детей (И, № 10, 22 года).

Хотелось бы больше 3. Максимум не ставлю (Ф-Г, № 9, 19 лет).

Обсуждение и заключение

Изменения гендерного порядка оказывают влияние на современные характеристики семьи и распределение ролей. Так, современные авторы определяют три основных сюжета, характерных для российской семьи в последние десятилетия: 1) вариативность семейных сценариев, заключающуюся в различных гендерных составах семей; 2) изменение гендерных ролей, проявляющееся в росте экономической активности женщин, их растущей финансовой независимости внутри семьи с одновременной передачей части хозяйственных обязанностей мужчине; 3) изменения в семейном укладе, о чем ярче всего свидетельствует укрепившаяся воспитательная функция отца [Круглова, 2021]. Семьи верующих также находятся под влиянием существующих тенденций в обществе, однако для них более актуальным становится вопрос сохранения своей религиозной идентичности — реализации религиозных предписаний в обществе, где появляются новые формы отношений, активно изменяются роли мужчин и женщин и др.

Исследование показало, что мусульманкам свойственна реализация рациональной стратегии брачного выбора: в добрачный период будущие молодожены стараются больше узнать о семье, родителях будущего супруга, при сокращении добрачного периода до минимума соответственно религиозным канонам. На процесс выбора брачного партнера могут оказывать влияние те или иные факторы: социальное окружение, жизненные обстоятельства, уровень образования, степень религиозности, социализация... Это особенно ярко выражается в формах знакомства молодых мусульман: активно используются современные технологии и реализуются современные формы взаимоотношений (например, знакомства на улицах, общение в социальных сетях). В то же время молодые мусульманки при выборе брачного партнера опираются в первую очередь на мнение и одобрение родителей. Выбор брачного партнера происходит с помощью модели фильтров: мусульманки определяют для себя наиболее востребованные качества, которыми должен обладать будущий спутник жизни, — религиозность, этническую принадлежность и общечеловеческие ценности (доброта, порядочность и др.), также в качестве наиболее важного критерия указывается образованность мужчины.

При обобщении мнений молодых мусульманок о брачно-репродуктивных установках можно сконструировать несколько моделей мусульманских семей. Традиционная модель мусульманской семьи представляет собой расширенную, многодетную, в некоторых случаях и полигамную форму брака, в которой

женщина — домохозяйка, а мужчина — добытчик. Современная модель мусульманской семьи — эгалитарная, нуклеарная, чаще ориентированная на среднететность, не полигамная семья, где домашние обязанности между супругами распределяются равномерно, женщина по своему усмотрению может заниматься и трудовой деятельностью.

Таким образом, в зависимости от многих факторов — в какой семье воспитывалась, какие ценности прививались, происходили ли адаптации к другим условиям проживания, среде — у мусульманок может конструироваться та или иная модель семьи. Однако при знакомстве с будущим супругом и планировании совместной жизни брачно-репродуктивные установки могут меняться, соответственно будет меняться модель семьи.

Список источников

- Астахова Л. С.* Религия в системе социальных отношений и процессов: идеально-типологический и исторический аспекты. Казань: Центр инновационных технологий, 2006. 232 с.
- Беккер Г.* Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12—36.
- Бобицкий А. В.* Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию исторического факультета Уральского федерального университета, Екатеринбург, 16—18 ноября 2018 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 285—288.
- Галиева Г. И.* Религиозный активизм в жизненных стратегиях современных мусульманок // Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан / отв. ред. Т. Н. Липатова. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 277—298.
- Гниятуллина Г. Г.* «Бытовые пережитки» в сфере брака и семьи в 1920—1930 годы: (на материалах Башкирии) // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН, 4—7 октября 2012 года, Тверь. Тверь, 2012. 560 с.
- Гордеева С. С., Зырянова А. Н.* Стратегии брачного поведения трех поколений горожан: (на примере г. Пермь) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 284—294.
- Загирова Э. М.* Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 2. С. 82—103.
- Коран / пер. с араб. и коммент. Б. Я. Шидфар; под ред. Р. К. Шидфара. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 608 с.
- Коррейя И. А.* Религия в брачных установках и брачном поведении иностранных студентов в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2016. № 2. С. 168—174.
- Круглова Е. Л.* Семья как объект формирования нового гендерного порядка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 1 (ч. 2). С. 238—245.
- Лысова А. В.* Психология семьи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. Ч. 2. 121 с.
- Мухаметзарипов И. А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского магометанского духовного собрания в конце XVIII — начале XX в. Казань: Яз, 2012. 293 с.

- Нургалеев Р. М. Классическое мусульманское семейное право: учебное пособие. Набережные Челны: Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2013. 100 с.
- Рождественская Е. Ю., Исупова О. Г. Баланс жизни и работы: семья, свободное время, трудовая деятельность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 3—7.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527—545.
- Темницкий А. Л. Роль сбалансированности работы и семьи в достижении жизненного успеха у наемных работников России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 306—323.
- Чистякова Т. С., Курамшиев А. В. Стратегии добрачных практик современной молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 3. С. 43—49.
- Шишелякина А. Л. Добрачные стратегии татарок в условиях трансформации российского общества: (на примере татарского сообщества Тюменской области) // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 17—25.
- Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-пресс, 2000. 512 с.
- Яковлев Л. С., Кучеренко В. С. Гендерные различия стратегий добрачного поведения молодежи // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 2. С. 114—119.
- Galieva G. I. Polygamy as a form of marriage: based on sociological research // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research: Transactions of the XXIII International Conference Named after Professor L. N. Kogan. Yekaterinburg, 2020. С. 67—73.

References

- Astakhova, L. S. (2006) *Religiia v sisteme sotsial'nykh otnoshenii i protsessov: ideal'no-tipologicheskii i istoricheskii aspekty* [Religion in the system of social relations and processes: ideal-typological and historical aspects], Kazan': Centr innovatsionnykh tekhnologii.
- Bekker, G. (1994) Vybora partnëra na brachnykh rynkakh [Choosing a partner in marriage markets], *THESIS*, vol. 6, pp.12—36.
- Bobitskiĭ, A. V. (2018) Brachnost' musul'man Ekaterinburga v nachale XX veka po materialam metriceskikh knig [Marriage of Muslims of Yekaterinburg at the beginning of the XX century based on the materials of metric books], in: *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*: Materialy VII Vserossiĭskoiĭ nauchno-prakticheskoiĭ konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoiĭ 80-letiiu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 285—288.
- Chistiakova, T. S., Kuramshev, A. V. (2010) Strategii dobrachnykh praktik sovremennoiĭ molodëzhi [Strategies of premarital practices of modern youth], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 3, pp. 43—49.
- Galieva, G. I. (2020) Polygamy as a form of marriage: based on sociological research, in: Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: *Methodology*

- and Experience of Empirical Research: Transactions of the XXIII International Conference Named after Professor L. N. Kogan, Ekaterinburg*, pp. 67—73.
- Galieva, G. I. (2021) Religioznyĭ aktivizm v zhiznennykh strategiakh sovremennykh musul'manok [Religious activism in the life strategies of modern Muslim women], in: Lipatova, T. N. (ed.) *Islam i religioznyĭ aktivizm v Respublike Tatarstan*, Kazan': Izdatel'stvo Akademii nauk Respubliki Tatarstan, pp. 277—298.
- Gniiatullina, G. G. (2012) "Bytovye perezhitki" v sfere braka i sem'i v 1920—1930-e gody: (Na materialakh Bashkirii) ["Household remnants" in the sphere of marriage and family in the 1920—1930 years: (On the materials of Bashkiria)], in: *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen: Materialy Piatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoĭ istorii i Instituta etnologii i antropologii RAN, Tver'*.
- Gordeeva, S. S., Zyrianova, A. N. (2017) Strategii brachnogo povedeniia trëkh pokolenii gorozhan: (Na primere g. Perm') [Strategies of marital behavior of three generations of citizens: (On the example of Perm)], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 6, pp. 284—294.
- Iakovlev, L. S., Kucherenko, V. S. (2015) Gendernye razlichii strategii dobrachnogo povedeniia molodezhi [Gender differences in the strategies of premarital behavior among young people], *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta*, no. 2, pp. 114—119.
- Korreĭia, I. A. (2016) Religiiia v brachnykh ustanovkakh i brachnom povedenii inostrannykh studentov v Rossii [Religion in marital attitudes and marital behavior of foreign students in Russia], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 2, pp. 168—174.
- Kruglova, E. L. (2021) Sem'ia kak ob'ekt formirovaniia novogo gendernogo poriadka [Family as the object of forming a new gender order], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Filosofiiia. Sotsiologiiia. Iskusstvovedenie, no. 1, pt. 2, pp. 238—245.
- Lysova, A. V. (2003) Psikhologiiia sem'i [Psychology of the family], pt. 2, Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta.
- Mukhametzaripov, I. A. (2012) *Funktsionirovanie shariata v okruge Orenburgskogo Magometanskogo dukhovnogo sobraniia v kontse XVIII — nachale XX v.* [Functioning of Sharia in the district of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly at the end of the XVIII — early XX century], Kazan': Iaz.
- Nurgaleev, R. M. (2013) *Klassicheskoe musul'manskoe semeinoe pravo: uchebnoe posobie* [Classical Muslim family law: Training manual], Naberezhnye Chelny: Dukhovno-delovoi tseŋtr "Islam Nury".
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020) Transformatsiia obraza zhelaemoi modeli sem'i u raznykh pokolenii: rezul'taty vs Rossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniia [Transformation of the image of the desired family model in different generations: results of the All-Russian sociological research], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, seriia Sotsiologiiia, no. 3, pp. 527—545.
- Rozhdestvenskaia, E. Iu., Isupova, O. G. (2019) Balans zhizni i raboty: sem'ia, svobodnoe vremia, trudovaia deiatel'nost' [The balance of life and work: family, free time, work activity], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 3—7.
- Shidfar, R. K. (ed.) (2012) *Koran* [The Koran], Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani.
- Shisheliakina, A. L. (2012) Dobrachnye strategii tatarok v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: (Na primere tatarskogo soobshchestva Tiimenskoĭ oblasti) [Premarital strategies of Tatar women in the conditions of transformation of Russian

society: (On the example of the Tatar community of the Tyumen region)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 17—25.

Shneider, L. B. (2000) *Psikhologiya semeinykh otnoshenii*: Kurs lektsii [Psychology of family relations: A course of lectures], Moscow: Aprel'-press.

Temnitskii, A. L. (2019) Rol' sbalansirovannosti raboty i sem'i v dostizhenii zhiznennogo uspekha u naemnykh rabotnikov Rossii [The role of work and family balance in achieving life success among Russian employees], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 3, pp. 306—323.

Zagirova, E. M. (2017) Vliianie tipa religioznosti na otnoshenie k traditsionnoi sem'e [The influence of the type of religiosity on the attitude to the traditional family], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, no. 2, pp. 82—103.

Статья поступила в редакцию 05.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

The article was submitted 05.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 20.04.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Галиева Гузель Илгизовна — кандидат социологических наук, заведующая отделом «Центр мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан», Центр исламоведческих исследований АН Республики Татарстан, г. Казань, Россия, guzaka@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Head of the Department “Monitoring Center for Interethnic and Interfaith Relations in the Republic of Tatarstan”, Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation).

Гибадуллина Миляуша Рустамовна — научный сотрудник Центра исламоведческих исследований АН Республики Татарстан, г. Казань, Россия, g.milya@mail.ru (Research Fellow at the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation).

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 160—164.

Woman in Russian Society. 2022. No. 3. P. 160—164.

Рецензия

УДК 316.34/.35

DOI: 10.21064/WinRS.2022.3.11

Рец. на кн.: *Curran W. Gender and Gentrification.*

New York: Routledge, 2018. 124 p.

Инна Альфредовна Вершинина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, urbansociology@yandex.ru

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01106 «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России».

Для цитирования: Вершинина И. А. [Рецензия] // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 160—164. Рец. на кн.: *Curran W. Gender and Gentrification.* New York: Routledge, 2018. 124 p.

Review

Review of: *Curran W. Gender and Gentrification.*

New York: Routledge, 2018. 124 p.

Inna A. Vershinina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
urbansociology@yandex.ru

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-011-01106 “New forms of social inequality and features of their manifestation in modern Russia”.

For citation: Vershinina, I. A. (2022) Retsenziia na knigu: Curran W. *Gender and gentrification*. New York: Routledge, 2018. 124 p. [Review of: Curran W. *Gender and Gentrification*. New York: Routledge, 2018. 124 p.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 160—164.

В 2018 г. была опубликована книга профессора чикагского Университета Де Поля (De Paul University) Уинифред Каррен (Winifred Curran) «Гендер и джентрификация» [Curran, 2018], в которой она предлагает рассмотреть одну из самых острых проблем современных городов — джентрификацию — в гендерном измерении. Публикаций по джентрификации сегодня достаточно много (см., напр.: [Rousseau, 2009]), но изучение ее гендерных аспектов — довольно редкий случай для современных исследований. Если в конце прошлого столетия статьи по данной теме выходили [Rose, 1984; Bondi, 1991], то в последние два десятилетия она, к сожалению, оставалась на периферии научных интересов.

Термин «джентрификация» введен в научный оборот в 1960-х гг. британским социологом Р. Гласс, которая обратила внимание на изменение социального облика ряда районов Лондона вследствие того, что бывшие «кварталы рабочего класса» «захватывают» представители средних слоев [Glass, 1964: XVIII]. Сегодня причины джентрификации рассматриваются значительно шире. В частности, американский социолог С. Сассен считает транснациональные корпорации главным агентом, заинтересованным в джентрификации [Sassen, 2016]. Они способствуют росту цен на недвижимость, тем самым заставляя застройщиков искать новые участки земли, часто в ущерб интересам местного населения (например, когда новые здания возводятся на территории парков и общественных пространств). Необходимо также отметить, что для многих корпораций недвижимость является лишь одним из видов инвестиций, как следствие — купленные ими квадратные метры могут пустовать, не используя по назначению.

По джентрификации опубликовано значительное число работ, затрагивающих преимущественно экономические вопросы. У. Каррен указывает на необходимость выявления *гендерных особенностей современных форм джентрификации* и предлагает рассматривать ее как глобальный урбанистический процесс. В центре внимания авторов предыдущих работ, предметом которых становились гендерные аспекты джентрификации, находились прежде всего процессы принятия решений и предпочтения агентов джентрификации. У. Каррен подходит к данной проблеме иначе. Она показывает, что джентрификация ставит в невыгодное положение определенные группы населения, рассматривает джентрификацию как приток жителей с высоким доходом в районы, где ранее проживал рабочий класс, что привело к вытеснению из этих районов представителей рабочего класса. Тем самым она анализирует проблемы, возникающие вследствие джентрификации у людей с низкими доходами, пожилых, людей с ограниченными возможностями, но в центре ее внимания находятся женщины.

В исследовании отмечается, что при анализе процесса джентрификации гендерные аспекты редко оказываются средоточием интересов, хотя последствия джентрификации имеют явно выраженные гендерные различия. Однако они уже настолько привычны и даже банальны, что многими игнорируются, с чем

У. Каррен категорически несогласна, настаивая на необходимости их изучения. Гендерное неравенство — традиционный вид социального неравенства, но в условиях глобализации проявляются его новые измерения, одно из которых связано как раз с джентрификацией. Когда инвесторы занимаются редевелопментом территорий в интересах наиболее состоятельных жителей и корпораций, когда сносят дешевое жилье, в первую очередь страдают женщины.

К главным негативным последствиям джентрификации относится перемещение людей, их вытеснение из привычного для них района с целью его последующего благоустройства. У. Каррен демонстрирует, что в результате джентрификации, даже если не происходит насильственного переселения, растет стоимость жизни, повышается арендная плата, что сужает выбор жилья и постепенно заставляет экономически не защищенные слои населения покинуть благоустраиваемый, а потому «дорожающий» район. Она утверждает, что наименее защищенными в данной ситуации оказываются незамужние женщины с детьми, а также пожилые люди, среди которых женщин больше, чем мужчин.

В работе У. Каррен также подробно анализируется ситуация, связанная с местом женщин на рынке труда. Многие из них занимают низкооплачиваемые должности, вследствие чего зависят от социальных программ, а потому оказываются главными жертвами преобразований города в интересах максимизации прибыли. Джентрификация особенно негативно влияет на женщин, которых можно отнести к рабочему классу. Они не соответствуют идеализированным гендерным нормам, поскольку не могут найти работу в сфере услуг. Однако их положение усугубляется тем, что они, как правило, вынуждены долго добираться до работы в связи с отсутствием доступного жилья в непосредственной близости от нее. Более того, растущие расходы на жилье приводят к необходимости работать больше, даже если этот труд является довольно тяжелым в физическом плане и скорее соответствует нормам маскулинного труда.

Женщины с низкими доходами зачастую вынуждены довольствоваться жильем в районах с малым числом общественных пространств и дефицитом социальных объектов вследствие мер жесткой экономии при их строительстве, что свидетельствует о безразличии к ним городских властей. Это может привести к их социальной изоляции, минимизировав возможности по улучшению социально-экономического положения.

Неравенство приобретает все новые проявления, в том числе и в городском пространстве [Осипова и др., 2019]. Как это ни парадоксально, но женщины, не являясь выгодоприобретателями джентрификации, зачастую бывают ее инициаторами [Сиган, 2018], поскольку артикулируют свои запросы на изменение городов. Это связано с тем, что женщины, как правило, используют городское пространство более разнообразно, чем мужчины, — как место для работы, воспитания детей, покупок, культурных мероприятий и др. Тогда как города зачастую планируются мужчинами и для мужчин. Исследование У. Каррен высоко оценено научным сообществом, в частности потому, что она продемонстрировала различные способы, с помощью которых сегодня джентрификация служит интересам капиталистического патриархата [Weber, 2019].

Российские исследователи также обращают внимание на то, что при рассмотрении урбанизации и процессов, характерных для городов разной величины,

гендерные аспекты требуют дополнительного изучения. Отмечается, что «именно женщины, особенно пожилые, могут быть в наиболее неприятной ситуации, поскольку они больше подвержены риску бедности, одиночества, труднодоступности социальных услуг, потери социальных контактов, невключенности в локальное общество и экономику...» [Калабихина и др., 2018: 59]. В свете сказанного многие вопросы, поднимаемые У. Каррен, актуальны и для нашей страны, а потому ее работа представляет несомненный интерес и для российских читателей.

Список источников

- Калабихина И. Е., Мокренский Д. Н., Оборин М. С., Шерешева М. Ю. Экономико-демографическое развитие малых городов Центральной России: важен ли гендерный аспект? // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2. С. 42—63.
- Осипова Н. Г., Вершинина И. А., Мартыненко Т. С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // *Социологические исследования*. 2019. № 1. С. 153—155.
- Bondi L. Gender divisions and gentrification: a critique // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1991. Vol. 16, № 2. P. 190—198.
- Curran W. *Gender and Gentrification*. New York: Routledge, 2018. 124 p.
- Glass R. *London: Aspects of Change*. London: Centre for Urban Studies: MacGibbon and Kee, 1964. 342 p.
- Rose D. Rethinking gentrification: beyond the uneven development of Marxist urban theory // *Environment and planning D: Society and Space*. 1984. Vol. 2, № 1. P. 47—74.
- Rousseau M. Re-imagining the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in «loser cities» // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2009. Vol. 33, № 3. P. 770—788.
- Sassen S. The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs // *City & Community*. 2016. Vol. 15, № 2. P. 97—108.
- Weber R. Winifred Curran 2018: *Gender and Gentrification*. New York, Routledge // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2019. Vol. 43, № 1. P. 200—202.

References

- Bondi, L. (1991) Gender Divisions and Gentrification: A Critique, *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 16, no. 2, pp. 190—198.
- Curran, W. (2018) *Gender and Gentrification*, New York: Routledge.
- Glass, R. (1964) *Aspects of Change*, London: Centre for Urban Studies, MacGibbon and Kee.
- Kalabikhina, I. E., Mokrenskii, D. N., Oborin, M. S., Sheresheva, M. Yu. (2018) Ékonomiko-demograficheskoe razvitie malykh gorodov Tsentral'noï Rossii: vazhen li gendernyi aspekt? [Economic and demographic development of small cities in Central Russia: is gender aspect important?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 42—63.
- Osipova, N. G., Vershinina, I. A., Martynenko, T. S. (2019) Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlia gorodov [Inequality and uncertainty: current challenges for cities], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 153—155.
- Rose, D. (1984) Rethinking gentrification: beyond the uneven development of Marxist urban theory, *Environment and planning D: Society and Space*, vol. 2, no. 1, pp. 47—74.

- Rousseau, M. (2009) Re-imagining the city centre for the middle classes: regeneration, gentrification and symbolic policies in “loser cities”, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 33, no. 3, pp. 770—788.
- Sassen, S. (2016) The global city: enabling economic intermediation and bearing its costs, *City & Community*, vol. 15, no. 2, pp. 97—108.
- Weber, R. (2019) Winifred Curran 2018: Gender and Gentrification, New York: Routledge, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 43, pp. 200—202.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Вершинина Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, urbansociology@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: winrs@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шведова Н. А. ООН и цели устойчивого развития: на пути к реализации	3
Маленков В. В. Гендерное равенство в структуре гражданско-политических ориентаций подростков 19 стран	17

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кашина М. А., Ткач С. История развития гендерных исследований в России через анализ дискурсов их предметных полей (По материалам анализа word-nets и word-clouds)	36
Калабихина И. Е. Последствия пандемии COVID-19 в гендерном ракурсе	60
Милованова М. Ю. Социальное настроение сельских жителей в условиях пандемии COVID-19: гендерные аспекты	77
Богомягкова Е. С. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье: гендерные различия в российском контексте	90
Ребрей С. М. Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства	108
Титаренко Л. Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода	118
Чурилова Е. В., Захаров С. В. Качество семейных отношений, намерения расстаться и их реализация у мужчин и женщин в России	131
Галиева Г. И., Гибадуллина М. Р. Добрачные стратегии молодых мусульманок (На материалах социологических исследований в Республике Татарстан)	143

РЕЦЕНЗИИ

Вершинина И. А. Рец. на кн.: Curran W. Gender and Gentrification. New York: Routledge, 2018	160
<i>Информация для авторов</i>	165

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

- Shvedova N. A.** The UN and the sustainable development goals: on the way to implementation 3
- Malenkov V. V.** Gender equality in the structure of civil-political orientations of teenagers from 19 countries 17

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- Kashina M. A., Tkach S.** History of the evolution of gender studies in Russia through the analysis of discourses of their subject fields (Based on the analysis of word-nets and word-clouds) 36
- Kalabikhina I. E.** Consequences of the COVID-19 pandemic from a gender perspective 60
- Milovanova M. Yu.** Social mood of rural residents in the context of the COVID-19 pandemic: gender aspects 77
- Bogomiagkova E. S.** Digital technologies in health care practices: gender differences in Russian context 90
- Rebrey S. M.** The concept of agency as a new approach to measuring gender inequality 108
- Titarenko L. G.** The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition 118
- Churilova E. V., Zakharov S. V.** Partnership quality, union dissolution intentions and their realization among men and women in Russia 131
- Galieva G. I., Gibadullina M. R.** Premarital strategies of young Muslim women (Based on the materials of sociological research in the Republic of Tatarstan) 143

REVIEWS

- Vershinina I. A.** Review of: Curran W. Gender and Gentrification. New York: Routledge, 2018 160
- Information for the authors* 165

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 — 2022

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2022 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 121. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ